

СТИВЕН

ИСТОРИЯ ЛИЗИ

КИНГ

Стивен Кинг
История Лизи

«АСТ»

2006

Кинг С.

История Лизи / С. Кинг — «АСТ», 2006

Кошмар, всю жизнь преследовавший знаменитого писателя Скотта Лэндона... Кошмар, который достался в наследство ни о чем не подозревающей жене Лизи. Как погиб ее муж? Как он жил? Откуда он черпал идеи для своих романов, кажущихся уж слишком реалистичными? С какими силами он заключил тайный союз? Чтобы ответить на эти вопросы, Лизи предстоит совершить путешествие в самое сердце Тьмы...

© Кинг С., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	43
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Стивен Кинг

История Лизи

Stephen King
LISEY'S STORY

© Stephen King, 2006

© Перевод. В.А. Вебер, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается Тэбби

Куда ты идешь, когда тебе одиноко?

Куда ты идешь, когда тебе грустно?

Куда ты идешь, когда тебе одиноко?

Я пойду за тобой,

Когда звезды померкнут в тоске.

Райан Адамс

Часть 1

Охота на Була

Будь я луной, я бы знал, куда упаду.
Д.Г. Лоуренс, «Радуга»

Глава 1

Лизи и Аманда

(Всё по-прежнему)

1

Для общественности супруги известных писателей невидимы, и никто не знал этого лучше, чем Лизи Лэндон. Ее муж стал лауреатом Национальной книжной и Пулитцеровской премий, тогда как у Лизи за всю жизнь взяли только одно интервью. К ней обратился известный женский журнал, который публикует колонку «Да, я замужем за *ним!*». В первой половине интервью на пятьсот слов она объясняла, что ее уменьшительное имя рифмуется с «Сиси». Большая часть второй ушла на ее рецепт приготовления ростбифа на медленном огне. Сестра Лизи, Аманда, сказала, что на фотографии, которая иллюстрировала интервью, Лизи выглядит толстой.

Ни одна из сестер Лизи не могла отказать себе в удовольствии подбить кого-нибудь к ссоре («тронуть говно» – как говорил по этому поводу их отец) или со знанием дела перетряхнуть чужое грязное белье, но если Лизи на кого и злилась, так на ту же Аманду. Старшая (и самая странная) из сестер Дебушер, детство которых прошло в Лисбон-Фоллс, Аманда теперь жила одна, в небольшом, но уютном доме, купленном ей Лизи и расположенном неподалеку от Касл-Вью, так что Лизи, Дарла и Кантата могли часто за ней приглядывать. Лизи приобрела этот дом семь лет назад, за пять лет до того, как умер Скотт. Умер Молодым. Умер Преждевременно. Так, кажется, принято говорить в подобных случаях. Лизи до сих пор с трудом верилось, что со дня смерти Скотта прошло два года. С одной стороны, казалось, будто минуло гораздо больше времени, с другой – будто это случилось только вчера.

В конце концов Лизи собралась с духом и взялась за его рабочие апартаменты – несколько длинных, хорошо освещенных комнат, которые когда-то были чердаком-сеновалом фермерского амбара. Аманда объявилась на третий день, после того как Лизи уже закончила составление перечня зарубежных изданий (несколько сотен) и лишь приступила к списку мебели, ставя звездочки напротив тех предметов, которые намеревалась оставить. Лизи ожидала, что Аманда спросит, а почему, Боже ты мой, она все делает так медленно, но Аманда никаких вопросов не задавала. И когда Лизи перешла от мебели к более скучному (и грозящему затянуться на весь день) разбору картонных коробок с корреспонденцией, которые стояли в большом чулане, Аманда и не думала отрываться от внушительных стопок и пачек газет и журналов со статьями о Скотте и его интервью, которые лежали у южной стены. Аманда быстро просматривала их и молча перекладывала с места на место, то и дело что-то записывая в маленький блокнот, который держала под рукой.

Лизи, однако, не спросила «Что ты ищешь?» или «Что ты там записываешь?». Как не раз и не два отмечал Скотт, Лизи обладала редким, если не уникальным, талантом: предпо-

читала заниматься своими делами и совершенно не возражала, если кто-то другой занимался своими. При условии, конечно, что ты не собирал бомбу, чтобы кого-нибудь взорвать, а в случае Аманды взрывчатку исключать как раз и не следовало. Она относилась к тем женщинам, которые не могли не совать нос в чужие дела и рано или поздно обязательно открывали рот, чтобы выложить все, что им известно.

Муж Аманды подался на юг из Рамфорда, где они жили («Словно пара росомых, застрявших в дренажной трубе», – сказал Скотт после того, как они заехали к ним в гости в первый и, как он дал клятву, последний раз) в 1985 году. Ее единственный ребенок – Интермеццо по документам и Метци в обыденной жизни – отправилась на север, в Канаду (с кавалером-дальнобойщиком) в 1989-м. «Один удрал на север, другой на юг умчал, а тот назойливого рта на миг не закрывал», – говорил их отец, когда они были детьми, и дочку папы Дэнди Дейва Дебюшера, которая не могла закрыть назойливый рот, понятное дело, звали Анда. Вот ее-то и бросил муж, а потом – дочь.

И пусть характер у Аманды был далеко не сахар, Лизи не хотела, чтобы та оставалась в Рамфорде, предоставленная самой себе. Не сомневалась, что одну Аманду оставлять нельзя, и, пусть они об этом не говорили, точно знала, что Дарла и Кантата придерживались того же мнения. Поэтому она переговорила со Скоттом, нашла маленький кейп-код¹, за который запросили «девятьсто семь тысяч долларов сразу, и никаких торгов». Вскоре Аманда перебралась туда, после чего жила в непосредственной близости от Лизи.

А вот теперь, через два года после смерти Скотта, Лизи наконец-то приступила к наведению порядка в его рабочих апартаментах. На четвертый день иностранные издания уже лежали в коробках, она более-менее разобралась с корреспонденцией и уяснила для себя, какую мебель нужно убрать, а какую оставить. Так почему же у нее складывалось ощущение, что сделала она крайне мало? Она же знала с самого начала, что эта работа спешки не потерпит, несмотря на все письма и телефонные звонки после смерти Скотта (не говоря уже о визитах). Лизи полагала, что в конце концов люди, заинтересованные в неопубликованных произведениях Скотта, свое получают, но лишь после того, как она сочтет, что готова их отдать. Поначалу они этого не понимали, как говорится, не доходило. Теперь же, полагала она, до большинства дошло.

Оставшееся после Скотта определялось многими словами. Она ясно понимала для себя значение одного – *memorabilia*², но было еще одно забавное, звучащее, как *incuncabilla*³. Именно это хотели заполучить злые, нетерпеливые люди, пытавшиеся завоевать ее доверие, – *incuncabilla* Скотта. Лизи даже придумала им прозвище – инкунки.

2

Что она ощущала, особенно после появления Аманды, так это уныние – то ли она недооценила ношу, которую решила взвалить на себя, то ли переоценила (и очень сильно) свою способность довести начатое до логического завершения: оставленная мебель в самом амбаре, свернутые ковры, желтый мебельный фургон для перевозки лишнего на подъездной дорожке, отбрасывающий тень на дощатый забор, который отделял их участок от соседнего, принадлежащего Галлоуэям.

¹ Кейпкод – тип коттеджа, получивший название по полуострову КейпКод в штате Массачусетс, где их начали строить: одноэтажный, деревянный, под двухскатной крышей с массивной каминной трубой посередине и полуподвалом. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Memorabilia – достопамятные вещи (лат.).

³ Incuncabilla – такого слова нет ни в латыни, ни в английском. Лизи путает его со словом «incunabula» – период зарождения, ранняя стадия, первые дни (англ.). В данном контексте – неопубликованные произведения, созданные до того, как к писателю пришла известность.

Да, и не забывайте печального сердца рабочих апартаментов – трех компьютеров (их было четыре, но один, который стоял в архивной комнате, стараниями Лизи уже покинул чердак). Каждый был новее и легче предыдущего, но даже самый новый являл собой большую настольную модель, и все они по-прежнему работали. Доступ к ним защищался паролями, а пароли эти Лизи не знала. Она никогда о них не спрашивала и понятия не имела, какой электронный мусор мог храниться на жестких дисках компьютеров. Списки продуктов, которые нужно купить? Стихи? Эротика? Она точно знала, что Скотт выходил в Интернет, но не могла сказать, какие сайты он посещал. «Амазон», «Драдж», «Хэнк Уильямс жив», «Золотые дожди и башня власти мадам Круэли»⁴? Она склонялась к мысли, что на такие сайты, как последний, Скотт не заходил, иначе она видела бы счета (или хотя бы строку в перечне месячных расходов), но понимала, что все это чушь собачья. Если бы Скотт хотел утаивать от нее тысячу баксов в месяц, сделать это не составило бы никакого труда. А пароли? Это смешно, но скорее всего он ей их называл. Просто такие мелочи она забывала. Вот и все. Лизи сказала себе, что нужно попробовать ввести свое имя. Может, после того, как Аманда уйдет сегодня домой. Но ее сестра определенно никуда не торопилась.

Лизи села, сдула волосы со лба. *Такими темпами я доберусь до рукописей лишь к июлю*, подумала она. *Инкунки с ума сойдут, если увидят, с какой я продвигаюсь скоростью. Особенно последний.*

Последний (он приезжал пять месяцев назад) умудрялся не взорваться, умудрялся вести вежливую беседу, и она даже подумала, что он не такой, как остальные. Лизи рассказала ему о том, что рабочие апартаменты Скотта пустуют уже полтора года, но она должна собрать волю в кулак, подняться туда и навести там порядок.

К ней в гости пожаловал Джозеф Вудбоди, профессор кафедры английского языка и литературы Питтсбургского университета. Скотт оканчивал этот университет, а курс профессора Вудбоди «Скотт Лэндон и американский миф» пользовался у студентов огромной популярностью. Народ туда просто ломился. В этом году четверо его аспирантов писали работы по творчеству Скотта Лэндона, поэтому не следовало удивляться, что инкунк-воин бросился в атаку, когда Лизи заговорила в таких неопределенных терминах, как «скорее раньше, чем позже» или «практически наверняка этим летом». Но Вудбоди начал горячиться лишь после того, как Лизи завершила его, что обязательно позвонит, «когда осядет пыль».

Тот факт, что она делила ложе с великим американским писателем, сказал профессор, не означает, что она достаточно квалифицирована для того, чтобы стать исполнителем его литературного завещания. Это работа для эксперта, а у миссис Лэндон, насколько он понимает, нет даже диплома колледжа. Он напомнил ей о времени, которое прошло после смерти Скотта Лэндона, и слухах, которые продолжали множиться. Предположительно оставались горы неопубликованного материала: рассказы, возможно, даже романы. Может быть, она все-таки позволит ему подняться в рабочие апартаменты Лэндона? Если он заглянет в бюро и ящики стола, возможно, удастся положить конец всем этим слухам. Разумеется, осмотр будет происходить в ее присутствии, иначе просто и быть не может.

– Нет, – твердо заявила она, провожая профессора Вудбоди к дверям. – Для этого я еще не готова. – Она не сразу поняла (потому что профессор скрывал это лучше других), что он такой же безумец, как все. – А когда я буду готова, я хочу просмотреть все, не только рукописи.

– Но...

– Все по-прежнему, – очень серьезно ответила она.

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

⁴ Если первые три сайта – Amazon, Drudge, Hank Williams lives, – реально существуют, то последний – вымышленный, вероятно, олицетворяющий собой порнографический сегмент Интернета.

Разумеется, он не понимал. Эта фраза была частью их семейного языка. Сколько раз Скотт влетал в дом и кричал: «Эй, Лизи, я дома... все по-прежнему?» – то есть спрашивал: *все хорошо, все нормально?* Но, как и большинство «фраз силы»⁵ (Скотт как-то расшифровал этот термин Лизи, но она и без того знала, о чем речь), в ней был и скрытый смысл. Лизи могла бы объяснять эти нюансы профессору целый день, и он все равно не понял бы. Почему? Потому что был инкунком, а когда дело касалось Скотта Лэндона, инкунков интересовало только одно.

– Это не имеет значения, – сказала она пять месяцев назад профессору Вудбоди. – Скотт бы понял.

3

Если бы Аманда спросила, где хранится «мемориал» Скотта (свидетельства о вручении премий, дипломы и все такое), Лизи бы солгала (лгала она очень даже неплохо, хотя и крайне редко): «В «Ю-стор-ит»⁶ в Механик-Фоллс». Аманда, однако, не спросила. Просто пролистывала свой маленький блокнот, определенно дожидаясь от младшей сестры более чем уместного вопроса, но Лизи его не задавала. Она думала о том, какой пустой казалась теперь эта архивная комната, какой пустой и неинтересной после того, как ее покинули многие вещи, связанные со Скоттом. Что-то отправилось на свалку (как компьютерный монитор), что-то слишком поцарапали и погнули, чтобы кому-либо показывать: такая выставка вызвала бы больше вопросов, чем дала ответов.

Наконец Аманда сдалась и открыла блокнот.

– Посмотри сюда. Только посмотри.

Аманда протянула ей раскрытый на первой странице блокнот. Всю площадь страницы, от металлической спирали по левому торцу до правого края (как кодированное послание от тех уличных сумасшедших, с которыми приходится постоянно сталкиваться в Нью-Йорке, потому что на психиатрические лечебницы не хватает денег), занимали написанные на синих линиях числа. Большинство Аманда обводила кружком. Некоторые брала в квадрат. Она перевернула страницу, и глазам Лизи открылись уже две, заполненные числами. На следующей числа занимали только верхнюю половину. И заканчивалось все числом 846.

Аманда искоса глянула на сестру, раскрасневшаяся, веселая, и взгляд этот означал (когда ей было двенадцать лет, а Лизи – два годика), что Анде удалась какая-то пакость и кое-кому придется плакать. Лизи обнаружила, что ей хочется узнать (с определенным интересом, но и с предчувствием дурного), чем все обернется на этот раз. Аманда вела себя как-то странно с того самого момента, как появилась в доме. Может, сказывались низкая, тяжелая облачность и духота. Но более вероятную причину следовало искать во внезапном отсутствии ее вечного бойфренда. Если Аманда намеревалась выдать очередную эмоциональную бурю из-за того, что Чарли Корриво бросил ее, тогда Лизи следовало к этому подготовиться. Ей никогда не нравился Корриво, она ему не доверяла, пусть он и был банкиром. Да и как она могла доверять человеку, если после весенней распродажи выпечки, доход от которой пошел на нужды библиотеки, она случайно услышала в «Мудром тигре», как какие-то мужчины называли его Балаболом. Хорошенькое прозвище для банкира? Понятно, что оно означало. И, конечно же, он должен был знать, что в прошлом у Анды были проблемы с психикой.

– Лизи? – услышала она голос Ааманды. Брови сестры сходились у переносицы.

– Извини, – ответила Лизи. – Я просто... отвлеклась на секунду.

⁵ Фраза силы – термин из популярной психологии, обозначающий фразы, позволяющие влиять на людей (в рекламных слоганах – чтобы покупали, в речах политиков – чтобы голосовали, и т. д.).

⁶ «Юсторит» – крупнейшая компания, предоставляющая складские помещения организациям и частным лицам.

– С тобой такое часто случается, – покачала головой Аманда. – Думаю, это от Скотта. Смотри внимательно, Лизи. Я пронумеровала все журналы, которые лежат у стены.

Лизи кивнула, словно понимая, зачем все это делалось.

– Номера я поставила карандашом, едва заметные, – продолжила Анда. – Делала это, когда ты стояла ко мне спиной или чем-то занималась. Думала, что ты меня остановишь, если увидишь.

– Я бы не стала. – Она взяла блокнот, чуть влажный от пота владелицы. – Восемьсот сорок шесть! Так много! – И Лизи знала, что издания, которые лежали у стены, не относились к тем, которые она могла бы читать и даже держать в доме. Она бы предпочла «О», «Гуд хаускипинг», «Мисс»⁷, но тут лежали «Сьюэнни ревью», «Глимер трейн», «Оупен сити», не говоря уже об изданиях с такими неудобоваримыми названиями, как «Пискья»⁸.

– Тут их гораздо больше. – Аманда ткнула большим пальцем в сторону стопок книг и журналов. Действительно, когда Лизи посмотрела на них, она поняла, что ее сестра права. Их гораздо больше восьмиста сорока с хвостиком. Должно быть больше. – Их тут почти три тысячи, и куда ты все это сложишь или кто захочет их взять, я, конечно, сказать не могу. Нет, восемьсот сорок шесть – это число, где есть твои фотографии.

Аманда неловко построила фразу, и Лизи не сразу ее поняла. А когда сообразила – обрадовалась. Сама идея, что эти журналы могут стать столь неожиданным фотоархивом (в котором хранились свидетельства ее жизни со Скоттом), даже не приходила ей в голову. Но когда она об этом подумала, все встало на свои места. К моменту его смерти они прожили вместе более двадцати пяти лет, и все эти годы Скотт неустанно путешествовал, читал лекции, выступал, пересекал страну из конца в конец, срываясь с места, едва заканчивал одну книгу, и угомонялся, лишь приступив к следующей. За год посещал до девяноста кампусов и при этом выдавал на-гора, казалось, нескончаемый поток коротких рассказов. В большинстве поездок она сопровождала его. В скольких мотелях гладила шведским паровым утюгом один из его костюмов, тогда как с одной стороны в телевизоре что-то бубнили участники очередного ток-шоу, а с другой Скотт, с падающими на лоб волосами, выбивал дробь на пишущей машинке (в первые годы их совместной жизни) или набирал текст на ноутбуке (позже)?

Анда угрюмо смотрела на нее, реакция сестры ей определенно не нравилась.

– Которые обведены кружком, их более шестисот, там в подписях к фотографиям к тебе отнеслись без должного уважения.

– Правда? – Слова Аманды заинтриговали Лизи.

– Я тебе покажу.

Аманда заглянула в блокнотик, подошла к лежащим у стены стопкам журналов, вновь сверилась со своими записями, вытащила два. Один – в дорогом переплете, издаваемый дважды в год университетом Кентукки в Боулинг-Грин. Второй, формата «Ридерс дайджест», похоже, студенческий, назывался «Тяни-Кидай»: такие названия обычно придумывали студенты-филологи, и они ровным счетом ничего не значили.

– Открой их, открой! – потребовала Аманда и, когда сунула журналы в руки Лизи, обдала ее резким запахом пота. – Страницы заложены уголками, видишь?

Уголки. Так их мать называла клочки бумаги. Первым Лизи открыла журнал, выходящий дважды в год, на отмеченной бумажкой странице. Фотография ей сразу понравилась – четкая, качественно напечатанная. Скотт стоял на какой-то сцене, она – чуть сзади, аплодируя ему. Слушатели находились внизу, тоже хлопали. Фотография в «Тяни-Кидай» не шла с первой ни

⁷ «О» – женский ежемесячный журнал, основан Опррой Уинфри. Полное название «Журнал Опры». «Гуд хаускипинг» – популярный домоводческий журнал, издается в России под названием «Домашний очаг». «Мисс» – популярный журнал феминистской направленности.

⁸ «Сьюэнни ревью», «Глимер трейн», «Оупен сити» – реально существующие литературные журналы. «Пискья», вероятно, плод воображения С. Кинга.

в какое сравнение. Разрешение отвратительное, точки размером с острие плохо заточенного карандаша, бумага самая дешевая, неровная, с посторонними вкраплениями – но, взглянув на фотографию, Лизи едва не заплакала. Скотт, похоже, входил в какой-то гудящий подвал. На его лице сияла привычная улыбка, которая говорила: «Да, знакомое местечко». Она шла в шаг или двух позади, но на фотографии была и ее улыбка, то есть фотограф воспользовался мощной вспышкой. Она даже узнала свою блузу, голубую, от Энн Кляйн, с забавной единственной красной полосой слева. Нижняя половина тела, вместе с одеждой, терялась в тени, и Лизи не помнила, что именно было на ней в тот вечер, но была почти уверена – джинсы. Если она шла куда-то поздно вечером, то всегда надевала вылинявшие джинсы. Надпись гласила: *Живая легенда Скотт Лэндон (в сопровождении подруги) в прошлом месяце посетил клуб «Сталаг 17» университета Вермонта. Лэндон оставался до последнего звонка, читал, танцевал, развлекался. Этот парень знает, как оттянуться.*

Да. Этот парень знал, как оттянуться. Она могла это засвидетельствовать.

Лизи посмотрела на все остальные периодические издания, внезапно потрясенная тем, какие еще богатства она может в них раскопать, и поняла, что Аманда все-таки причинила ей боль, разбредила рану, которая теперь могла кровоточить долгое время. Был ли Скотт единственным, кто знал о темных местах? Грязных, темных местах, где ты внезапно оказывалась одинокой и лишенной дара речи? Может, она знала о них не так много, как он, но знала предостаточно. И, конечно, она знала, что он одержим призраками. После захода солнца никогда не смотрелся в зеркало, да и в любую другую отражающую поверхность, если была такая возможность. И она любила его, несмотря на все это. Потому что этот парень знал, как оттянуться.

Но с этим покончено. Этот парень наоттягивался. Этот парень отошел в мир иной, а в ее жизни – новый этап, на котором она не выступает в паре, а солирует, и уже слишком поздно поворачивать назад.

От этой мысли по ее телу пробежала дрожь, она заставила Лизи подумать о тварях, *(пурпурной, твари с пегим боком)*

думать о которых не стоило, вот она и отогнала эти мысли.

– Я рада, что ты нашла эти фотографии. – В голосе слышалась теплота. – Ты очень хорошая старшая сестра, знаешь ли.

И, как и надеялась Лизи (но не могла на это рассчитывать), Анда растерялась. Подозрительно посмотрела на сестру в поисках намека на неискренность, но, разумеется, не нашла. Мало-помалу расслабилась, превратилась в Аманду, с которой легче иметь дело. Повертела в руках блокнот, нахмурившись, уставилась на него, словно не понимая, откуда он взялся. Лизи подумала, что, учитывая навязчивую природу чисел, это, возможно, шаг в правильном направлении.

Потом Анда кивнула, как делают люди, словно вспоминая что-то такое, о чем с самого начала не следовало забывать.

– Там, где нет кружков, тебя по крайней мере *назвали* – Лиза Лэндон, реально существующая личность. А самое главное – напоследок взгляни-ка вот на этот ли-и-изт... почти что каламбур получается, учитывая, как мы всегда тебя называли... ты увидишь, что некоторые числа обведены квадратом. В этих изданиях ты сфотографирована *одна!* – Она выразительно посмотрела на сестру. – Ты захочешь на них взглянуть.

– Безусловно. – Лизи постаралась придать голосу выражение, свидетельствующее о том, что от нетерпения она буквально выпрыгивает из трусиков, хотя не могла понять, почему ее должны заинтересовать фотографии, на которых она одна, сделанные в тот слишком уж короткий период, когда рядом с ней был ее мужчина (хороший мужчина, знающий, как жить и как работать, не какой-нибудь инкунк), с которым она делила дни и ночи. Лизи оторвала взгляд от стопок и груд периодических изданий самых разных размеров и форм, представив себе, каково это будет – брать их пачку за пачкой, просматривать один за другим, сидя, скрестив ноги, на

полу архивной комнаты (а где же еще?), отыскивая все эти фотографии – ее и Скотта. И на тех, которые особо злили Аманду, находить себя, шагающую чуть сзади, смотрящую на него снизу вверх. И если на фотографии другие аплодировали, аплодировала и она. Ее лицо на этих фотографиях могло быть безмятежным, практически не выдающим эмоций, показывающим разве что вежливое внимание. Ее лицо говорило: *Мне с ним не скучно*. Ее лицо говорило: *Он не вызывает у меня благоговейного трепета*. Ее лицо говорило: *Ради него я не брошусь в огонь, как и он – ради меня* (ложь, ложь, ложь).

Аманда ненавидела эти фотографии. Ее мутило от одного их вида. Она знала, что ее сестру иногда называли миссис Лэндон, случалось, миссис Скотт Лэндон, а то (и это было самым унижительным) не называли вовсе. Опускали до «подруги». Для Аманды это было равносильно убийству.

– Анда?

Аманда взглянула на нее. И в этом резком, ярком свете Лизи вдруг вспомнила, испытывавший самый настоящий шок, что осенью Аманде исполнится шестьдесят. Шестьдесят! В этот момент Лизи подумала о той твари, что преследовала ее мужа бессонными ночами (если все будет как она хочет, сказала себе Лизи, Вудбоди этого мира об этой тревоге никогда и ничего не узнают). Эта тварь, с бесконечным крапчатым боком, прекрасно знакома раковым больным, смотрящим на пустые стаканчики из-под болеутоляющего и знающим, что до утра новой порции не будет.

Она совсем близко, родная моя. Я не могу ее видеть, но слышу, как она закусывает.

Прекрати, Скотт, я не знаю, о чем ты говоришь.

– Лизи? – спросила Аманда. – Ты что-то сказала?

– Бормочу всякую чушь. – Она попыталась улыбнуться.

– Ты говорила со Скоттом?

Лизи оставила попытки улыбнуться.

– Да, пожалуй, что да. Иногда я все еще говорю с ним. Безумие, правда?

– Я так не думаю. Нет, если получается. Я считаю, безумие – это когда не получается.

Кому знать, как не мне? У меня есть некоторый опыт. Так?

– Анда...

Но Аманда уже отвернулась, чтобы взглянуть на кипы периодических изданий, студенческих журналов, ежегодников. А когда посмотрела на Лизи, ее лицо осветила робкая улыбка.

– Я все сделала правильно, Лизи? Я только хотела внести свою лепту...

Лизи взялась за руку Аманды, легонько сжала.

– Ты все сделала правильно. Как насчет того, чтобы уйти отсюда? Предлагаю тебе первой принять душ.

4

Я заплутал в темноте, и ты меня нашла. Мне было жарко... так жарко... и ты дала мне лед.

Голос Скотта.

Лизи открыла глаза, думая, что на мгновение отключилась от какой-то дневной работы, и увидела короткий, но на удивление подробный сон, в котором Скотт умер, а она подрядилась в Гераклы, взяв на себя очистку рабочих конюшен мужа. Но, открыв глаза, сразу поняла, что Скотт действительно умер, а сама она спала в собственной постели после того, как отвезла Аманду домой, и это был ее сон.

Она словно плавала в лунном свете. Улавливала аромат экзотических цветов. Теплый летний ветерок отбрасывал волосы с висков, тот ветерок, что дует после полуночи в каком-то таинственном месте далеко от дома. И однако это был ее дом, точно, ее дом, потому что перед собой она видела амбар, на чердаке которого располагались рабочие апартаменты Скотта

– объект жгучего интереса инкунков. А теперь, спасибо Аманде, она знала, что там лежит множество фотографий ее и умершего мужа. Зарытое сокровище, духовная пища.

Может, лучше бы не смотреть эти фотографии, прошептал на ухо ветерок.

Ох, вот на этот счет сомнений у нее не было. Но она все равно посмотрит. Теперь, зная, что они там, просто не могла заставить себя не посмотреть.

Она обрадовалась, увидев, что плывет на огромном, поблескивающем в свете луны полотнище, на котором многократно напечатана фраза «ПИЛЬСБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА». На углах полотнища узлы, как на носовом платке. Такое богатство фантазии ей нравилось. Все равно что плыть на облаке.

Скотт, она попыталась произнести его имя вслух и не смогла. Сон ей этого не позволил. Она видела, что подъездная дорожка, ведущая к амбару, исчезла. Вместе с двором между амбаром и домом. На их месте раскинулось огромное поле пурпурных цветов, дремлющих в призрачном лунном свете. *Скотт, я тебя любила, я тебя спасла, я...*

5

Тут она проснулась и услышала себя в темноте, повторяющую снова и снова, словно мантру: «Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед. Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед. Я тебя любила, я тебя спасла, я принесла тебе лед».

Она еще долго лежала, вспоминая жаркий августовский день в Нашвилле и думая (не в первый раз), что остаться одной, прожив так долго в паре, странно и необычно. Задай ей такой вопрос при жизни Скотта, она бы ответила, что два года – достаточный срок, чтобы с этим свыкнуться, но на собственном опыте выяснила, что это не так. Время, похоже, ничего не делало, разве что притупило острую кромку горя, и теперь она рвала, а не резала. Потому что уже ничего не было «по-прежнему». Ни снаружи, ни внутри, ни для нее. Лежа в кровати, где раньше спали двое, Лизи думала, что человек острее всего чувствует себя одиноким, когда просыпается и обнаруживает, что в доме никого нет. Из тех, кто способен дышать, – только ты да мыши в стенах.

Глава 2

Лизи и безумец

(Темнота любит его)

1

Наутро Лизи сидела, поджав ноги, в архивной комнате Скотта и просматривала кипы и стопки журналов, списки выпускников, бюллетени кафедры английского языка и литературы, университетские «журналы», которые лежали вдоль южной стены. До прихода в рабочие апартаменты думала, что беглого просмотра вполне хватит для того, чтобы избавиться от тех жестких тисков, в которых эти еще не увиденные фотографии держали ее воображение. А попав сюда, поняла, что надежда эта напрасна. И ей не требовался маленький блокнот Аманды с вписанными в него числами. Он лежал на полу, никому не нужный, пока Лизи не сунула его в задний карман джинсов. Не нравился ей вид этого блокнота, принадлежащего человеку с не совсем здоровой психикой.

Вновь она оглядела длинную стопку книг и журналов, приваленных к южной стене, – пыльную книгозмею высотой в четыре фута, а длиной в добрые тридцать. Если бы не Аманда, она упаковала бы все в коробки из винного магазина, не заглянув ни в один журнал и гадая, зачем Скотт хранил в своих рабочих апартаментах так много мусора.

Мои мозги устроены как-то иначе, сказала она себе. Пожалуй, я не мыслитель.

Может, и нет, но ты всегда отличалась феноменальной памятью.

Голос Скотта, с его обаятельной насмешливостью, перед которой невозможно устоять. Но, по правде говоря, ей гораздо лучше удавалось все забывать. Ему тоже, и на то у обоих были свои причины. И однако, будто в доказательство его правоты, Лизи услышала обрывок разговора двух призраков. Один голос, Скотта, она узнала. Во втором слышался легкий южный акцент. Возможно, *показной* легкий южный акцент.

– ...Тони запишет все это для (Как там его? Чего-то там... Да, в общем, без разницы). Вы бы хотели получить экземпляр, мистер Лэндон?

– ...Гм-м-м? Конечно, будьте уверены!

Бормочущие голоса вокруг них. Скотт едва услышал слова о том, что Тони что-то там запишет, но он обладал свойственным политикам даром открываться тем, кто пришел увидеть его, когда он выступал публично. Скотт больше слушал гул окружающей толпы и уже думал о том, что вот-вот произойдет включение, приятный такой момент, когда электричество от него устремляется к собравшимся, чтобы потом вернуться обратно, с удвоенной, даже утроенной мощностью. Он любил этот поток, но Лизи точно знала, что больше всего ему нравилось то мгновение, когда штепсель втыкался в розетку. Тем не менее он не стал экономить время на ответ.

– ...Вы можете прислать фотографии, статьи или рецензии из газеты кампуса, отчеты кафедры и так далее. Пожалуйста. Я хочу увидеть все. «Кабинет Лэндона, отделение БДП⁹ № 2, Шугар-Топ-Хилл-роуд, Касл-Рок, штат Мэн». Лизи знает почтовый индекс. Я его вечно забываю.

Ничего о ней, просто «Лизи знает почтовый индекс». Как бы Анда завизжала, услышав такое! Но Лизи хотела, чтобы о ней забывали в таких поездках, чтобы она была и ее как бы не было. Ей нравилось наблюдать.

⁹ БДП – бесплатная доставка почты (в сельской местности).

«Как тому парню в порнофильме?» – однажды спросил ее Скотт – и увидел узкую, как новорожденный месяц, улыбку, которая показывала, что он подошел к опасной черте. «Примерно так, дорогой», – ответила она.

Он всегда представлял ее сразу по приезде куда-либо и потом повторял ее имя снова и снова, другим людям, но это редко срабатывало. Вне своей сферы деятельности ученые, как ни странно, выказывали полное отсутствие любопытства. Большинство радовались приезду автора «Дочери Коустера» (Национальная книжная премия) и «Реликвий» (Пуллитцеровская). К тому же на протяжении почти десяти лет Скотта превозносили чуть ли не как божество. Другие, конечно, но отчасти он обрел нимб и в собственных глазах (Лизи, само собой, видела в нем обычного человека; она приносила ему новый рулон туалетной бумаги, если прежний заканчивался, когда он сидел на толчке). Никто, естественно, не подключал электричество к сцене, когда он стоял на ней с микрофоном в руке, но даже Лизи чувствовала связь, которая возникала между ним и аудиторией. Эти вольты. Они словно питали людей и имели слишком малое отношение к его писательству. Может, и вовсе никакого отношения. И были напрямую связаны с его личностью. Звучит безумно, но так оно и было. И вроде бы эти вольты не сильно меняли его самого, не причиняли вреда, по крайней мере до...

Ее взгляд перестал бродить, остановился на книге в переплете с вытесненными золотыми буквами на корешке: «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988».

1988-й, год романа о рок-музыканте. Романа, который Скотт так и не написал.

1988-й, год безумца.

– Тони запишет все...

– Нет, – остановила себя Лизи. – Неправильно. Он не сказал Тони, он сказал...

– Тонех...

Да, вот это правильно, он сказал Тонех, он сказал...

– Тонех, он за-ахпишет все это...

– ...он запишет все это для «У-Тенн восемьдесят восьмого года», – произнесла Лизи без всякого акцента. – Он сказал...

– ...и вышлет «Экспресс-почтой».

И она могла поклясться, что этот яркий поклонник Теннесси Уильямса едва не сказал «Кспресс». Это был тот самый голос, все точно, с легким южным акцентом. Дэшмор? Дэшмен? Дэш там присутствовало, все так, и этот тип мчался вперед¹⁰, как гонщик-звезда, но звали его иначе. Звали его...

– Дэшмайл! – сообщила Лизи пустым комнатам и сжала кулаки. Смотрела на книгу с золотыми буквами на корешке, словно та могла мгновенно исчезнуть, стоило Лизи лишь отвести взгляд. – Этого маленького гадкого южанина звали Дэшмайл, и ОН УДРАЛ КАК ЗАЯЦ.

Скотт отверг бы и предложенную «Экспресс-почту», и «Федерал экспресс», полагая, что все это – лишние расходы. Насчет корреспонденции спешки никакой не было: когда придет, тогда он ее и получит. Когда дело касалось его романов, он как раз задержек с рецензиями не любил, предпочитал как можно быстрее их увидеть, а вот для статей о его публичных выступлениях обычная почта очень даже годилась. Поскольку «Кабинет» был его личным адресом, Лизи осознала, что она и не могла видеть всю эту корреспонденцию. А как только журналы оказывались здесь... эти просторные, хорошо освещенные комнаты были творческой игровой площадкой Скотта – не ее, клубом одного мальчика, где он писал свои истории, слушал свою музыку так громко, как ему того хотелось, в специальной комнате со звукоизолирующими стенами, которую он называл «Моя палата для буйных». На двери в рабочие апартаменты не висела табличка «НЕ ВХОДИТЬ», Лизи часто бывала там при жизни мужа, и Скотт всегда радовался ее приходу, но потребовалась Аманда, чтобы понять, что именно пряталось

¹⁰ Одно из значений английского глагола «dash» – мчаться.

в животе книгозмеи, спящей у южной стены. Вспыльчивая Аманда, подозрительная Аманда, психически неуравновешенная Аманда, которая в какой-то момент пришла к выводу, что ее дом сгорит дотла, если она не будет класть в печку три кленовых полешка, не больше и не меньше. Аманда, которая трижды поворачивалась через левое плечо на крыльце, перед тем как вернуться в дом, если что-то там забывала. Посмотрите на все это (или послушайте, как она считает возвратно-поступательные движения руки, когда чистит зубы) и вы тут же внесете Аманду в список чокнутых старушек, а кто-то еще и выпишет ей золофт или прозак. Но без помощи Анды смогла бы маленькая Лизи понять, что в рабочих апартаментах хранятся сотни фотографий ее покойного мужа, ожидающие, когда кто-нибудь на них глянет? Сотни воспоминаний, которые могли ожить. И в большинстве своем они были бы куда более приятными, чем связанное с Дэшмайлом, этим трусливым южанином...

– Прекрати, – пробормотала она. – Сейчас же прекрати, Лиза Дебушер Лэндон, расслабься и выброси из головы.

Но, вероятно, к этому она еще не была готова, потому что встала, пересекла комнату и опустилась на колени перед книгами. Правая рука вытянулась перед ней, словно по воле какого-то мага, и пальцы сжались на томе с надписью «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» на корешке. Сердце учащенно билось, но не от волнения, а от страха. Разум мог сказать сердцу, что все это произошло восемнадцать лет назад, но в сфере эмоций сердце вело свой отсчет. Волосы у безумца были такими светлыми, что казались белыми. Этот безумец *готовился к защите диплома*, то есть в чем-то ума ему вполне хватало. На следующий день после выстрелов (когда состояние Скотта изменилось с критического на стабильно тяжелое), она спросила мужа, сказал ли этот выпускник-безумец, почему он это сделал, и Скотт прошептал в ответ, что не знает, могут ли безумцы что-либо делать по какой-то причине. Сделать что-то ради чего-то – это героический акт, акт воли, а у безумцев с волей не очень... или она думает иначе?

– *Я не знаю, Скотт. Я над этим подумаю.*

Не собираясь думать. Не испытывая никакого желания думать об этом без крайней на то необходимости. Что касается Лизи, она с радостью позволила бы этому блондинистому психу с маленьким револьвером присоединиться ко всему тому, что она успешно забыла после того, как встретила со Скоттом.

– *Жарко, там было жарко?*

Лежащий на больничной койке, бледный, еще слишком бледный, но уже с начавшим возвращаться привычным цветом лица. Рассеянный взгляд, разговор ни о чем. И Лизи Нынешняя, Лизи Одинокая, вдова Лэндон, задрожала всем телом.

– Он не помнил, – прошептала она.

Она почти не сомневалась, что не помнил. Ничего не помнил о том, как упал на мостовую, и они оба думали, что ему уже никогда не подняться. О том, что умирал, и эти мгновения могли стать последними в их совместной жизни, а ведь еще хотелось так много сказать друг другу. Невролог, которому она, набравшись храбрости, задала свои вопросы, ответил, что такая забывчивость в порядке вещей. Люди, приходя в себя после травматического события, часто обнаруживают, что этот период на пленке их памяти засвечен. Иногда отдельные фрагменты и образы всплывают на поверхность через годы и даже десятилетия. Эту особенность человеческого разума невролог назвал защитным механизмом.

Лизи такое объяснение показалось логичным.

Из больницы она сразу вернулась в мотель, в котором они остановились. Номер им дали не очень, окна во двор, с видом на дощатый забор, звуковой фон – лай сотен собак, но она давно уже не обращала внимания на подобные мелочи. И уж конечно, ей не хотелось иметь ничего общего с кампусом, где стреляли в ее мужа. Как только она сбросила с ног туфли и улеглась на двуспальную кровать, в голову пришла мысль: *Темнота любит его.*

Это правда?

Как она могла ответить на этот вопрос, если даже не знала, о чем речь?

Ты знаешь. Премией отца был поцелуй.

Лизи так быстро повернула голову на подушке, словно получила оплеуху от невидимой руки. *Молчи об этом!*

Нет ответа... нет ответа... а потом застенчиво: *Темнота любит его. Он танцует с ней, как влюбленный, и луна поднимается над пурпурным холмом, а то, что было сладким, пахнет кислым. Пахнет как отрав.*

Она повернула голову в другую сторону. И за пределами комнаты мотеля собаки (судя по всему, там собрались все гребаные собаки Нашвилла) продолжали лаять, когда солнце опускалось в оранжевой августовской дымке, пробивая брешь для вступления ночи в свои права. В детстве мать сказала ей, что темноты нечего бояться, и она верила, что это правда. Темноту она всегда встречала весело, даже если ночь озаряли вспышки молний и раздирали гром. Если самая старшая ее сестра, Анда, пряталась под одеяло, то маленькая Лизи сидела на кровати, сосала большой палец и требовала, чтобы кто-нибудь принес фонарик и прочитал ей сказку. Однажды она поделилась этими воспоминаниями со Скоттом, а он взял ее за руки и сказал: «Тогда ты будешь моим светом. Будь моим светом, Лизи». И она пыталась, но...

– Я блуждал в темноте, – пробормотала Лизи, сидя в его покинутых рабочих апартаментах с ежегодником «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» в руках. – Ты так говорил, Скотт? Говорил, не правда ли?

– Я блуждал в темноте, и ты меня нашла. Ты меня спасла.

Возможно, в Нашвилле так оно и было. Но не в конце.

– Ты всегда спасала меня, Лизи. Ты помнишь первую ночь, которую я провел в твоей квартире?

Сидя на полу, теперь уже с книгой на коленях, Лизи улыбнулась. Разумеется, она помнила. И лучше всего – как перебрала мятной водки, отчего потом болел желудок. И у него сперва возникли проблемы с эрекцией (сначала член не вставал, потом не стоял), но в конце концов все пришло в норму. Сначала она полагала, что причина в выпивке. И лишь потом он признался, что до нее у него ни с кем не получалось; она стала его первой, стала его единственной, и все истории, которые он рассказывал ей или кому-то еще о его безумной юношеской сексуальной жизни, о связях, что с мужчинами, что с женщинами, были ложью. А Лизи? Лизи видела в нем незаконченный проект, над которым следовало поработать до того, как ложиться в постель. Настроить посудомоечную машину так, чтобы она не сильно шумела: поставить кастрюльку из жаропрочного стекла отмокать; отсасывать молодому модному писателю, пока его орган не станет упругим и крепким, как репка.

– Когда все закончилось, и ты заснула, я лежал и слушал тиканье твоих часов на прикроватном столике, вой ветра за окном и понимал, что я действительно дома, что кровать, в которой рядом лежишь ты, и есть дом, и что-то, которое подбиралось все ближе в темноте, внезапно ушло. Не могло оставаться. Его прогнали. Оно знало, как вернуться, я в этом уверен, но не могло оставаться, и вот тут я наконец-то смог заснуть. Мое сердце переполняла признательность. Я думаю, впервые я действительно испытывал признательность. Я лежал рядом с тобой, и слезы скатывались с моих щек на подушку. Я любил тебя тогда, и я люблю тебя теперь, и я любил тебя каждую секунду между тогда и теперь. И мне без разницы, понимаешь ли ты меня. Понимание сильно переоценивают, но никто в достаточной степени не чувствует себя в безопасности. А я никогда не забывал, какую ощутил безопасность, когда та тварь ушла из темноты.

– Премией отца был поцелуй.

Теперь эту фразу Лизи произнесла вслух, и пусть в рабочих апартаментах было тепло, по ее телу пробежала дрожь. Она все еще не знала, что означает эта фраза, вроде бы достаточно хорошо помнила, когда Скотт сказал ей, что премией отца был поцелуй, что она стала

его первой и никто в достаточной степени не чувствует себя в безопасности: перед тем, как они поженились, она дала ему всю безопасность, какую только могла дать, но этого оказалось недостаточно. В конце концов тварь Скотта таки вернулась к нему, тварь, которую он иногда видел в зеркалах и стаканах для воды, тварь с огромным пегим боком. Длинный мальчик.

Лизи со страхом оглядела комнату, задавшись вопросом, а наблюдает ли сейчас эта тварь за ней.

2

Лизи открыла «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988». Корешок треснул, как револьверный выстрел. От неожиданности она вскрикнула и выронила книгу. Потом рассмеялась (искренне, пусть в смехе и чувствовалась дрожь): «Лизи, ты чокнутая».

На этот раз из книги выпал сложенный газетный листок, пожелтевший и ломкий на ощупь. Развернув листок, она увидела фотографию крайне низкого качества с подписью под ней. Фотография запечатлела молодого человека лет двадцати трех, который выглядел гораздо моложе благодаря изумлению, написанному на лице. В правой руке он держал серебряную лопатку с короткой ручкой. На лопатке были выгравированы слова, которые на фотографии не читались, но Лизи их помнила: «НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИПМАНА».

Молодой человек... ну... тарасился на эту лопатку, и Лизи знала, не только по выражению лица, но и по неуклюжести его долговязой фигуры, что он понятия не имеет, а что, собственно, у него в руке. Это мог быть артиллерийский снаряд, японское карликовое дерево, счетчик Гейгера или китайская фарфоровая свинка-копилка с прорезью на спине для монеток; это мог быть искусственный член, амулет, свидетельствующий об истинности любви, или шляпа в форме колпака из шкуры койота. Это мог быть пенис поэта Пиндара. Нет, нет, этот молодой человек точно не понимал, что видел перед собой. Лизи могла поспорить, что он не отдавал себе отчета и в том, что за его левую руку ухватился мужчина, также застывший в море точек плохого разрешения, словно пришедший на бал-маскарад в костюме дорожного копа: без оружия, но с португеей через грудь и, как сказал бы Скотт, смеясь и округляя глаза, с «та-а-кой большущей бляхой». И губы мужчины разошлись в большущей улыбке, улыбке облегчения («Слава тебе, Господи»), которая говорила: *Сынок, тебе больше никогда не придется покупать выпивку в любом баре, где я окажусь, если у меня будет в кармане хоть один доллар*. А на заднем плане Лизи видела Дэшмайла, маленького гадкого южанина, который убежал. Роджера Т. Дэшмайла, вспомнилось ей, и большое «Т» означало «трус».

Она, Лизи Лэндон, видит счастливого копа из службы обеспечения безопасности кампуса, пожимающего руку молодому человеку, который все еще в шоке? Нет, но... возможно...

А чего гадать... нужно просто посмотреть... тебе нужна картинка реальной жизни, равноценная таким сказочным образам, как Алиса, падающая в кроличью нору, или жаба в цилиндре, управляющая автомобилем¹¹? Тогда взгляни, что изображено в правом нижнем углу фотографии.

Лизи наклонилась так низко, что ее нос уперся в пожелтевшую фотографию из «Нашвилл америкэн». В широком центральном ящике стола Скотта лежала лупа. Лизи видела ее там много раз, аккуратно между самой старой в мире нераспечатанной пачкой сигарет «Герберт Тейритон» и самой старой в мире книжкой непогашенных зеленых купонов на скидки универмага «Сперри-и-Хэтчисон». Она могла бы взять лупу, но решила, что обойдется. Не требовалось ей увеличительное стекло, чтобы подтвердить то, что она и так видела: половину туфли из мягкой коричневой кожи. Точнее, часть туфли из кордовской кожи, на среднем каблуке. Она

¹¹ Жаба в цилиндре, управляющая автомобилем, – аллюзия на сказочную повесть английского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах», в англоязычных странах популярностью не уступающую «Алисе».

прекрасно помнила эти туфли. Какие они были удобные. И она определенно надевала их в тот день. Она не видела счастливого копа или ошеломленного молодого человека (Тони, теперь она в этом не сомневалась, того самого «*Тонех, он за-ахпшиет все это*»), не заметила и Дэшмайла, этого южанина-трусишку, который тут же сделал ноги. Все эти люди разом перестали для нее существовать, все до единого. К тому моменту она полностью сосредоточилась на одном человеке, на Скотте. Конечно, он находился всего в каких-нибудь десяти футах, но она знала: если не доберется до него тотчас же, толпа вокруг не пропустит ее... а если ее не будет рядом, толпа может его убить. Убить своей любовью и озабоченностью. И он, должно быть, умирал. Если умирал, она хотела быть там, когда он отдаст концы. В момент его Ухода, как сказали бы ровесники ее отца и матери.

– Я была уверена, что он умрет, – сказала она молчаливой, залитой солнечным светом комнате, пыльной туше книгозмеи.

Вот она и побежала к упавшему мужу, а фотограф отдела новостей (он приехал в кампус лишь для того, чтобы сделать общую фотографию лучших людей колледжа да знаменитого заезжего писателя, а они собрались здесь, чтобы использовать эту серебряную лопатку, совершить ритуал Начала строительства, отбросить первую лопату земли из котлована под фундамент новой библиотеки) сделал очень даже динамичную фотографию. Фотографию на первую полосу газет, может, даже для *зала славы* фотографии, из тех, что за завтраком заставляют застыть руку с ложкой овсянки между тарелкой и ртом, роняя капли на частные объявления, вроде фотографии Освальда с руками, прижатыми к животу, и открытым в предсмертном крике ртом – застывшее мгновение, которое никогда не забывается. Только одна Лизи могла осознать, что на фотографию попала и жена писателя. Точнее, часть ее туфли на среднем каблуке.

Надпись под фотографией гласила:

Капитан **С. Хеффернэн** из службы безопасности кампуса У-Тенн поздравляет **Тони Эддингтона**, который за несколько секунд до того, как была сделана эта фотография, спас жизнь гостю университета, знаменитому писателю **Скотту Лэндону**. «Он – настоящий герой, – сказал **капитан Хеффернэн**. – Никто другой просто не успел бы прийти на помощь». (Подробности на стр. 4).

По левую сторону фотографии кто-то написал довольно-таки длинное послание. Почерк Лизи не узнала. По правой были две строчки, написанные пружинистым почерком Скотта, первая с более крупными буквами, чем вторая... и маленькая стрелка, господи, указывающая на туфлю! Она знала, что означает эта стрелка: он понял, что изображено в правом нижнем углу фотографии. В сочетании с историей его жены (назовите ее «Лизи и безумец», захватывающий рассказ о настоящем приключении) он понял все. Разъярился? Нет. Поскольку знал, что его жена не разъярится. Знал, она подумает, что это забавно, просто смешно, но почему тогда она на грани слез? Никогда раньше за всю свою жизнь она не была так удивлена, поставлена в тупик, сокрушена собственными эмоциями, как в несколько последних дней.

Лизи уронила газетную вырезку на книгу, боясь, что внезапный поток слез растворит ее точно так же, как слюна растворяет попавшую в рот сахарную вату. Она прижала ладони к глазам, подождала. Когда не осталось сомнений в том, что слезы не потекут, вновь подняла вырезку и прочитала написанные Скоттом строки:

*Нужно показать Лизи! Как она будет СМЕЯТЬСЯ
Но поймет ли? (Наши изыскания говорят – «да»)*

Он поставил большой, на обе строчки, восклицательный знак, вместо точки изобразил мордашку, «лыбу-улыбу», радостный символ 1970-х годов, как бы говоря: удачного тебе дня. И Лизи его поняла. Через восемнадцать лет, но что с того? Память относительна.

Очень дзен¹², кузнецик, мог бы сказать Скотт.

– Дзен, шмен. Я вот думаю, что поделявает сейчас Тони, вот о чем я думаю. Спаситель знаменитого Скотта Лэндона. – Она рассмеялась, и слезы, которые ей ранее удавалось сдерживать, потекли по щекам.

Теперь она повернула фотографию и прочитала вторую, более длинную запись:

18.8.88

Дорогой Скотт (если позволите)!

Я подумал, что вам будет интересно увидеть эту фотографию С. Антония («Тони») Эддингтона III, молодого студента-выпускника, который спас вам жизнь. У-Тенн, разумеется, по достоинству отметит его заслуги; мы также подумали, что и вы захотите связаться с ним. Его адрес: Колдвью-авеню, 748, Нашвилл-Норд, Нашвилл, Теннесси, 37235. Мистер Эддингтон, «бедный, но гордый», происходит из прекрасной семьи южного Теннесси и отличный студенческий поэт. Вы, разумеется, захотите его поблагодарить (и, возможно, вознаградить), как сочтете нужным.

С уважением, сэр,

Роджер Т. Дэшмайл,

*ассистент профессора кафедры английского языка
и литературы, университет Теннесси, Нашвилл.*

Лизи прочитала записку раз, второй («Ты однажды, дважды, трижды леди, и я тебя люблю», – пропел бы в этот момент Скотт), все еще улыбаясь, но теперь в улыбке почувствовалось сначала удивление, а потом и осознание смысла прочитанного. Роджер Дэшмайл, возможно, не знал, что в действительности произошло, как и коп кампуса. А сие означало, что только два человека во всем огромном мире знали правду о том дне: Лизи Лэндон и Тони Эддингтон, тот самый парень, который должен был записать «все это» для ежегодника «Обзор событий». Вполне возможно, что даже сам «Тонех» так и не понял, что же произошло после того, как серебряная лопатка вонзилась в землю и отбросила первую порцию грунта. Может, у него случился вызванный страхом провал в памяти. Обратите внимание: *он действительно мог верить, что спас Скотта Лэндона от смерти.*

Нет. Она так не думала. Подумала она о другом: эта вырезка и записка Дэшмайла были мелкой местью Скотту за... за что?

За то, что он был всего лишь вежлив?

За то, что смотрел на *Monsieur de Literature*¹³ Дэшмайла и не видел его?

За то, что был богатым, фонтанирующим идеями сукиным сыном, который собирался получить пятнадцать тысяч долларов за один день непыльной работы: сказать несколько теплых слов да отбросить лопату земли? *Предварительно взрыхленной земли.*

За все это. И за многое другое. Дэшмайл, по мнению Лизи, верил, что в более справедливом, более честном мире их позиции поменялись бы; там на нем, Роджере Дэшмайле, фокусировался бы интеллектуальный интерес, его бы обожали студенты, тогда как Скотт Лэндон (не упоминая уже про маленькую мышку-жену, ради которой никто бы и не пернул, даже если бы от этого зависела ее жизнь) был бы среди тех, кто гнет спину на виноградниках кампуса, всегда ищет расположения власть имущих, держит нос по ветру кафедральной политики, пресмыкается ради повышения жалованья.

¹² То есть в соответствии с понятиями дзенбуддизма.

¹³ Мсье Литература (фр.).

– Как бы то ни было, он не любил Скотта, и это – его месть, – сообщила Лизи пустым, залитым солнечным светом комнатам над длинным амбаром. – Это... вырезка, отравленная пером.

Она подумала над только что сказанным и закатилась смехом, прижав ладони к ровному участку груди под ключицами.

Успокоившись, Лизи начала пролистывать «Обзор событий», пока не нашла интересующую ее заметку: **«САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ АМЕРИКИ ВОПЛОЩАЕТ В РЕАЛЬНОСТЬ ДАВНЮЮ БИБЛИОТЕЧНУЮ МЕЧТУ»**. Написал заметку **Антоний Эддингтон**, известный в узких кругах как Тонех. И, читая заметку, Лизи обнаружила, что все-таки способна на злость. Даже на ярость. Потому что в заметке не упоминалось, чем закончилось торжество, или, если уж на то пошло, героизм автора заметки. Лишь из последних строчек внимательный читатель мог понять: что-то прошло не так, как намечалось: «Речь мистера Лэндона после церемонии Начала строительства и его встречу со студентами, где он собирался читать свои произведения, отменили из-за неожиданно возникших проблем, но мы надеемся в скором будущем снова увидеть в нашем кампусе этого гиганта американской литературы. Возможно, на церемонии открытия библиотеки Шипмана в 1991-м!»

Напоминание, что это университетский «Обзор событий», прости, Господи, дорогая, в переплете, книга, которая рассылается богатым выпускникам, несколько охладило злость Лизи; неужели она думала, что ежегодник «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» позволил бы приглашенному писателю замарать кровью свои страницы? И сколько тогда долларов поступит в университетскую сокровищницу? Помог и тот факт, что сам Скотт находил все это забавным... но не очень. Скотта, в конце концов, здесь не было, он не мог обнять ее, поцеловать в щеку, отвлечь, мягко пощипывая сосок и говоря, что для всего есть свое время: время сеять и время собирать урожай; время одеваться и, соответственно, время раздеваться, да-да, и время это как раз и подошло...

Скотт, черт бы его побрал, ушел. И...

– И он пролил кровь за вас, люди, – пробормотала Лизи негодующим голосом, почти что с интонациями Анды. – Он едва не умер за вас, люди. Просто чудо, невероятное чудо, что не умер.

И Скотт заговорил с ней снова, как говорил раньше. Она знала, что это всего лишь внутренний чрево вещатель, говорящий его голосом (который любил Скотта больше или лучше помнил?), но чувствовала совсем другое. Чувствовала, что говорит *он*.

Ты была моим чудом, сказал Скотт. Моим невероятным чудом. Не только в тот день, всегда. Ты была той, кто отгонял от меня темноту, Лизи. Ты светила.

– Полагаю, иногда ты действительно так думал. – Голос Лизи звучал рассеянно.

– *Жарко?*

Да. Тогда было жарко. Но не только жарко. Было...

– Влажно, – озвучила свою мысль Лизи. – *Душно*. И у меня было дурное предчувствие.

Сидя перед книгозмейей, с ежегодником «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988» на коленях, мысленным взором Лизи вдруг ясно и четко увидела бабушку Ди, которая во дворе их дома кормила кур.

– Дурное предчувствие появилось у меня в ванной. Потому что я разбила...

3

Она продолжает думать о стакане, этом паршивом разбитом стакане. Когда она думает о стакане, уходят мысли о том, как же ей хочется выбраться из этой удушающей жары.

Лизи стоит позади и чуть справа от Скотта, скромно сцепив руки перед собой, наблюдая, как он балансирует на одной ноге, поставив другую на дурацкую маленькую лопатку, напо-

ловину ушедшую в рыхлую землю, которую подготовили аккуратно к этому событию. День до безумия жаркий, до безумия влажный, до безумия душный, а внушительная толпа, которая собралась вокруг, все только усугубляет. В отличие от участников церемонии зевакам не обязательно облачаться в парадную одежду, и пусть их джинсы, шорты, велосипедки – не лучший выбор для этого жарко-влажно-душного дня, Лизи завидует им, стоя в первом ряду толпы, окутанная послеполуденным жаром летнего дня в Теннесси. Утомительно стоять даже в самой легкой одежде, и она волнуется, что скоро на светло-коричневом льняном топике, надетом поверх синего, из искусственного шелка бюстгальтера, под мышками появятся темные круги. У нее отличный бюстгальтер для жаркой погоды, и все равно он так сильно врежется в кожу под грудями. Счастливых тебе дней, крошка.

Скотт тем временем продолжает балансировать на одной ноге, его волосы, сзади слишком длинные (ему давно пора их стричь, он знает, что смотрит в зеркало и видит рок-звезду, но она, глядя на него, видит улыбающегося бродягу из песни Вуди Гатри), колышутся под редкими порывами ветра. Он потакает фотографу, который крутится вокруг него, не сдвигается с места, позирует. Чертовски долго позирует. Слева от Скотта молодой парень, которого зовут Тони Эддингтон. Он должен что-то написать об этом выдающемся событии в какую-то из газетенек кампуса, справа – их сопровождающий, представитель кафедры английского языка и литературы, звать его Роджер Дэшмайл. Дэшмайл – из тех мужчин, которые выглядят старше своих лет, и не потому, что потеряли слишком много волос или отъели слишком большой живот. Причина в том, что они стараются придать себе ну очень серьезный вид. Даже их шутки напоминали Лизи чтение текста страхового полиса. И ухудшало ситуацию то обстоятельство, что Дэшмайл не любил ее мужа. Лизи почувствовала это сразу (особого дара для этого не требовалось, потому что большинству мужчин ее муж нравился), и вот этим отношением Дэшмайла к Скотту она и объясняла свою тревогу. А тревога была, и еще какая. Она пыталась убедить себя, что причина исключительно в повышенной влажности и облаках, которые собирались на западе, предвещая грозу, может, даже торнадо, ближе к вечеру. Но барометр не показывал низкого атмосферного давления, когда она поднялась с постели без четверти семь. Уже стояло прекрасное летнее утро, и только что поднявшееся солнце подсвечивало триллион крошечных капелек росы на траве, которая росла между их домом и рабочими апартаментами Скотта. На небе не было ни облачка, и старый папаша Дейв Дебушер сказал бы, что «это действительно чертовски хороший день». И однако в тот самый момент, когда ее ноги коснулись дубовых половиц в спальне, а мысли обратились к поездке в Нашвилл (в аэропорт Портленда они собирались выехать в восемь утра, самолет компании «Дельта» вылетал в девять сорок), сердце наполнилось ужасом, а немотивированный страх принялся глотать ее пустой с утра желудок. Эти ощущения она восприняла с удивлением и смятением, потому что любила путешествовать, особенно со Скоттом: они уютно устраивались рядом, он – со своей открытой книгой, она – со своей. Иногда он ей что-нибудь читал, бывало и наоборот, она что-то читала ему. Иногда она чувствовала его взгляд и поднимала голову, чтобы найти его глаза. Он так серьезно разглядывал ее. Словно она по-прежнему оставалась для него загадкой. Да, иной раз случалась болтанка, но ей это тоже нравилось. Напоминало аттракционы на ярмарке в Топшэме, куда родители возили ее и сестер, когда они еще были маленькими, «Безумные чашки» и «Дикую мышь». Скотта болтанка тоже не смущала. Она помнила один поистине сумасшедший полет к Денверу (сильный ветер, гром и молнии, и маленький винтокрылый самолетик авиакомпании «Мертвая голова», один во всем долбаном небе), и Скотт, который буквально прыгал в кресле, словно мальчишка, которому приспичило в туалет, с ухмылкой от уха до уха. Нет, Скотта пугали другие полеты, на земле, те, что он иной раз совершал глубокой ночью. Бывало, он говорил (спокойно, даже с улыбкой) о том, что мог видеть на экране выключенного телевизора. Или на дне широкого стакана, если наклонить его под нужным углом. Она ужасно пуга-

лась, когда он начинал об этом говорить. Потому что это было безумие и потому что она где-то знала, о чем он говорил, пусть даже и не хотела этого знать.

В общем, встревожили ее не показания барометра и, конечно же, не перспектива очередного перелета. Но в ванной, потянувшись к выключателю, чтобы зажечь свет над раковиной (этот маневр она выполняла без единого происшествия, легко и непринужденно, изо дня в день все восемь лет, которые они прожили на Шугар-Топ-Хилл, то есть примерно три тысячи раз, с учетом частых поездок), тыльной стороной ладони сшибла стеклянный стакан с зубными щетками. Он упал на плитки пола и разбился приблизительно на три тысячи мелких осколков.

– Говняный пожар, без всяких долбанных спичек! – воскликнула она, испуганная и раздраженная, так как вдруг обнаружила, что... она не верила в знаки и знамения, ни Лизи Лэндон, писательская жена, ни Лизи Дебушер с Саббатус-роуд в Лисбон-Фоллс. Знаки и знамения – это для живших в лачугах ирландцев.

Скотт, который только что вернулся в спальню с двумя чашками кофе и тарелкой гренок с маслом, остановился как вкопанный: «Что ты разбила, крошка?»

– Ничего такого, что вылезло из собачьей жопы, – злобно ответила Лизи и сама себе изумилась. Так говорила бабушка Дебушер, а бабушка Ди определенно верила в знаки и знамения, но старушка умерла, когда Лизи только-только исполнилось четыре годика. Неужто она могла помнить бабушку? Похоже на то, раз стояла здесь, глядя на валяющиеся вокруг осколки стекла, и с ее губ сорвались те самые слова, которые произносила бабушка Ди, когда считала, что видит знамение, да еще и произнесла прокуренным голосом бабушки Ди... и возвращение в настоящее, она стоит и наблюдает, как ее муж делает все, чтобы облегчить фотографу жизнь, одетый в самый легкий из своих летних костюмов с пиджаком спортивного покроя (и все равно скоро под мышками проступят круги пота).

– *Разбитое стекло утром – разбитые сердца вечером.*

Это была заповедь бабушки Ди, которую запомнила как минимум одна маленькая девочка, запомнила до того дня, как бабушка Ди, хрипя, упала на птичьем дворе и из фартука высыпался куриный корм.

Вот так-то.

Не жара, не полет, не этот Дэшмайл, который попал во встречающие-сопровождающие только потому, что завкафедрой английского языка и литературы днем раньше с сильнейшими болями в животе угодил в больницу, где ему сразу удалили камень из мочевого пузыря. Это разбитый... долбанный... *стакан* в сочетании с высказыванием давно умершей бабушки-ирландки. А шутка-то заключалась в том (как потом указал Скотт), что этого вполне хватило, чтобы она насторожилась. По крайней мере хотя бы наполовину подготовилась к неожиданностям.

«Иногда, – скажет он ей чуть позже, еще лежа на больничной койке (ах, но ведь он мог так легко лечь в гроб, и тогда его бессонные, раздумчивые ночи канули бы в Лету), шепотом, с усилием, – иногда хватает даже малости, чтобы отвести беду. Народная мудрость».

И со временем она точно узнает, о чем он тогда говорил.

4

У Роджера Дэшмайла сегодня болит голова, Лизи это знает, хотя из-за этого отношение к нему не улучшается. Если и существовал сценарий церемонии, то профессор Хегстром (тот самый, у которого случился острый приступ мочекаменной болезни) не успел сказать Дэшмайлу или кому-то еще, каковы основные этапы или где лежит бумага, на которой они перечислены. Так что Дэшмайла оставили наедине с отведенным на церемонию временем и персонажами, включая писателя, которого он невзлюбил с первого взгляда. Когда маленькая группа (руководство университета и почетные гости) покинула Инман-Холл, чтобы совершить короткую, но очень уж жаркую прогулку к участку земли, где предстояло появиться библио-

теке Шипмана, Дэшмайл сказал Скотту, что действовать они будут практически по обстановке. Скотт добродушно пожал плечами. Какие возражения? Для Скотта Лэндона это стиль жизни.

– Я вас предста-ахвлю, – сказал мужчина, о котором в последующие годы Лизи думала исключительно как о трусе. А пока они шли к выжженному солнцем участку земли, отведенному под новую библиотеку, фотограф, которому доверили запечатлеть этот момент для истории, бегал взад-вперед, снимал и снимал, не зная отдыха. Впереди Лизи увидела прямоугольник свежей земли пять на девять футов, привезенной, как она предположила, этим утром. Но никто не подумал накрыть ее брезентом, так что земля начала уже подсыхать, как бы покрываясь сероватым налетом.

– Кто-то должен это сделать, – согласился Скотт.

Говорил весело, но Дэшмайл нахмурился, словно уязвленный незаслуженной насмешкой. Затем, вздохнув, продолжил:

– За предста-ахвлением последуют аплодисменты...

– Как день следует за ночью, – пробормотал Скотт.

– ...а потом вы ска-ахжете слово или два, – закончил Дэшмайл. За участком выжженной земли, ожидающим, когда же на нем появится библиотека, блестела под солнечными лучами только что заасфальтированная автостоянка с новенькой желтой разметкой. Лизи видела, как на ее дальней стороне плещется несуществующая вода.

– С удовольствием, – ответил Скотт.

Его добродушная реакция, похоже, тревожила Дэшмайла.

– Надеюсь, вы не за-аххотите сказать слишком уж много, – вырвалось у него, когда они подходили к прямоугольнику рыхлой привезенной земли. Перед ним никого не было, но за прямоугольником собралась большая толпа, последние ряды стояли чуть ли не на асфальте автостоянки. А еще большая толпа сопровождала Дэшмайла и Лэндонов от Инман-Холла. Скоро этим толпам предстояло слиться, и Лизи (обычно толпы вызывали у нее не больше отрицательных эмоций, чем болтанка на высоте двадцати тысяч футов) это совершенно не нравилось. В голову пришла мысль, что так много людей, собравшихся вместе в столь жаркий день, могут высосать из воздуха весь кислород. Глупая идея, но...

– Сегодня очень уж жарко, даже для На-ахшвилла в августе, не так ли, Тонех?

Тони Эддингтон согласно кивнул, но промолчал. Собственно, многословием он и не отличался, сказал только, что не знающий устал фотограф – Стефан Куинсленд из «Нашвилл америкэн», окончивший У-Тенн, Нашвилл, в 1985 году. «Надеюсь, вы облегчите ему работу, если сможете», – обратился Тони Эддингтон к Скотту, когда они выходили из Инман-Холла.

– Когда вы закончите свою речь, – продолжил Дэшмайл, – опять будут а-ахплодисменты. А потом, мистах Лэндон...

– Скотт.

Дэшмайл улыбнулся одними губами, и то на мгновение.

– А потом, Скотт, вы подойдете туда и отбросите первую, самую ва-ахжную лопату земли.

– Звучит неплохо, – ответил Скотт и больше ничего сказать не успел, потому что они прибыли к цели.

5

Возможно, сказался разбитый стакан (ощущение, что он – знамение), но Лизи прямоугольник привезенной земли очень уж напомнил могилу: размером XL, для великана. Две толпы слились в одну, образовав в середине жаркую, безвоздушную духовку. Сотрудники службы безопасности кампуса стояли по углам квадрата, огороженного бархатными канатами, под один из которых нырнули Дэшмайл, Скотт и «Тонех» Эддингтон. Куинсленд, фотограф, продолжает свой бесконечный танец, практически не отрывая фотоаппарат «Никон» от лица.

*Прямо как Виджи*¹⁴, думает Лизи и вдруг понимает, что завидует ему. Он такой свободный, порхает в жару, словно стрекоза; ему двадцать пять лет, и все у него хорошо. Дэшмайл, однако, смотрит на него со всевозрастающим нетерпением, коего Куинсленд предпочитает не замечать до тех пор, пока не сделает нужный ему снимок. Лизи подозревает, что он хочет сфотографировать Скотта одного, с ногой на этой идиотской серебряной лопатке, с подхваченными ветром длинными волосами. Но в конце концов он опускает фотоаппарат и отходит к толпе. И, задумчиво провожая взглядом Куинсленда, Лизи впервые видит безумца. Выглядит он (один местный репортер так и напишет) как «Джон Леннон в последние дни своего романа с героиней – запавшие, настороженные глаза, создающие странный и тревожащий контраст с его в остальном детским, мечтательным лицом».

В этот момент Лизи замечает разве что спутанные светлые волосы. Сегодня ей неинтересно наблюдать за людьми. Она хочет, чтобы все закончилось и она смогла найти женский туалет на кафедре английского языка и литературы (здание, где расположена кафедра, находится по другую сторону автомобильной стоянки) и поправить натирающую полоску трусиков между ягодицами. Ей нужно еще и пописать, но на данный момент эта проблема – не главная.

– Дамы и господа! – хорошо поставленным голосом начинает Дэшмайл. И южный акцент практически улетучивается. – С огромным удовольствием представляю вам мистера Скотта Лэндона, автора романов «Реликвии», получившего Пулитцеровскую премию, и «Дочь Костера», удостоенного Национальной книжной премии. Он приехал к нам из Мэна со своей очаровательной женой Лизой, чтобы положить начало строительству, совершенно верно, наконец-то это случилось, нашей библиотеки Шипмана. Скотт Лэндон, друзья мои, давайте поприветствуем его, как принято в Нашвилле!

Толпа взрывается аплодисментами. Очаровательная жена присоединяется к ним, хлопает в ладоши. Смотрит на Дэшмайла и думает: *Он получил НКП за «Дочь Коустера». Коустера – не Костера. И я уверена, ты это знаешь. Я уверена, что ты сознательно искажил название. Почему ты не любишь его, ты, жалкий человечешка?*

Потом, так уж получилось, взгляд ее устремляется дальше, и на этот раз она действительно замечает Герда Аллена Коула, который стоит на прежнем месте с роскошной гривой светлых волос, закрывающих лоб, и рукава его белой, на два размера больше рубашки закатаны до жиденьких бицепсов. Подол не заправлен и болтается у вытертых колен джинсов. На его ногах сапоги с пряжками по бокам. Лизи представляется, что для такой погоды это слишком уж жаркая обувь. Вместо того чтобы хлопать, Блонди неспешно сводит и разводит руки, на губах его гуляет легкая улыбка, а сами губы шевелятся, словно он тихонько молится. Он смотрит на Скотта, и взгляд этот ни на секунду не отрывается от ее мужа. Лизи сразу вычисляет Блонди. Есть такие люди (практически всегда это мужчины), которых она называет «Скоттовские ковбои глубокого космоса». Ковбоям глубокого космоса есть что сказать. Много чего. Они хотят схватить Скотта за руку и поведать ему, что понимают тайные послания, заложенные в его книгах; они понимают, что в действительности книги эти – путеводители к Богу, к Сатане, даже, возможно, к гностическим доктринам. Ковбои глубокого космоса могут говорить о сайентологии, или нумерологии, или (в одном случае) о Космической лжи Бригэма Янга. Иногда они хотят поговорить о других мирах. Двумя годами раньше один такой ковбой глубокого космоса на попутках приехал в Мэн из Техаса, чтобы поговорить со Скоттом об, как он их называл, *отъезжающих*. Наиболее часто, сказал он, их можно встретить на необитаемых островах Южного полушария. Он знал, что именно о них Скотт писал в романе «Реликвии». Он показал Скотту подчеркнутые строки, которые доказывали его слова. Этот парень заставил Лизи понервничать (прежде всего из-за непроницаемых, как стена, глаз), но Скотт поговорил с ним, угостил пивом, обсудил статуи на острове Пасхи, взял пару его буклетов, подарил новенький

¹⁴ Виджи (1899–1968) – настоящее имя – Артур Феллиг, знаменитый американский фотограф.

экземпляр «Реликвий» с автографом и отправил домой ошарашенным. Ошарашенным? Да, да, пританцовывающим от счастья. Когда Скотту того хочется, он может очаровать любого. Будьте уверены.

Мысль о фактическом насилии (Блонди станет Марком Дэвидом Чэпменом¹⁵ для ее мужа) не приходит Лизи в голову. *Мой мозг не так устроен*, могла бы она сказать. *Мне просто не понравилось, как шевелились его губы*.

Скотт откликается на аплодисменты (и на крики наиболее рьяных поклонников) знаменитой улыбкой Скотта Лэндона, которая красовалась на миллионах суперобложек, и все это время опирается одной ногой на дурацкую серебряную лопатку, штык которой медленно уходит в привезенную землю. Он позволяет аплодисментам длиться десять или пятнадцать секунд (доверяя своей интуиции, которая никогда его не подводит), а потом взмахивает рукой, обрывая их. И они обрываются. Сразу. В мгновение ока. Это круто, но где-то и пугающе.

Когда Скотт говорит, его голос по громкости не идет ни в какое сравнение с голосом Дэшмайла, но Лизи знает: даже без микрофона или мегафона на батарейках (а сегодня нет ни первого, ни второго – вероятно, по чьему-то недосмотру) голос этот будет слышен и в последних рядах собравшейся большой толпы. И толпа жадно ловит каждое слово. К ним приехал Знаменитый Человек. Мыслитель и Писатель. И вот-вот начнет разбрасывать жемчужины мудрости.

Метать бисер перед свиньями, думает Лизи. *В данном конкретном случае перед потными свиньями*. Но разве ее отец как-то не говорил ей, что свиньи не потеют?

Блонди, который стоит напротив нее, отбрасывает спутанные волосы с высокого белого лба. Его руки такие же белые, как и лоб. Лизи думает: *Это свинья, которая подолгу не выходит из дома. Свинья-домосед, верно? У него полным-полно странных идей, на обдумывание которых уходит слишком много времени*.

Она переступает с ноги на ногу, и шелк ее трусиков прямо-таки скрипит, забившись в щель между ягодицами. Она забывает о Блонди, пытаясь прикинуть, сможет ли она... когда Скотт заговорит... очень скрытно, вы понимаете...

Добрый мамик подает голос. Голос строгий. Всего три слова. Не допуская возражений. *Нет, Лизи. Подожди*.

– Нет, я не собираюсь читать вам проповедь, – начинает Скотт, и она узнает интонации Галли Фойла, главного героя романа Альфреда Бестера¹⁶ «Место назначения – звезды». Его любимого романа. – Для проповедей слишком жарко.

– Переизлучи нас, Скотти! – восторженно кричит кто-то из пятого или шестого ряда. Толпа смеется и визжит от восторга.

– Не могу этого сделать, брат, – отвечает Скотт, – транспортеры сломаны, и у нас больше нет литиевых кристаллов¹⁷.

Собравшиеся, для которых внове и находчивый ответ из толпы, и последующая фраза Скотта (Лизи слышала и первое, и второе раз пятьдесят), одобрительно режут и хлопают. Блонди сухо улыбается, не потеет, хватается за левое запястье правой рукой с длинными пальцами. Скотт убирает ногу с лопатки, не потому что надоело держать ее на штыке, а с таким видом, будто нашел ей, в смысле – ноге, другое применение (хотя бы на минутку). И такое ощущение, что действительно нашел. Она наблюдает как зачарованная, потому что Скотт в ударе, делает с толпой что хочет.

– Идет одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год, и мир потемнел, – говорит он.

¹⁵ Чэпмен Марк Дэвид – убийца Джона Леннона.

¹⁶ Бестер Альфред (1913–1987) – известный американский писатель-фантаст. Роман «Звезды – моя цель» (The Stars My Destination) на русском языке известен под названием «Тигр! Тигр!». Следует отметить, что под вышеуказанным названием на языке оригинала роман издавался в Англии. В Америке он вышел в 1956 году под названием «Tiger! Tiger!».

¹⁷ Аллюзия на культовый для Америки сериал «Звездный трек».

Короткий деревянный черенок лопатки скользит между неплотно сжатых пальцев. Солнечный зайчик, отраженный от штыка, один раз ударяет в глаза Лизи, а потом рукав легкого костюма закрывает штык. Используя черенок как указку, Скотт рисует в воздухе перед собой трагедию времени.

– В марте Оливера Норта и вице-адмирала Джона Пойнтдекстера арестовали по обвинению в заговоре – это прекрасный мир Иран-Контрас¹⁸, где пушки правят политикой, а деньги правят миром. В Гибралтаре бойцы британской Специальной авиадесантной службы¹⁹ убили трех невооруженных членов ИРА. Может, САС пора сменить девиз с «Побеждает отважный» на «Сперва стреляй, вопросы – после»?

Толпа гогочет. Роджеру Дэшмайлу определенно не по себе от этого обзора политических событий, тогда как Тони Эддингтон все аккуратно записывает.

– Или возьмем наши дела. В июле мы выследили и сбили иранский авиалайнер, на борту которого находились двести девяносто гражданских пассажиров. В том числе шестьдесят шесть детей.

– Эпидемия СПИДа убивает тысячами, зараженных... ну, мы не знаем, сколько их. Сотни тысяч? Миллионы?

– Мир становится темнее. Кровавый прилив мистера Йейтса²⁰ начался. Он поднимается. Поднимается.

Скотт смотрит на привезенную, уже сереющую землю, и Лизи вдруг приходит в ужас: что, если он видит ее, тварь с бесконечным пегим боком, что, если он сейчас убежит или, того хуже, у него начнется истерика, которой, она знает, он боится (и, по правде говоря, она тоже боится)? Но, прежде чем ее сердце успевает ускорить бег, Скотт поднимает голову, улыбается, как ребенок на окружной ярмарке, рука его вскидывает лопату вверх, после чего черенок плавно скользит в неплотно сжатом кулаке, пока он не сжимает пальцы. Это любимый трюк акул бильярда, и те, кто стоит в первых рядах, оценивают его по достоинству. Но Скотт еще не закончил. Держа штык перед собой, он вращает черенок пальцами, придавая ему невероятную скорость. Это уже просто фокус, и совершенно неожиданный, потому что вращающийся серебряный штык посылает во все стороны множество солнечных зайчиков. Лизи вышла замуж за Скотта в 1979 году и понятия не имела, что в его репертуаре есть и такой номер. (Сколько лет должно уйти на то, чтобы простая суммарная тяжесть дней, проведенных вместе, выжала все из обетов, которые даются при вступлении в брак, – таким вопросом задастся она две ночи спустя, когда будет лежать в кровати одна, все в том же номере мотеля, слушать собак, лающих под горячей оранжевой луной. И каким счастливым ты должен быть, чтобы твоя любовь обогнала твое время?) Серебряный шар, в который превратился быстро вращающийся штык лопаты, посылает разморенной жарой, обильно потеющей толпе солнечные сигналы: *Просыпайтесь! Просыпайтесь!* Внезапно он становится Скоттом-Торговцем, и она испытывает безмерное облегчение, увидев хитрую (*Милая, я оттягиваюсь*) улыбку у него на лице. Он их подманил, а теперь будет пытаться продать сомнительный товар, который, конечно же, им не нужен. И она думает, что они его купят, независимо от того, жаркий сейчас август на дворе или нет. Когда Скотт в такой форме, он, как говорится, может продать холодный воздух эскимосам... и возблагодарим Господа за языковый пруд, к которому мы все спускаемся, чтобы

¹⁸ ИранКонтрас – крупный политический скандал 1986–1987 гг., связанный с поставками оружия Ирану в обмен на американских задержанных в Ливане и передачей выреченных средств никарагуанским контрас. Подполковник Норт непосредственно проводил операцию по указанию вицеадмирала Пойнтдекстера, помощника президента Рональда Рейгана по национальной безопасности.

¹⁹ Специальная авиадесантная служба, САС (Special Air Service, SAS), – подразделение, выполняющее специальные миссии как внутри страны, так и за рубежом.

²⁰ Йейтс Уильям Батлер (1865–1939) – ирландский поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

напиться, и Скотт, конечно же, сейчас добавит к этому высказыванию что-нибудь свое (и он добавляет).

– Но если каждая книга – маленький огонек в этой темноте (и я в это верю, должен верить, банально это или нет, потому что я пишу эти чертовы книги), тогда каждая библиотека – это огромный, вечно горящий костер, вокруг которого каждый день и каждую ночь стоят и согреваются десятки тысяч людей. Температура этого костра не четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту²¹. Здесь четыре тысячи градусов по Фаренгейту, потому что мы говорим не о кухонной духовке, мы говорим о древних пылающих печах разума, о раскаленных докрасна плавильнях интеллекта. Сегодня мы празднуем закладку еще одного такого огромного костра, и принять в этом участие для меня – большая честь. Сейчас мы плюнем в глаз забывчивости и дадим толстой заднице невежества хорошего пинка. *Эй, фотограф!*

Стефан Куинсленд фотографирует, улыбаясь.

Скотт, тоже улыбаясь, говорит: «Сфотографируйте вот это. Ваше начальство, возможно, не захочет использовать этот снимок, но вы, готов спорить, с удовольствием добавите его к своей коллекции».

Скотт держит декоративный инструмент так, словно собирается вновь вращать его. Толпа ахает в надежде еще раз увидеть это удивительное представление, но на этот раз он их лишь дразнит. Поворачивает лопату, направляет штыком в землю, вгоняет на всю глубину, поднимает и отбрасывает землю в сторону: «Я объявляю строительство библиотеки Шипмана ОТКРЫТЫМ!»

В сравнении с аплодисментами, которые раздаются после этих слов, прежние кажутся вежливыми жидкими хлопками, какие можно услышать на проходном теннисном матче на первенство школы. Лизи не знает, удалось ли молодому мистеру Куинсленду запечатлеть первую отброшенную лопату земли, но, когда Скотт вскидывает нелепую, маленькую лопатку с серебряным штыком к небу, этот момент Куинсленд точно фотографирует для потомков, смеется, нажимая на спуск. Скотт застывает в избранной позе (Лизи успевает глянуть на Дэшмайла и видит, что этот джентльмен закатывает глаза, повернувшись к мистеру Эддингтону – Тонеху). Потом опускает лопату, держит ее за черенок обеими руками и улыбается. Пот маленькими капельками блестит у него на щеках и на лбу. Аплодисменты начинают стихать. Толпа думает, что он закончил. Лизи придерживается иного мнения: он еще только на второй передаче.

А когда Скотт чувствует, что они снова его слышат, он втыкает лопату в землю второй раз.

– Это за неистового Билла Йейтса! – кричит он. – Который всем давал шороху! Это за По, также известного как Эдди Балтиморский! Это за Альфи Бестера, и если вы его не читали, вам должно быть стыдно!

У него перехватывает дыхание, и Лизи начинает тревожиться. Слишком уж жарко. Она пытается вспомнить, что он съел на ленч: плотное или легкое?

– А эта лопата... – Он вгоняет штык в землю, где его стараниями уже образовалась заметная ямка, и поднимает уже полную. Рубашка на груди потемнела от пота. – Вот что я вам скажу. Почему бы не подумать о том, кто написал первую хорошую книгу, которую прочитал каждый из вас? Я говорю о книге, которая пробралась под вас, как волшебный ковер, и оторвала от земли. Вы понимаете, о чем я говорю?

Они понимали. Это читалось на каждом лице.

– Эту книгу, в идеальном мире, вы должны попросить первой, когда библиотека Шипмана распахнет свои двери. И эта лопата – за авторов книг, которые стали вашими любимыми. – Он отшвыривает землю и поворачивается к Дэшмайлу, который должен бы порадоваться мастерству Скотта (учитывая, что все это – импровизация, Скотт сыграл свою роль

²¹ 451 градус по Фаренгейту – температура возгорания бумаги, послужившая названием романа Р. Брэдбери.

блестяще), но Дэшмайлу жарко, и он злится. – Я думаю, мы с этим закончили, – и пытается отдать лопату Дэшмайлу.

– Нет, она ва-ахша, – говорит Дэшмайл, акцент возвращается. – Как сувенир, знак нашей признательности, вместе с ва-ахшим чеком, разумеется. – Улыбка вновь не достигает глаз и напоминает гримасу. – А теперь давайте пойдем туда, где работает кондиционер.

– Как скажете. – По выражению лица Скотта чувствуется, что его все это забавляет, а потом он передает лопату Лизи, как передавал многие ненужные вещи, подаренные за последние двенадцать лет, которые он прожил знаменитостью: всякое разное, от декоративных весел и бейсболок бостонских «Ред сокс», запаянных в кубик из прозрачной пластмассы, до масок Комедии и Трагедии... но в основном настольные наборы из ручки и карандаша. Очень много наборов, всех ведущих фирм, «Уотерман», «Скрипто», «Шеффер», «Мон Блан»... какую ни назови. Она смотрит на сверкающий серебряный штык маленькой лопаты, ее все это забавляет так же, как и ее любимого (он по-прежнему для нее – любимый). Прилипшие комочки земли не мешают прочесть выгравированную надпись: «НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИПМАНА», но Лизи скидывает их. И где теперь будет храниться этот необычный артефакт? Летом 1988 года рабочие апартаменты Скотта еще строятся, хотя адрес уже есть, и он начал складировать приходящую корреспонденцию в различных клетушках амбара. На многих картонных коробках он написал: «**СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!**» – большими буквами черным маркером. Скорее всего серебряная лопата встанет или ляжет рядом, и штык больше не сверкнет на солнце. Может, она положит ее туда сама, с биркой «**СКОТТ! СРЕДНИЕ ГОДЫ!**», ради шутки... или как награду. Такие странные, неожиданные подарки Скотт называет...

Но Дэшмайл уже сорвался с места. Больше не сказав ни слова (словно вся эта история вызвала у него отвращение и ему хочется как можно быстрее расплатиться), он шагает через прямоугольник привезенной земли, обогнув ямку, вырытую Скоттом. После последней отброшенной лопаты она стала особенно заметной. Каблуки черных, сверкающих я-ассистент-профессора-делающий-карьеру-и-не-забывайте-об-этом туфель при каждом шаге глубоко уходят в землю. Дэшмайлу приходится прилагать немало усилий, чтобы сохранить равновесие, и Лизи уверена, что усилия эти не поднимают ему настроение. Тони тут же присоединяется к нему, на лице написана задумчивость. Скотт выдерживает короткую паузу, словно пытаясь разобраться что к чему, потом присоединяется к этой парочке, вклиниваясь между принимающим-сопровождающим и временным биографом. Лизи следует за ними, как ей и положено. Скотт так порадовал ее, что она на какое-то время забыла про знамение, предвестник дурного,

(разбитое стекло утром)

но теперь это чувство вернулось,

(разбитые сердца вечером)

и очень сильным. Она думает, что именно поэтому все мелкие детали кажутся ей такими существенными. Она уверена, что мир придет в норму, как только они попадут в помещение, где работает система кондиционирования. И как только она вытащит из задницы эту мерзкую полосу материи.

Все почти закончено, напоминает она себе, и (какой забавной может быть жизнь) это тот самый момент, когда день начинает рушиться.

Сотрудник службы безопасности кампуса, который старше остальных обеспечивающих порядок на церемонии (восемнадцать лет спустя она идентифицирует его по газетной фотографии Куинсленда как капитана С. Хеффернэна), поднимает веревочный барьер на дальней стороне прямоугольника привезенной земли. Запоминается он ей только одним: на рубашке цвета хаки у него, как мог бы сказать ее муж, «большущая бляха». Скотт и оба его спутника ныряют под бархатную веревку синхронно, словно один человек.

Толпа тоже движется к автомобильной стоянке вместе с главными участниками церемонии... за одним исключением. Блонди не направляется к автомобильной стоянке. Блонди

все еще стоит с той стороны прямоугольного участка привезенной земли, которая обращена к автомобильной стоянке. Несколько людей сталкиваются с ним, и ему все-таки приходится отступить назад, на выжженную землю, где в 1991 году распахнет двери библиотека Шипмана (естественно, если можно верить обещаниям главного подрядчика). Потом он начинает двигаться против потока, расцепляет руки, чтобы оттолкнуть девушку, которая возникает слева от него, а потом юношу, появившегося справа. Губы его по-прежнему шевелятся. Поначалу Лизи вновь думает, что он молится про себя, но потом слышит несвязные слова, какую-то галиматсию (такое мог бы написать плохой подражатель Джеймса Джойса), и впервые ее охватывает настоящая тревога. Такие странные синие глаза Блонди сфокусированы на ее муже, только на нем и ни на ком больше, и Лизи понимает, что он не собирается обсуждать *отъезжающих* или скрытый религиозный подтекст романов Скотта. Это не простой ковбой глубокого космоса.

– Колокольный звон движется по улице Ангелов, – говорит Блонди (говорит Герд Аллен Коул), который большую часть семнадцатого года своей жизни провел в дорогой частной психиатрической клинике в Виргинии, откуда его выписали с диагнозом «здоров». Лизи слышит каждое слово. Они долетают до нее сквозь шум толпы, гул разговоров с той же легкостью, с какой острый нож разрезает кекс. – Этот давящий звук все равно что дождь по жестяной крыше! Грязные цветы, грязные и сладкие, вот как колокола звучат в моем подвале, *как будто ты этого не знаешь!*

Правая кисть, которая чуть ли не вся состоит из длинных пальцев, движется к подолу белой рубашки, и Лизи точно понимает, что сейчас произойдет. Понимание приходит к ней от телевизионных образов

(Джордж Уоллес Артур Бреммер²²)

из детства. Она смотрит на Скотта, но Скотт разговаривает с Дэшмайлом. Дэшмайл смотрит на Стефана Куинсленда, раздражение, написанное на лице Дэшмайла, говорит фотографу: «Хватит! Достаточно! Фотографий! Для одного дня! Спасибо!» Куинсленд смотрит на фотоаппарат, что-то там поднастраивает. «Тонех» Эддингтон уставился на блокнот, что-то записывает. Лизи ловит взглядом копа в рубашке цвета хаки с бляхой на ней. Коп смотрит на толпу, да только *на другую часть долбаной толпы*. Такое невозможно, не может она видеть всех этих людей и Блонди, но она может, она видит, видит даже, как двигаются губы Скотта, произнося слова: «Думаю, все прошло очень даже неплохо», – эти слова он часто произносит после подобных событий, и о Боже, и Иисус Мария, и Иосиф-Плотник, она пытается выкрикнуть имя Скотта и предупредить его, но горло перехватывает, оно превращается в сухую, шершавую трубу. Лизи не может вымолвить ни слова, а Блонди уже задрал подол большой белой рубашки, и под ним пустые петли для ремня, плоский, безволосый живот – живот форели, а к белой коже прижата рукоятка револьвера, которую обхватывают его пальцы, и она слышит, как он говорит, приближаясь к Скотту справа: «Если это закроет губы колоколов, работа будет закончена. Извини, папа».

Она бежит вперед или пытается бежать, потому что ноги словно приклеились к земле, а впереди чьи-то плечи – это студентка, в топике на бретельках, волосы перевязаны широкой белой лентой, на ней надпись «НАШВИЛЛ» синими буквами с красной окантовкой (видите, как она все подмечает), и Лизи отталкивает ее рукой, которая сжимает серебряную лопатку, и студентка недовольно восклицает: «Эй!» – да только звучит это «эй» медленно и растянуто, словно запись для пластинки 45 оборотов в минуту проиграла на 33 с третьей оборотов, а то и на 16. Весь мир ушел в горячий деготь, и целую вечность студентка с бретельками топика на

²² Уоллес Джордж (1919–1997) – известный американский политический деятель. Четыре раза избирался губернатором штата Алабама, четырежды участвовал в президентской кампании. После покушения в 1972 г. остался парализованным на всю жизнь. Бреммер Артур (р. 1950) – 15 мая 1972 г. по ходу президентской кампании совершил покушение на Джорджа Уоллеса, четырежды ранив его. Бреммер (тогда блондин) получил 47 лет тюрьмы и должен быть освобожден в 2025 г., в возрасте 75 лет.

плечах и «Нашвиллом» в волосах заслоняет от нее Скотта. Лизи видит лишь плечо Дэшмайла. И Тони Эддингтона, который пролистывает свой чертов блокнот.

Потом студентка открывает обзор, и Лизи вновь видит Дэшмайла и своего мужа, видит, как голова ассистента профессора поднимается, а тело напрягается. Лизи видит то, что видит Дэшмайл. Лизи видит Блонди с револьвером (как потом выясняется, это «ледисмит» калибра 0,22 дюйма, изготовленный в Корее и купленный на распродаже в южном Нашвилле за тридцать семь долларов). Во времени Лизи все происходит очень, очень медленно. Она не видит, как пуля вылетает из ствола (можно сказать, не видит), но слышит, как Скотт говорит негромко, растягивает слова, так что на всю фразу у него уходит секунд десять, а то и пятнадцать: «Давай обговорим это, сынок, хорошо?» А потом она видит, как дульная вспышка желто-белыми лепестками расцветает на срезе никелированного ствола револьвера. Она слышит хлопок – жалкий, несущественный, словно кто-то схлопнул обертку от чипсов, сжав ее в кулаке. Она видит Дэшмайла, этого трусливого южанина, который бросается влево. Она видит, как ноги Скотта подаются назад. А вот подбородок продолжает двигаться вперед. Сочетание это странное, но изящное, словно некое танцевальное па. Черная дырка появляется на правой стороне его спортивного покроя пиджака. «Сынок, видит Бог, ты не хочешь этого делать», – говорит он, вновь растягивая слова во времени Лизи, и даже во времени Лизи она может слышать, как его голос с каждым словом становится все тише, пока не перестает отличаться от голоса летчика-испытателя в барокамере. И однако Лизи думает, что он еще не знает о ранении, она в этом почти уверена. Полы его пиджака раскрываются, как ворота, когда он командным жестом протягивает к Блонди руку, и тут же Лизи отмечает для себя сразу два момента. Первое: рубашка под пиджаком окрасилась в красное. Второе: ей наконец-то удалось перейти на некое подобие бега.

– Я должен положить конец всему этому динг-донгу, – говорит Герд Аллен Коул ясно и отчетливо. – Я должен положить конец этому динг-донгу ради фрезий.

И Лизи внезапно осознает, что, как только Скотт умрет, как только непоправимое свершится, Блонди покончит с собой или попытается это сделать. Но пока он должен закончить начатое. Окончательно разобраться с писателем. Блонди чуть поворачивает руку, чтобы нацелить дымящийся ствол револьвера «ледисмит» калибра 0,22 дюйма на левую половину груди Скотта. Во времени Лизи движение это ровное и медленное. Первая пуля пробила Скотту легкое; теперь Блонди хочет повторить то же самое с сердцем. Лизи знает, что не может этого допустить. У ее мужа есть шанс остаться в живых, но для этого нужно помешать этому несущему смерть психу всадить в него еще один кусочек свинца.

Словно отказывая ей в этом, Герд Аллен Коул говорит: «Это никогда не закончится, пока ты не упадешь. Ты несешь ответственность за весь этот бесконечный звон, старичок. Ты – ад, ты – обезьяна, и теперь ты – моя обезьяна!»

В этих последних фразах хотя бы улавливается некое подобие здравого смысла, и времени, необходимого для того, чтобы произнести их, как раз хватает Лизи, чтобы сначала замахнуть лопаткой с серебряным штыком (тело знает свою задачу, и руки уже нашли свое место на самом конце сорокадюймового черенка), а потом ударить. Времени хватает, однако на самом пределе. Будь это скачки, на табло появилась бы надпись: «СОХРАНЯЙТЕ КВИТАНЦИИ. РЕЗУЛЬТАТ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ФОТОФИНИШЕМ». Но когда в гонке участвуют мужчина с револьвером и женщина с лопатой, фотофиниша не требуется. В замедленном времени Лизи она видит, как серебряный штык ударяет по револьверу, подбрасывая его вверх в тот самый момент, когда расцветает дульная вспышка (Лизи видит только ее часть, и торец ствола скрыт от нее штыком лопаты). Она видит, как штык движется вперед и вверх, когда вторая пуля, никому не причиняя вреда, улетает в августовское небо. Она видит, как револьвер кувыркается в воздухе, выбитый из руки Блонди, и успевает подумать: «Срань господня! Я приложилась от души», – прежде чем штык входит в контакт с лицом Блонди. Его рука все еще между шты-

ком и лицом (будут сломаны три длинных пальца), но серебряному штыку это не мешает. Он ломает нос Блонди, разносит правую скулу и костяную орбиту правого глаза, а еще вышибает девять зубов. Мордоворот, посланный мафией и вооруженный кастетом, не сумел бы нанести лучшего удара.

А теперь (все еще медленно, во времени Лизи) начинают собираться воедино герои призовой фотографии Стефана Куинсленда.

Капитан С. Хеффернэн увидел то, что происходит, через одну или две секунды после Лизи, но тоже столкнулся с проблемой зевак: в его случае это оказался прыщавый толстяк в мешковатых бермудских шортах и футболке с улыбающейся физиономией Скотта Лэндона на груди. Капитан Хеффернэн мускулистым плечом отшвыривает в сторону этого молодого человека.

Блонди уже падает на землю (и, таким образом, выпадает из фотографии), в одном глазу – изумление, другой заливают кровь. И из дыры, которой в скором будущем суждено снова стать ртом, струится кровь. В общем, и выстрел, и удар лопатой Хеффернэн упускает полностью.

Роджер Дэшмайл, возможно, вспомнив, что он должен быть церемониймейстером, а не большим старым зайцем-трусохвостом, поворачивается к Эддингтону, своему протеже, и к Лэндону, нелицеприятному почетному гостю, и успевает-таки попасть в кадр, пусть на заднем плане и с чуть расплывчатым, как весь фон, лицом.

Скотт Лэндон тем временем, пребывая в шоке, выходит из призовой фотографии. Широкими шагами, словно жара ему не помеха, он идет к автомобильной стоянке и к Нельсон-Холлу, зданию, в котором располагается кафедра английского языка и литературы и где есть система кондиционирования. Он шагает на удивление бодро, во всяком случае, поначалу, и немалая часть толпы движется вместе с ним, даже не подозревая о том, что имело место быть чрезвычайное происшествие. Лизи в ярости, но не удивлена. В конце концов, многие ли видели Блонди и этот маленький блядский (в смысле женский) револьвер у него в руке? Многие ли поняли, что слышали не треск обертки от чипсов, сжимаемой в кулаке, а пистолетные выстрелы? Дырку в пиджаке можно принять за пятно от земли, которую отбрасывал Скотт, а кровь, пропитавшая рубашку, еще не видна окружающему миру. Теперь при каждом вдохе он издает странный свистящий звук, но многие ли его слышат? Нет, если они и смотрят, то на нее (во всяком случае, некоторые) – сумасшедшую тетку, которая внезапно сорвалась с места и врезала какому-то парню по физиономии церемониальной лопатой. Многие даже *лыбятся*, полагая, что это часть шоу, устроенного для них, Дорожного шоу Скотта Лэндона. Да пошли они на хер вместе с Дэшмайлом и проспавшим все на свете копом с большущей бляхой на груди. Кто ее сейчас волнует, так это Скотт. Она сует лопату вправо, не так, правда, чтобы вслепую, и Эддингтон, их нанятый на день Босуэлл²³, берет ее. Собственно, у него только два варианта: или взять лопату, или получить ею по носу. А потом, все еще в замедленном времени, Лизи бежит за своим мужем, бодрость которого испаряется, как только он ставит ногу на пылуемый жаром асфальт автомобильной стоянки. У нее за спиной Тони Эддингтон таращится на серебряную лопатку, которая могла быть артиллерийским снарядом, счетчиком Гейгера или неким предметом, созданным представителями внеземной цивилизации, и к нему подходит капитан С. Хеффернэн, ошибаясь в предположении, кто должен быть сегодня героем. Лизи ничего этого не знает, и истина откроется ей лишь восемнадцать лет спустя, когда увидит фотографию, сделанную Куинслендом, но плевать она на все это хотела, даже если бы и знала. Все ее внимание сосредоточено на муже, который уже стоит на руках и коленях на автомобильной стоянке. Она пытается вырваться из времени Лизи, бежать быстрее. И именно в этот момент

²³ Босуэлл Джеймс (1740–1795) – английский (шотландский) писатель. Прославился книгой «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791), которая считается образцом библиографического романа.

Куинсленд делает свою призовую фотографию, с половиной ее туфли в правом нижнем углу, о чем он так и не догадался, ни тогда, ни позже.

6

Лауреат Пулитцеровской премии, *enfant terrible*²⁴, который опубликовал свой первый роман в нежном возрасте двадцати двух лет, более не держится на ногах. Скотт Лэндон падает на палубу, как сказали бы, будь он капитаном.

Лизи делает невероятное усилие, чтобы вырваться из сводящего с ума, прихваченного клеем времени, в которое непонятным образом попала. Она должна освободиться, потому что, если не доберется до Скотта прежде, чем его закроет толпа и уже не подпустит к нему, они скорее всего убьют Скотта своей озабоченностью. Раздавят любовью.

– О-о-о-он ра-а-а-а-анен! – кричит кто-то.

И она кричит, на себя, в своей голове,

(*вырывайся ВЫРЫВАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЯМО СЕЙЧАС*)

и наконец-то ей это удастся. Клей, в котором она оказалась, исчезает. Внезапно она бросается вперед; весь мир – это жара, шум и потные, суетящиеся тела. Она благословляет эту реальность, где все можно делать быстро, использует левую руку, чтобы ухватиться за левую ягодицу и дернуть, выдергивает эту чертову полоску трусиков из щели своей чертовой жопы, избавляясь хоть от одной из бед, которые принес с собой этот ужасный день.

Студентка в топике, лямки которого завязаны на плечах большими бантами, едва не загораживает сужающийся проход к Скотту, но Лизи проскакивает у нее под рукой и ударяется об асфальт автомобильной стоянки. Ободранные колени замечает гораздо позже, уже в больнице, где какая-то добрая медсестра обратит на них внимание и смажет царапины мазью, такой прохладной и успокаивающей, что Лизи заплачет от облегчения. Но до этого еще далеко. Теперь же есть только она и Скотт, на краю раскаленной автомобильной стоянки, этого ужасного черно-желтого танцпола, температура которого никак не меньше ста тридцати градусов, а то и все сто пятьдесят²⁵. Память пытается подsunуть ей образ яйца, которое превращается в яичницу-глазунью на черной чугунной сковороде доброго мамика, но Лизи отсекает его.

Скотт смотрит на нее.

Он лежит на спине, и теперь лицо его бледно восковое, за исключением черных мешков, которые набухают под карими глазами, да широкой ленточки крови, которая начинается в правом уголке рта и тянется по челюсти.

– Лизи! – Голос едва слышный, как в барокамере. – Этот парень действительно в меня стрельнул?

– Не пытайся говорить. – Она кладет руку ему на грудь. Его рубашка, о Господи, *мокрая* от крови, а под ней, она чувствует, сердце бьется так быстро и легко! Такое сердцебиение свойственно не человеку – птичке. *Голубиный пульс*, думает она, когда девушка с бантами лямок на плечах падает на нее. Упала бы на Скотта, но Лизи инстинктивно загораживает мужа, принимая на себя вес девушки («Эй! Дерьмо! Еб!» – выкрикивает удивленная девушка). Вес этот спине приходится держать лишь секунду, потом он исчезает. Лизи видит, что девушка выставляет руки, чтобы опереться на асфальт (*Ох, ох, великолепные рефлекссы молодых*, думает Лизи, словно полагая себя старухой в свой-то тридцать один год), и ей это удастся, но уже в следующее мгновение девушка верещит: «Ой, ой, ОЙ!» – потому что асфальт обжигает ей ладони.

– Лизи, – шепчет Скотт, и, о Боже, как же он свистит при вдохе, прямо-таки ветер в трубе.

²⁴ ужасное дитя (*фр.*).

²⁵ по шкале Фаренгейта; соответственно 54 и 65 градусов по Цельсию.

– *Кто меня толкнул?* – спрашивает девушка с бантами на плечах. Она стоит раком, волосы, выбившиеся из хвоста, падают на глаза, она плачет от шока, боли, раздражения.

Лизи наклоняется ближе к Скотту. Он просто пышет жаром, отчего ее переполняет невыносимая жалость. Но в этом жару его буквально трясет. Неуклюже, одной рукой, она снимает с себя жакет.

– Да, тебя подстрелили. Поэтому лежи тихо и не пытайся...

– Мне так жарко, – говорит он. И трясти его начинает еще сильнее. Его карие глаза встречаются с ее синими. Кровь бежит из уголка рта. Она чувствует ее запах. Даже воротник рубашки мокрый от крови. *Его чайное лекарство тут не поможет*, думает она, не очень-то понимая, о чем думает. *Так много крови на этот раз. Слишком много крови.* – Мне так жарко, Лизи, пожалуйста, дай мне льда.

– Дам обязательно, – говорит она и подкладывает сложенный жакет ему под голову. – Дам, Скотт.

Слава Богу, он в пиджаке, думает она, и тут ее осеняет. Она хватается за руку девушку, которая стоит ра... нет, уже сидит на корточках.

– Как вас зовут?

Девушка смотрит на нее как на безумную, но отвечает:

– Лиза Лемке.

Еще одна Лиза, какой маленький мир, думает Лизи, но не говорит. Потому что с губ срываются совсем другие слова:

– Моего мужа ранили, Лиза. Можете вы пойти в... – она не может вспомнить названия университетского корпуса, только его функцию, – ...на кафедру английского языка и литературы и вызвать «скорую»? Наберите 911...

– Мэм? Миссис Лэндон? – Коп с большущей бляхой пробивается к ней сквозь толпу, вовсю работая локтями. Приседает рядом, и его колени хрустят. *Грамче, чем выстрел из револьвера Блонди*, думает Лизи. В одной руке он держит рацию. Говорит медленно, ясно и четко, словно с расстроенным ребенком. – Я позвонил в лазарет кампуса, миссис Лэндон. Они уже едут на своей «скорой», чтобы отвезти вашего мужа в Мемориальную больницу Нашвилла. Вы меня понимаете?

Она понимает, и ее благодарность (коп вернул тот доллар, который задолжал, и заработал еще несколько) так же сильна, как и жалость, которую она испытывает к своему мужу, лежащему на раскаленном асфальте и дрожащему, как больной чумкой пес. Она кивает, из ее глаз брызжут первые из тех слез, что прольются в достатке до того, как она переправит Скотта в Мэн: не рейсом «Дельты», а на частном самолете, с медсестрой на борту, и в аэропорту Портленда их встретит «скорая» с другой медсестрой. Теперь же она поворачивается к Лизе Лемке и говорит:

– Он весь горит... есть тут где-нибудь лед, милая? Можете вы сказать, где здесь можно найти лед? Все равно где?

Она спрашивает без особой надежды и потрясена, когда Лиза Лемке тут же кивает.

– Вот там есть торговые автоматы, где продают и «колу» со льдом. – Она указывает на Нельсон-Холл, которого Лизи не видит. Потому что перед ее глазами только лес голых ног, волосатых и гладких, загорелых и обожженных солнцем. Она осознает, что эти ноги буквально сдавливают ее, что она ухаживает за мужем на клочке асфальта размером с витаминную капсулу, и ее охватывает панический страх перед толпой. Это называется агорафобия? Скотт должен знать.

– Если вы сможете принести немного льда, пожалуйста, сходите за ним, – просит Лизи. – И поторопитесь. – Она поворачивается к копу, охраняющему кампус, который, похоже, считает пульс Скотта, занятие, по мнению Лизи, совершенно бесполезное. Сейчас вопрос стоит

ребром: или он выживет, или умрет. – Вы не могли бы заставить их подвинуться? – спрашивает она. Просто молит. – Здесь так жарко, и...

Прежде чем она заканчивает, он вскакивает, совсем как черт выпрыгивает из табакерки, и кричит:

– Отойдите назад! Пропустите девушку! Отодвиньтесь и пропустите девушку! Вы же не оставили ему воздуха, а ему нужно дышать, вы понимаете?

Толпа подается назад... по разумению Лизи, крайне неохотно. Ей кажется, что они хотят увидеть, как вытечет вся его кровь.

Жар идет от асфальта. Она-то надеялась, что к высокой температуре можно привыкнуть, как привыкают к горячему душу, но этого не происходит. Она пытается услышать приближающуюся сирену «скорой», но не слышит ничего. А потом слышит. Она слышит голос Скотта, произносящий ее имя. Только это скорее не голос, а хрип. И одновременно он мнет пальцами край промокшего от пота топика (шелк теперь плотно облегает бюстгальтер, который напоминает вздувшуюся татуировку). Она смотрит вниз и видит то, что ей совершенно не нравится. Скотт улыбается. Кровь полностью покрывает его губы густо-красным сиропом, и сверху, и снизу, от края до края, и улыбка его больше похожа на ухмылку клоуна. *Никто не любит полумночного клоуна*, думает она и задается вопросом: откуда это взялось? Полночь-то у нее еще впереди, малая часть долгой и бессонной ночи, с лаем, должно быть, всех собак Нашвилла, под горячей августовской луной, и тут она вспоминает, что это эпиграф третьего романа Скотта, единственного, который не понравился ни ей, ни критикам, того самого, благодаря которому они разбогатели. Назывался он «Голодные дьяволы».

Скотт продолжает тереть шелковую ткань ее топика, его глаза такие яркие, такие лихорадочные в чернеющих глазницах. Он хочет что-то сказать, и с неохотой она наклоняется, чтобы расслышать его слова. Воздух он набирает в легкие понемногу, полувдохами. Процесс этот шумный, пугающий. Вблизи запах крови усиливается. Неприятный запах. Минеральный.

Это смерть. Это запах смерти.

И словно подтверждая ее мысль, Скотт говорит:

– Она совсем близко, родная моя. Совсем близко. Я не могу ее видеть, но я... – длинный, свистящий вдох, – я слышу, как она закусывает. И улыбается. – Произнося эти слова, он тоже улыбается – кровавой клоунской улыбкой.

– Скотт, я не знаю, о чем ты говоришь...

В руке, которая мнет топик, еще остались какие-то силы. Он щипает ее, и больно: когда позже, в номере мотеля, она снимет топик, под ним обнаружится синяк, метка настоящего возлюбленного.

– Ты... – свистящий вдох, – ...знаешь. – Еще свистящий вдох, более глубокий. И все та же улыбка, словно они поделились каким-то ужасным секретом. Пурпурным секретом, цвета занавеса, а еще – конкретных цветов, которые растут на конкретных,

(замолчи, Лизи, замолчи)

да, склонах холмов. – Ты... знаешь... поэтому... не оскорбляй... мой интеллект. – Еще один свистящий, кричащий вдох. – Или свой.

И она полагает, что действительно что-то знает. Длинный мальчик, так Скотт называет это чудище. Или тварь с бесконечным пегим боком. Как-то она хотела посмотреть в толковом словаре, что означает слово «пегий», но забыла... в забывчивости она поднаторела за те годы, что провела со Скоттом... Но она знает, о чем он говорит, да, знает.

Он отпускает ее топик, может, у него просто больше нет сил, чтобы сжимать материю пальцами. Лизи подается назад – чуть-чуть. Его глаза смотрят на нее из глубоких и почерневших глазниц. Они яркие, как всегда, но она видит, что теперь они также полны ужаса и (вот это пугает больше всего) неприятного, необъяснимого веселья. По-прежнему очень тихо (может, чтобы слышала только она, может, потому что громче не получается) Скотт говорит:

- Послушай, маленькая Лизи. Я покажу тебе, какие он издает звуки, когда оглядывается.
– Скотт, нет... перестань.

Он не обращает внимания. Вновь со свистом-криком набирает в грудь воздух, складывает влажные красные губы в плотное «О» и издает низкий, невероятно противный звук. В результате в воздух фонтанируют брызги крови. Какая-то девушка видит это и кричит. На этот раз копу не нужно просить толпу податься назад. Она делает это сама, и около Лизи, Скотта и капитана Хеффернэна образуется пустое пространство. Лизи отмечает, что до ближайших голых ног порядка четырех футов.

Звук (дорогой Боже, это же какое-то хрюканье), на счастье, очень короток. Скотт закашливается, грудь тяжело поднимается, рана ритмично выбрасывает новые порции крови, потом Скотт пальцем манит Лизи к себе. Она наклоняется ниже, опираясь на руки. Его провалившиеся глаза подчиняют ее себе. Так же, как и предсмертная улыбка.

Он поворачивает голову набок, сплевывает наполовину свернувшуюся кровь на горячий асфальт, вновь смотрит на жену.

– Я могу... так ее позвать, – шепчет он. – Она придет. Ты... избавишься от моей... надоедливой... болтовни.

Она понимает, что он говорит серьезно, и на мгновение (конечно же, сказывается сила его взгляда) верит, что это правда. Он повторит этот звук, только подольше, и в каком-то другом мире эта тварь, длинный мальчик, этот владыка бессонных ночей, повернет свою молчаливую голодную голову. А мгновением позже, уже в этом мире, Скотт Лэндон содрогнется всем телом на горячем асфальте и умрет. В свидетельстве о смерти будет указана ясная и убедительная причина, по которой оборвалась жизнь ее мужа, но она будет знать: эта жуткая тварь наконец-то увидела его, пришла за ним и сожрала живьем.

Вот так и возникла тема, которой они больше никогда не коснутся – ни с другими людьми, ни между собой. Слишком ужасная. У любого супружества два сердца, одно светлое и одно темное. Эта тема – по части темного сердца, безумный, настоящий секрет. Лизи наклоняется к мужу, лежащему на раскаленном асфальте, совсем близко, в полной уверенности, что он умирает, но тем не менее стремясь удержать его в этом мире как можно дольше. И если ради этого придется сразиться с его длинным мальчиком (пусть из оружия у нее только ногти, ничего больше), она вступит в бой.

– Ну... Лизи? – На губах эта отвратительная, всезнающая, жуткая улыбка. – Что... ты... скажешь?

Лизи наклоняется еще ниже. В окутывающую Скотта вонь пота и крови. Наклоняется так низко, что распознает сквозь эту вонь запахи «Прелла», шампуня, которым он утром мыл голову, и «Фоуми», крема для бритья. Наклоняется, пока ее губы не касаются его уха. Она шепчет:

– Успокойся, Скотт. Хотя бы раз в жизни утомись.

Когда вновь смотрит на мужа, его глаза совсем другие. Из них ушла неистовость. Они поблекли, но, может, это и хорошо, потому в них вернулось здравомыслие.

– Лизи?..

Она шепчет. Глядя ему прямо в глаза:

– *Оставь эту долбаную тварь в покое, и она уйдет.* – Едва не добавляет: «Ты сможешь разобраться с этим потом», – но идея бессмысленна, сейчас Скотт может сделать для себя только одно – не умереть. Поэтому говорит Лизи другое: – И никогда больше не издавай этого звука.

Он облизывает губы. Она видит кровь на его языке, и желудок поднимается к горлу, но она не отстраняется от мужа. Понимает, что должна находиться максимально близко к нему, пока не подъедет «скорая» или пока он не перестанет дышать прямо здесь, на горячем

асфальте, в какой-то сотне ярдов от места его последнего триумфа. Если она сможет выдержать это испытание, то выдержит все что угодно.

– Мне так жарко, – говорит он. – Если бы мне только дали пососать кусочек льда...

– Скоро, – отвечает Лизи, не зная, сможет ли она выполнить это обещание. – Лед тебе уже несут. – По крайней мере она слышит приближающуюся сирену «скорой». Это уже что-то.

А потом происходит чудо. Девушка с бантами на плечах и новыми царапинами на ладонях продирается сквозь толпу. Она тяжело дышит, как спортсмен после быстрого забега, и пот струится по щекам и шее. В руках она держит два больших стакана из вощеной бумаги.

– Я пролила половину гребаной «колы», пока добралась сюда, – она бросает короткий, злобный взгляд на толпу за спиной, – но лед донесла. Лед остал... – Тут глаза ее закатываются, и она начинает валиться на спину, не отрывая кроссовок от асфальта.

Коп, охраняющий кампус (благослови его, Господи, вместе с огромной бляхой и всем остальным), подхватывает ее, удерживает на ногах, берет один из стаканов. Протягивает Лизи, потом убеждает другую Лизи отпить холодной «колы» из стакана, который у нее остался. Лизи Лэндон на его слова внимания не обращает. Потом, проигрывая все это в голове, она даже удивляется собственной целеустремленности. Теперь в голове только одна мысль: *Главное, не дайте ей упасть на меня, если она потеряет сознание, мистер Дружелюбие*, – и Лизи поворачивается к Скотту.

Его трясет все сильнее, и глаза туманятся, уже не могут сфокусироваться на ней. И однако он пытается:

– Лизи... так жарко... лед...

– Он у меня, Скотт. Теперь ты хоть закроешь свой назойливый рот?

– Один удрал на север, другой на юг умчал, – хрипит Скотт, а потом – это же надо! – выполняет ее просьбу. Может, он уже выговорился, и тогда это будет первый такой случай в жизни Скотта Лэндона.

Лизи запускает руку в стакан, отчего «кола» выплескивается из него, такая божественно холодная. Она захватывает пригоршню кусочков льда, думая, а вот ведь ирония судьбы: когда они со Скоттом останавливаются на площадке отдыха на автостраде и она пользуется услугами автомата с газировкой, вместо того чтобы взять банку или бутылку, она всегда нажимает кнопку «СТАКАН БЕЗ ЛЬДА» (пусть лучше другие позволяют этим прижимистым компаниям, торгующим газировкой, лишь наполовину наполнять стакан своим товаром, вторую наполняя льдом, а вот с Лизи, младшей дочерью Дейва Дебушера, этот номер не пройдет. Как там говорил папая? «Стреляного воробья на мякине не проведешь?»). А теперь она мечтает о том, чтобы в стакане было побольше льда и поменьше «колы»... нет, она не думает, что избыток льда что-то изменит. Хорошо хоть, что лед есть вообще.

– Скотт, вот он. Лед.

Его глаза наполовину закрыты, но он открывает рот, и когда она сначала протирает ему губы кусочками льда, а потом кладет один на его окровавленный язык, бьющая Скотта дрожь внезапно прекращается. Господи, это какая-то магия. Осмелев, она проводит замерзающей, сочащейся водой рукой по его правой щеке, по левой, лбу, где капли воды цвета «колы» падают на брови, а потом стекают по крыльям носа.

– Лизи, это божественно, – говорит он, и хотя каждый вдох по-прежнему сопровождается свистом-криком, голос Скотта уже больше напоминает привычный. «Скорая» подъехала к толпе, что стоит слева, и смолкающий вой сирены сменяется громкими мужскими криками: «Санитары! Расступитесь! Санитары, освободите дорогу! Дайте нам выполнить свою работу!»

Дэшмайл, трусливый говнюк, выбирает этот момент, чтобы наклониться к Лизи и шепнуть на ухо свой вопрос. Спокойствие голоса, учитывая скорость, с которой он сиганул в сторону, заставляет Лизи скрипнуть зубами.

– Как он, дорогая?

Не оглядываясь, она отвечает:
– Пытается выжить.

7

– Пытается выжить, – пробормотала она, проводя рукой по глянцевой странице ежегодника «У-Тенн Нашвилл. Обзор событий 1988». По фотографии Скотта с ногой, стоящей на серебряном штыке церемониальной лопатки. Она резко, с хлопком, закрыла ежегодник и швырнула его на пыльную спину книгозмеи. Ее аппетит к фотографиям (*и воспоминаниям*) на этот день утолен с лихвой. За правым глазом начала пульсировать боль. С ней хотелось как-то справиться, принять что-нибудь, но не слабенький тайленол, а что-то, как сказал бы ее умерший муж, взбадривающее. Очень бы подошел экседрин, пара таблеток – и все дела, если только срок действия давно не истек. А потом она могла бы немного полежать на кровати в их спальне, пока не пройдет боль. Может, даже поспала бы.

Я все еще называю ее «нашей спальней», отметила она, спускаясь по лестнице в амбар, который давно уже не был амбаром, разделенный на множество кладовок... хотя в нем по-прежнему стояли запахи сена, веревок, тракторного масла, упрямые фермерские запахи. *Она наша, даже через два года.* И что с того? Что с того?

Она пожала плечами.

– Полагаю, ничего.

Ее немного шокировал заплетающийся, полупьяный голос. Она предположила, что все эти очень уж живые воспоминания измотали ее. Заново пережитый стресс. Одно, впрочем, радовало: никакая другая фотография Скотта в животе книгозмеи не могла вызвать таких неистовых воспоминаний, и ни один из колледжей не мог послать Скотту фотографию его от...

(об этом заткнись)

– Совершенно верно, – согласилась Лизи, спустившись с лестницы, не особо представляя себе, о чем, собственно,

(Скут, старина Скут)

она думала. Голова кружилась, и тело покрылось испариной, словно она едва избежала несчастного случая.

– Заткнись, на сегодня достаточно.

И будто ее голос послужил спусковым крючком, зазвонил телефонный аппарат за закрытой деревянной дверью справа от Лизи. Раньше за этой дверью располагалась конюшня, достаточно большая, чтобы разместить в ней трех лошадей. Теперь на двери висела табличка с надписью «**ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!**». Эту шутку придумала Лизи. Она намеревалась устроить там кабинет, где могла бы держать домашний архив и работать с месячными счетами (у них был финансовый консультант, и она до сих пор не отказалась от его услуг, но он находился в Нью-Йорке, и Лизи не собиралась грузить его такой ерундой, как счета из местной бакалейной лавки). Она даже поставила туда стол, телефонный аппарат, факс и несколько бюро... а потом Скотт умер. Заходила она в кабинет с тех пор? Однажды, она помнила. Этой весной. В конце марта, когда на земле кое-где еще оставались островки грязного снега. Заходила, чтобы стереть старые записи на автоответчике. В окошечке устройства светилось число «21». Сообщения с первого по семнадцатое и с девятнадцатого по двадцать первое были от разных торговцев, которых Скотт называл «телефонными вшами». Восемнадцатое (Лизи это совершенно не удивило) оставила Аманда. «Просто хотела узнать, подключила ты эту штуковину или нет. Ты дала этот номер мне, Дарле и Канти до того, как Скотт умер. – Пауза. – Похоже, что подключила. – Пауза. – И до сих пор не отключила. – Пауза, а потом торопливо: – Но была слишком длинная пауза между твоими словами и звуковым сигналом, то есть у тебя,

маленькая Лизи, на автоответчике накопилось много сообщений, ты должна их прослушать – вдруг кто-то хочет подарить тебе набор кастрюль или что-то еще. – Пауза. – Ну... до свидания».

Теперь, стоя перед закрытой дверью, чувствуя, как за правым глазом с частотой ударов сердца пульсирует боль, она слушала, как телефон прозвонил в третий раз, в четвертый. Пятый звонок оборвал щелчок, а потом раздался ее голос, объясняющий тому, кто держал трубку на другом конце провода, что он или она позвонили по телефону 727-5932. Потом не последовало ни лживого обещания «мы вам перезвоним», ни предложения оставить сообщение после звукового сигнала, ни самого сигнала, о котором упоминала Аманда. Да и зачем все это? Кто мог позвонить сюда, чтобы поговорить с ней? Со смертью Скотта это место лишилось своего мотора. Здесь осталась только маленькая Лизи Дебушер из Лисбон-Фоллс, теперь вдова Лэндон. Маленькая Лизи жила одна в доме, который был слишком большим для нее, и писала списки продуктов, которые нужно купить, не романы.

Пауза между ее словами и звуковым сигналом была очень длинной, и она подумала, что пленка для записи сообщений вновь заполнена до конца. А если и не заполнена, если звонящий устанет ждать и положит трубку, то через дверь кабинета она услышит самый раздражающий, тоже записанный на пленку женский голос, который скажет ей (отчитает ее): «Если вы хотите позвонить по номеру... пожалуйста, повесьте трубку и свяжитесь с абонентом через оператора!» Женщина не добавила бы «тупоголовый ты наш» или «раз у тебя дерьмо вместо мозгов», но Лизи всегда чувствовала этот, как сказал бы Скотт, «подтекст».

Вместо записанного женского она услышала мужской голос, который произнес два слова. Не было причины, чтобы от этих слов ее прошиб холодный пот, но прошиб. «Я перезвоню», – сказал мужчина.

Послышался щелчок.

И воцарилась тишина.

8

Это – намного более приятный подарок, думает она, но знает, что это ни прошлое, ни настоящее; это всего лишь сон. Она лежала на большой двуспальной кровати в

(нашей нашей нашей нашей нашей)

спальне, под медленно вращающимся вентилятором; несмотря на 130 миллиграммов кофеина в двух таблетках экседрина (годен до окт. 2007), взятых из тающего запаса лекарств Скотта в аптечном шкафчике в ванной, она уснула. Если у нее и есть на сей счет какие-то сомнения, чтобы развеять их, достаточно посмотреть, где она сейчас находится (в отделении реанимации на третьем этаже Мемориальной больницы Нашвилла) и какое у нее уникальное средство передвижения: она вновь путешествует на огромном полотнище, на котором многократно напечатана фраза «ПИЛЬСБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА». Вновь ее радует, что углы этого полотнища-самолета, на котором она сидит, сложив руки под грудью, завязаны в узлы, как на носовом платке, если его надевают на голову. Она плавает так близко к потолку, что ей приходится распластаться на полотнище, чтобы не попасть под лопасти, когда «ПИЛЬСБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА» проплывает под одним из медленно вращающихся вентиляторов (во сне они ничем не отличаются от вентилятора в ее спальне). Эти потрепанные деревянные весла говорят: «Хлюп, хлюп, хлюп», – продолжая свое медленное и где-то величественное вращение. Под ней медсестры приходят и уходят, их обувь чуть поскрипывает. Некоторые из них в цветных халатах (они как раз входят в моду), но большинство – в традиционных белых, чулки тоже белые, а белые шапочки почему-то вызывают у Лизи ассоциацию с чучелами голубей. Два врача (Лизи думает, что они врачи, хотя по возрасту, похоже, еще и не начали бриться) о чем-то разговаривают у фонтанчика с питьевой водой. Стены выложены кафелем холодного зеле-

ного цвета. Жар дня сюда вроде бы не проникает. Лизи полагает, что помимо вентиляторов в отделении реанимации есть и система кондиционирования, но не слышит, как она работает.

В моем сне я ее не слышу, разумеется, не слышу, говорит себе Лизи, и это кажется логичным. Впереди палата 319, куда привезли Скотта из операционной. После того как вытащили из него пулю. Лизи без труда добирается до двери, но понимает, что находится слишком высоко, чтобы попасть в самую палату. Ей обязательно нужно туда попасть. Она ведь так и не успела сказать ему: «Ты сможешь разобраться с этим потом», – но была ли в том необходимость? Скотт Лэндон, в конце концов, не со стога сена вчера свалился. И главная задача, как ей кажется, – найти волшебное слово, которое заставит спуститься полотнище-самолет «ПИЛЬ-СБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА».

Она находит это слово. Ей совершенно не хочется слышать, как оно слетает с ее губ (это слово Блонди), но, когда правит дьявол, деваться некуда (так тоже говорил ее папаня), поэтому...

– Фрезии, – говорит она, и выцветшее полотнище с узлами по углам послушно опускается на три фута, покидая прежнее место под потолком. Она смотрит через открытую дверь и видит Скотта, который через пять часов после операции лежит на узкой и на удивление красивой кровати с деревянными резными изголовьем и изножьем. Мониторы плачут, совсем как автоответчики. Два пакета с чем-то прозрачным висят на стойке между кроватью и стеной. Скотт вроде бы спит. Лизи-1988 сидит на стуле с высокой спинкой, рука Скотта сжимает ее руку. В другой руке Лизи-1988 книга в обложке, которую она захватила с собой в Теннесси (не ожидая, впрочем, что у нее будет много времени на чтение). Скотт читает произведения таких писателей, как Борхес, Пинчон, Тайлер и Этвуд; Лизи – Мэви Бинчи, Колин Маккаллоу, Джин Оэл (хотя ее все больше нервируют сварливые пещерные люди мисс Оэл), Джойс Кэрол Оутс и в последнее время Ширли Конран. Вот и в палате 319 при ней «Дикари», последний роман Ширли, и Лизи он очень нравится. Она дочитала до того места, где женщины, оказавшиеся в джунглях, учатся использовать бюстгалтеры как пращу. Спасибо «Лайкре». Лизи не знает, готовы ли поклонницы романтических историй к такой вот находке мисс Конран, но сама она видит в ней и храбрость, и красоту. Но разве храбрость – не одна из сторон красоты?

Последние лучи дневного света вливаются в палату потоками красного и золотого. Зрелище это зловещее и чарующее. Лизи-1988 очень уставшая: эмоционально, физически, от Юга ее просто тошнит. Она думает, если в палату заглянет еще кто-нибудь из посетителей, она закричит. А хорошая сторона? Она не думает, что пробудет здесь так долго, как они предполагают, потому что... ну... скажем так, у нее есть основания верить, что Скотт всегда быстро поправляется.

Скоро она вернется в мотель и постарается оставить за собой тот самый номер, что они оплатили раньше (Скотт всегда снимает для них номер, даже если знает, что выступление не займет много времени и они смогут уехать в тот же день). Она подозревает, что ей это не удастся (к женщине относятся ой как по-другому, если она с мужчиной, знаменитым или нет), но мотель расположен очень удобно, близко и от колледжа, и от больницы, поэтому ее устроит любой номер, лишь бы в этом мотеле. Доктор Саттеруэйт, лечащий Скотта, пообещал, что она сможет улизнуть от репортеров, выходя через заднюю дверь, как сегодня, так и в последующие дни. Он говорит, что миссис Маккинни вызовет такси к разгрузочной площадке кафетерия, «как только вы дадите отмашку». Она бы уже уехала, но Скотт последний час спит очень тревожно. Саттеруэйт говорит, что он не очнется после наркоза как минимум до полуночи, но Саттеруэйт не знает Скотта так хорошо, как она, и Лизи не удивлена тем, что на короткие промежутки времени он начал приходить в себя уже на закате солнца. Дважды он узнавал ее, дважды спрашивал, что произошло, и дважды она говорила, что в него стрелял психически боль-

ной человек. Второй раз он сказал: «Хай-йо-долбаный-Силвер»²⁶, – прежде чем закрыл глаза, и она не могла не рассмеяться. Теперь она хочет, чтобы он пришел в себя в третий раз, и она сможет сказать ему, что возвращается не в Мэн, а только в мотель, и утром снова его увидит.

Все это Лизи-2006 знает. Помнит. Чувствует. Как ни назови. Сидя на полотнище-самолете, она думает: *Он открывает глаза. Смотрит на меня. Говорит: «Я заплутал в темноте, и ты меня нашла. Мне было жарко... так жарко... и ты дала мне лед».*

Но действительно ли он это сказал? Действительно ли все так и было? И если она что-то прячет (прячет даже от себя), *почему* она это делает?

На кровати, залитой красным светом, Скотт открывает глаза. Смотрит на жену, которая читает свою книгу. Его дыхание уже не крик, свист в нем едва заметно слышится, когда он набирает полную грудь воздуха и полусшепотом-полухрипом выдыхает ее имя. Лизи-1988 откладывает книгу, поворачивается к мужу.

– Эй, ты снова проснулся, – говорит она. – Тогда контрольный вопрос. Так ты помнишь, что с тобой произошло?

– Выстрел, – шепчет он. – Мальчишка. Тоннель. Назад. Болит.

– Боль тебе придется какое-то время потерпеть, – говорит она. – А теперь не хотел бы ты...

Он сжимает ее руку, как бы говоря: замолчи. *Сейчас он скажет мне, что заплутал в темноте, и я дала ему льда, думает Лизи-2006.*

Но он говорит жене (которая этим днем спасла ему жизнь, «вырубив» сумасшедшего серебряной лопатой) другое, задает короткий вопрос: «Жарко?» Тон небрежный. Никакого особого взгляда. Сказано для того, чтобы поддержать разговор, провести время, тогда как красный свет продолжает угасать, а медицинское оборудование плачет и плачет. И со своего полотнища у двери Лизи-2006 видит, как дрожь (не сильная, но заметная) пробегает по телу Лизи-1988; видит, как указательный палец молодой Лизи выскальзывает из книги «Дикари», более не служит закладкой.

Я думаю: «То ли он не помнит, то ли притворяется, что не помнит своих слов, сказанных на асфальте (насчет того, что он мог бы позвать эту тварь, если бы захотел, мог бы позвать этого длинного мальчика, если бы мне хотелось покончить с ним), и моего ответа о том, что ему надобно замолчать и не поминать это чудище, оставить долбаную тварь в покое...» Я задаюсь вопросом, действительно ли это классический случай забывчивости (как он забыл, что его подстрелили) или какая-то особая забывчивость, когда все плохое сметается в специальный ящик, а потом запирается на ключ. Я задаюсь вопросом, а так ли это важно, если он помнит, как нужно поправляться.

Лежа на кровати (и одновременно летя на волшебном полотнище-самолете в вечном подарке ее сна), Лизи шевельнулась и попыталась крикнуть своему двойнику, попыталась крикнуть, что это *имело значение, имело*. «Не позволяй ему с этим уйти! – пыталась крикнуть она. – Ты не сможешь забыть это навсегда!» Но еще фрагмент прошлого вспомнился ей, фрагмент их бесконечных карточных игр на Субботнем озере летом. Эти две фразы выкликались, когда игрок хотел заглянуть в сброшенные карты, чтобы посмотреть как минимум предпоследний сброс: «Не трогай! *Нельзя откапывать мертвеца!*»

Нельзя откапывать мертвеца!

Однако она пытается еще раз. Всей своей немалой силой воли и мысли Лизи-2006 наклоняется вперед, сидя на полотнище-самолете, и посылает телепатическое сообщение: *Он прикидывается! СКОТТ ПОМНИТ ВСЕ!* своему молодому «Я».

²⁶ Хай-йо-долбаный Силвер (Hi-yo-smucking-Silver) – чуть переиначенная ключевая фраза из популярного американского радио и телесериала «Одинокый рейнджер». Там главный герой, пуская своего жеребца Силвера в галоп, восклицал: «Хай-йо, Силвер, вперед!» (Hi-yo, Silver, away)

И на какое-то мгновение думает, что сообщение доходит до адресата... знает, что дошло. Лизи-1988 вздрагивает, книга выскальзывает из ее руки и падает на пол. Но прежде чем молодая Лизи успевает повернуться к двери, Скотт Лэндон смотрит на женщину, которая парит в воздухе за дверным проемом, смотрит на свою жену из того времени, когда она уже станет вдовой. Он вновь складывает губы буквой «О», но вместо того, чтобы вновь издать тот ужасный звук, просто *дует*. Дуновение не сильное, не может быть сильным, с учетом того, что он пережил? Но силы хватает, и полотнище-самолет «ПИЛЬСБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА» отбрасывает назад, треплет, как стручок ваточника, подхваченный ураганом. Лизи пытается удержаться на полотнище, понимая, что от этого зависит ее жизнь, стены больничного коридора пролетают мимо, но потом этот чертов «самолет» переворачивается, она падает и...

9

Лизи проснулась, обнаружив, что сидит на кровати. Пот высыхал у нее на лбу и под мышками. В спальне царила относительная прохлада, спасибо потолочному вентилятору, но она чувствовала, что все еще разгорячена, как...

Ну, как раскаленная духовка.

– Пусть будет духовка, – говорит она, и с губ срывается нервный смех.

Сон уже разваливается на части (единственное, что она помнит отчетливо, – наполнивший палату красный свет заходящего солнца), но она проснулась с безумной уверенностью, отложившейся в сознании, одержимая императивом: она должна найти эту долбаную лопату. С серебряным штыком.

– Почему? – спросила она пустую комнату. Взяла часы с прикроватного столика и поднесла к лицу в полной уверенности, что прошел час, может, даже два. К ее изумлению, выяснилось, что она спала двенадцать минут. Она вернула часы на столик, вытерла руки о блузку, словно бралась за что-то грязное и микробы так по ней и ползают. – Почему я должна искать эту нелепую вещь?

Не важно. – Голос Скотта – не ее. В последнее время она редко слышала его столь отчетливо, но, Господи, на этот раз услышала. Громко и ясно. *Это не твое дело. Просто найди ее и положи, где... ну, ты знаешь.*

Разумеется, она знала.

– Где я смогу энергично ею поработать, – пробормотала Лизи, потерла лицо ладонями, с губ даже сорвался смешок.

Совершенно верно, любимая, – согласился ее умерший муж. – *Когда сочтешь это уместным.*

Глава 3

Лизи и серебрянный штык (*Жди ветра перемен*)

1

Яркий сон Лизи совершенно не помог ей освободиться от других воспоминаний о Нашвилле, особенно от одного момента: Герд Аллен Коул поворачивает револьвер после выстрела в легкое, который Скотт еще мог пережить, чтобы следующую пулю послать в сердце, а такие ранения смертельны. Весь мир уже перешел на замедленное время, и мысленно она вновь и вновь возвращалась к одному и тому же (как язык возвращается к щербинке на зубе): движение Герда на удивление плавное, словно револьвер вращался на шарнире.

Лизи пропылесосила гостиную, которая в уборке не нуждалась, потом запустила стиральную машину, хотя грязного белья набралось лишь на полбарабана; теперь, когда она жила одна, корзина с грязным наполнялась так медленно. Прошло два года, а она все равно не могла к этому привыкнуть. Наконец, она надела купальник и поплавала в бассейне за домом: проплыла туда-обратно пять раз, десять, пятнадцать, семнадцать и выдохлась. Держась за бортик на мелкой части, не касаясь ногами дна, тяжело дышала; черные мокрые волосы, как блестящий шлем, облегли щеки, лоб, шею, и все равно она видела движущуюся руку с длинными пальцами, видела поворачивающийся «ледисмит» (не было никакой возможности думать об этом оружии как об обычном револьвере, узнав его смертоносное блядское название), видела маленькую черную дыру с затаившейся внутри смертью Скотта, которая перемещалась справа налево, и серебряная лопатка была такой *тяжелой*. Казалось, уже невозможно успеть вовремя, обогнать безумие Коула.

Она медленно шевелила ногами, поднимая фонтанчики брызг. Скотту нравился их бассейн, но плавал он редко. Относился к тем людям, которые предпочитают книгу, пиво, телевизор. Когда, естественно, не был в разъездах. И, конечно, много времени он проводил в кабинете, работал, неизменно под музыку. Или зимней ночью сидел в кресле-качалке в спальне для гостей, завернувшись в один из пледов доброго мамика Дебушер, в два часа ночи, с широко-широко-широко раскрытыми глазами, а за стенами ревел ужасный ветер, долетающий от Йеллоунайфа²⁷, и это был другой Скотт; один удрал на север, другой на юг умчал, и, Господи, она любила их обоих одинаково, *всегда и во всем* одинаково.

– Хватит, – с раздражением бросила Лизи. – Я успела вовремя, успела, так что давай это забудем. Этот безумный мальчишка смог только пробить ему легкое, вот и все.

И однако мысленным взором (там прошлое – всегда настоящее) она видела, как «ледисмит» вновь начинает поворачиваться, и выбралась из бассейна в надежде, что физическое усилие прогонит этот образ. Сработало, но Блонди появился вновь, когда она вытиралась в раздевалке после душа, Герд Аллен Коул вернулся, стоит перед глазами, говорит: «Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий», – и Лизи-1988 размахивается серебряной лопаткой, но на этот раз долбаный воздух в долбаном времени Лизи слишком густой, и ей суждено опоздать на какое-то мгновение, она увидит всю дульную вспышку, а не ее часть, черная дыра появится также на левом лацкане, и пиджак спортивного покроя станет для Скотта саваном...

²⁷ Йеллоунайф – город в Канаде, на северном берегу Большого Невольничьего озера.

– *Прекрати!* – зарычала Лизи и бросила полотенце в корзинку для грязного белья. – *Угомонись!*

Она вернулась в дом голой, с одеждой под мышкой – именно для таких случаев двор и огородили высоким дощатым забором.

2

Поплавав, она проголодалась (просто умирала от голода) и, пусть шел только пятый час, решила приготовить себе большой сковородный ужин. Дарла, вторая по старшинству из сестер Дебушер, сказала бы, что Лизи собралась плотно поесть, а вот Скотт заявил бы, что у нее возникло желание нажраться. В морозильнике лежал фунт вырезки, в кладовой – упаковка полуфабриката для чизбургерного пирога. Лизи все вывалила на сковороду. Пока блюдо жарилось, приготовила себе графин лаймового «кулэйда»²⁸ с двойным содержанием сахара. К пяти двадцати, когда кухню заполнили запахи, поднимающиеся от сковороды, все мысли о Герде Аллене Коуле вылетели у нее из головы, по крайней мере на время. Думать она могла только о еде. Съела две большие порции запеканки, получившейся из сочетания полуфабриката чизбургерного пирога и мяса, запила двумя большими стаканами «кулэйда». Когда со второй порцией и со вторым стаканом (на дне осталось чуть-чуть сахара) было покончено, Лизи удовлетворенно ргнула и изрекла: «Эх, мне бы сейчас эту чертову долбаную сигарету».

Она говорила правду; ей редко так отчаянно хотелось покурить. «Салем лайтс». Скотт курил, когда они впервые встретились в университете Мэна, где он был студентом-выпускником и, как сам себя называл, «самым юным писателем мира среди здесь проживающих». Лизи училась (это продолжалось недолго) в свободное от работы время: она тогда была официанткой в кафе «У Пэт» в центре города, разносила пиццы и бургеры. К курению пристрастилась в компании Скотта, который предпочитал исключительно «Герберта Тейритона». Курить они бросили одновременно, чтобы выяснить, кто первым не выдержит. Произошло это в 1987 году, за год до того, как Герд Аллен Коул наглядно продемонстрировал, что сигареты – не единственный источник проблем с легкими. В последующие годы Лизи, бывало, много дней и не вспоминала о сигаретах, а потом вдруг возникало дикое желание покурить. И, нужно отметить, от мысли о сигаретах была немалая польза. Они позволяли забыть о

(«Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий», – *говорит Герд Аллен Коул ясно и отчетливо и чуть поворачивает руку*)

Блонди

(*плавно*)

и Нашвилле,

(*чтобы нацелить дымящийся ствол револьвера «ледисмит» на левую половину груди Скотта*)

и, черт, она опять к тому же и вернулась.

На десерт можно взять купленный в магазине кекс и замороженные сладкие взбитые сливки (жрать так жрать), но Лизи слишком сыта, чтобы думать о продолжении банкета. И опечалена тем, что эти отвратительные воспоминания возвращаются даже после того, как она наелась до отвала горячей высококалорийной пищей. Она полагает, что у нее возникла проблема, с какой обычно сталкиваются ветераны войны. Это была ее единственная битва, но...

(*нет, Лизи*)

– Прекрати, – прошептала она и резко

(*нет, любимая*)

отодвинула от себя тарелку. *Господи*, но ей хотелось

²⁸ «Кулэйд» – фруктовый прохладительный напиток, который приготавливают из растворимого порошка.

(ты знаешь, что нет)

сигарету. А еще больше она хотела, чтобы все эти воспоминания ушли к чер...

Лизи!

Это был голос Скотта, прозвучавший у нее в голове так ясно, что она ответила вслух, просто и естественно:

– Что, дорогой?

Найди серебряную лопатку, и все это дерьмо исчезнет... как случилось с запахом металлургического завода, когда ветер менялся и дул с юга. Помнишь?

Разумеется, она помнила. Ее квартира находилась в маленьком городке Кливс-Миллс, к востоку от Ороно. К тому времени, когда Лизи поселилась в Кливс-Миллс, никаких заводов там не было, но их хватало в Олдтауне, и когда ветер дул с севера (особенно если день был влажный и облачный), вонь стояла ужасная. Потом, если ветер менялся... Господи! Вдыхаешь запах океана и, казалось, рождаешься заново. На какое-то время выражение «жди ветра перемен» стало частью их внутреннего семейного языка, как «очистить», «СОВИСА» и «долбаный» вместо «гребаный». Затем оно забылось, и Лизи не вспоминала о нем много лет. «Жди ветра перемен» означало «держись, крошка». В смысле, пока не сдавайся. Может, оно говорило об оптимистическом отношении к жизни, свойственном молодым семейным парам. Она не знала. Скотт мог бы предложить обоснованную точку зрения; он вел дневник и тогда, в их

(РАННИЕ ГОДЫ!)

сумбурные дни, писал по пятнадцать минут каждый вечер, пока она смотрела сериалы или разбиралась с семейными расходами. Иногда, вместо того чтобы смотреть телевизор или подписывать чеки, она наблюдала за ним. Ей нравилось, как свет лампы подсвечивал ему волосы, бросал треугольные тени ему на щеки, когда он наклонялся над блокнотом. В те дни волосы у него были более длинными и темными, не тронутыми сединой, которая начала все сильнее проступать в последние годы его жизни. Ей нравились истории Скотта, но ничуть не меньше ей нравились и его волосы, подсвеченные светом настольной лампы. Она думала, что его волосы в свете лампы – сама по себе история, просто он этого не знал. Ей нравилось гладить его кожу. Что лоб, что крайнюю плоть, ощущения всегда были приятными. Она не поменяла бы одно на другое. Ей хотелось все и сразу.

Лизи! Найди лопату!

Она убрала со стола, положила остатки чизбургерного пирога с мясом в пластиковый контейнер. Не сомневалась, что никогда больше к ним не притронется (безумие прошло), но еды осталось слишком много, чтобы спустить все в раковину. Добрый мамик Дебушер, которая по-прежнему проживала в ее голове, устроила бы скандал, попытайся она это сделать! И лучше поставить контейнер в холодильник, за спаржей и йогуртом, где его содержимое сможет спокойно стареть. Занимаясь этими простыми хозяйственными делами, она гадала, каким образом, во имя Иисуса, Марии и Иосифа-Плотника, успешный поиск той дурацкой маленькой лопатки мог успокоить ее? Может, дело в волшебных свойствах серебра? Ей вспомнился какой-то фильм, который она смотрела с Дарлой и Кантатой в программе «Кино для полуночников», какой-то «ужастик» о вервольфе... только Лизи не сильно испугалась, если испугалась вообще. Вервольф показался ей скорее грустным, чем страшным, а кроме того, было заметно, что киношники останавливали камеру, потом накладывали актеру на лицо соответствующий грим и продолжали съемку. Безусловно, следовало поставить им высокие оценки за старание, но конечному продукту, по ее личному мнению, явно не хватало достоверности. Сюжет, правда, вызывал определенный интерес. Поначалу действие разворачивалось в английском пабе, где один из бывалых завсегдатаев мимоходом говорил, что вервольфа можно убить только серебряной пулей. А разве Герд Аллен Коул не был в какой-то степени вервольфом?

– Перестань, девочка, – сказала она себе, сполоснув тарелку и поставив ее в практически пустую посудомоечную машину. – Возможно, Скотт смог бы обыграть эту версию в одной из

своих книг, но рассказывать истории – не по твоей части. Не так ли? – Она захлопнула дверцу посудомоечной машины. При такой скорости заполнения она сможет помыть посуду только к Четвертому июля. – Если ты хочешь поискать эту лопатку, так поищи ее! Ты хочешь?

Прежде чем она успела ответить на этот сугубо риторический вопрос, в голове вновь раздался голос Скотта, четкий и ясный:

Я оставил тебе записку, любимая.

Лизи застыла, не дотянувшись до кухонного полотенца, которым хотела вытереть руки. Она знала этот голос, само собой, знала. Все еще слышала три или четыре раза в неделю и сама пыталась говорить с его интонациями, кто же откажется от такой безобидной компании и в большом доме. Только вот эта фраза, чуть ли не сразу после всего этого дерьма насчет лопаты...

Какую записку?

Какую записку?

Лизи вытерла руки и вернула полотенце на сушилку. Повернулась спиной к раковине, лицом – к остальной кухне, которую по-прежнему наполнял солнечный свет и аромат чизбургерного пирога, правда, теперь, на сытый желудок, не такой аппетитный. Лизи закрыла глаза, сосчитала до десяти, потом резко их открыла. Свет послеполуденного летнего солнца *вспыхнул* вокруг нее. В ней.

– Скотт? – позвала она, чувствуя, что стала такой же, как ее старшая сестра Аманда, то есть наполовину чокнутой. – Ты же не превратился в призрака, не превратился?

Она не ожидала ответа (маленькая Лизи Дебушер, которая радовалась грозам и не находила достоверным вервольфа, которого показывали в программе «Кино для полуночников», отказывалась в это поверить), но неожиданный порыв ветра, ворвавшийся в открытое окно над кухней, раздувший занавески, поднявший кончики ее все еще влажных волос, принесший ароматы цветов... можно было расценить как ответ. Лизи вновь закрыла глаза и вроде бы услышала едва слышную музыку, не высших сфер, а всего лишь старую песню Хэнка Уильямса²⁹: «Прощай, Джо, я должен идти...»

Ее руки покрылись «гусиной кожей».

Но порыв стих, и она стала прежней Лизи. Не Анди, не Канти, не Дарлой; конечно же, не *(одна умчалась на юг)*

убежавшей в Майами Джоди. Она была совершенно современной Лизи, Лизи-2006, вдовой Лэндон. Никаких призраков не было. В доме только она, одинокая Лизи.

Но ей хотелось найти эту серебряную лопату, с помощью которой она спасла своего мужа, и он прожил еще шестнадцать лет и написал семь романов. Не говоря уже о фотографии на обложке «Ньюсуик» в 1992 г., психоделический Скотт, ниже – строка «МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И КУЛЬТ ЛЭНДОНА», набранная большими буквами. Она задалась вопросом, как Роджер «Трусохвост» Дэшмайл воспринимал появление каждого из романов, не говоря уж про фотографию и статью в «Ньюсуик».

Лизи решила, что поищет лопату прямо сейчас, пока не начал таять свет долгого летнего вечера. Были призраки или нет, ей хотелось покинуть амбар и рабочие апартаменты над ним до наступления темноты.

3

В темных и пыльных клетушках напротив ее так и не доведенного до ума кабинета когда-то держали инструменты и запасные части для сельскохозяйственных машин и механизмов. В то время дом Лэндонов назывался «ферма Шугар-Топ». Самое большое помещение использовалось как курятник, и хотя его уборкой и чисткой занималась компания, специализировав-

²⁹ Уильямс Хэнк (1923–1953) – певец, гитарист, автор песен, известный представитель стиля кантри.

шаяся на такого вида работах, а стены потом побелили (белил их сам Скотт, не раз и не два поминавший Тома Соьера), там все равно остался очень слабый, но, вероятно, въевшийся в пол, стены и потолок аммиачный запах куриного помета. Запах этот Лизи помнила с детства и ненавидела... возможно, потому, что ее бабушка Ди упала и умерла, когда кормила кур.

В двух других клетушках стояли коробки (по большей части картонные ящики из винного магазина), но садовых инструментов, серебряных или из какого другого металла, там не было. В бывшем курятнике центральное место занимала двуспальная кровать, единственный сувенир из их девятимесячной экспедиции в Германию. Кровать они купили в Бремене и перевезли в Америку за фантастические деньги – Скотт настоял. Она напрочь забыла про бременскую кровать, пока вновь не увидела ее.

Поговорим о том, что вываливается из собачьей жопы, в нервном возбуждении подумала Лизи, но вслух произнесла другое:

– Если ты думаешь, что я буду спать в кровати, которая больше двадцати лет простояла в чертовом курятнике, Скотт...

«...тогда ты – псих!» – намеревалась закончить она, но не смогла. Вместо этого громко расхохоталась. Господи, вот оно, проклятие денег! Долбаное проклятие! Сколько стоила эта кровать? Тысячу американских баксов? Скажем, тысячу. А сколько стоила ее перевозка в Америку? Еще тысячу? Возможно. И вот она стоит, расслабляется, как сказал бы Скотт, в ароматах куриного дерьма. И будет продолжать расслабляться, пока мир не сгорит в огне или не замерзнет во льдах, потому что она к этой кровати не подойдет. Вся эта поездка в Германию обернулась полным провалом: Скотт не написал книгу, спор с хозяином квартиры, которую они снимали, едва не перешел в кулачный бой, даже лекции Скотта не принесли успеха – то ли у слушателей отсутствовало чувство юмора, то ли они не понимали его юмора, и...

За дверью по другую сторону центрального прохода, на которой теперь висела табличка «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ», вновь зазвонил телефон. Лизи застыла как вкопанная, кожа опять покрылась мурашками. И при этом возникло ощущение неизбежности, будто она пришла сюда не для того, чтобы найти серебряную лопатку, а чтобы ответить на звонок.

Она повернулась, когда раздался второй звонок, и пересекла полутемный центральный проход амбара. Подошла к двери на третьем звонке. Отодвинула защелку, и дверь легко открылась, чуть скрипнув изношенными петлями, которые давно уже не использовались, приглашая маленькую Лизи войти в склеп, говоря, как давно мы тебя не видели, хе-хе-хе. Ветерок, вдруг закруживший вокруг нее, прижал блузку к пояснице. Она нащупала выключатель, щелкнула им, не зная, чего ожидать, но под потолком зажегся свет. Разумеется, зажегся. В списках клиентов «Энергетической компании Центрального Мэна» бывший амбар назывался «Кабинет Лэндона, отделение БДП № 2, Шугар-Топ-Хилл-роуд, Касл-Рок, штат Мэн». И ЭКЦМ не делала различий между первым и вторым этажами.

Телефонный аппарат на столе прозвонил в четвертый раз. И, прежде чем звонок № 5 включил автоответчик, Лизи схватила трубку.

– Алло?

Ей ответила тишина. Она хотела повторить «алло», когда это сделали на другом конце провода. В голосе слышалось замешательство, но Лизи все равно узнала того, кто ей позвонил. Одного слова вполне хватило. Все-таки речь шла о самой близкой родне.

– Дарла?

– Лизи... это ты?

– Конечно, это я.

– Где ты?

– В старом кабинете Скотта.

– Нет, ты не там. Туда я уже звонила.

Лизи быстро поняла, в чем дело. Скотт любил громкую музыку (по правде говоря, настолько громкую, что нормальные люди такой уровень шума просто не воспринимали), и телефонный аппарат стоял в комнатке со звукоизоляцией на стенах, которую он смея ради называл «Моей палатой для буйных». Поэтому не приходилось удивляться, что с первого этажа она звонка не слышала. Но объяснять все это сестре не имело смысла.

– Дарла, где ты взяла этот номер и почему звонишь?

Еще одна пауза.

– Я у Аманды, – ответила наконец Дарла. – Номер взяла из ее записной книжки. Под твоим именем у нее их четыре. Этот был последним.

Лизи сразу стало не по себе, заныло под ложечкой. В детстве Аманда и Дарла были злейшими врагами. Соперничали из-за всего, будь то куклы, библиотечные книги, одежда. Последняя и самая жесткая стычка произошла из-за парня, которого звали Ричи Стренчфилд. В результате Дарла попала в Центральную больницу, где ей пришлось наложить шесть швов на глубокую рану над левым глазом. Шрам остался у Дарлы на всю жизнь, тонкий белый шрам. Когда они повзрослели, отношения у них несколько улучшились: споры были, но кровь больше не текла. Они держались друг от друга подальше. Собирались раз или два в месяц на воскресных обедах (вместе с мужьями) или на сестринских встречах, в «Оливия-Гарден» или в «Аутбэке», и всегда садились подальше друг от друга, скажем, на посиделках их разделяли Лизи и Канти. Так что звонок Дарлы из дома Аманды не сулил ничего хорошего.

– С ней что-то случилось, Дарл? – Дурацкий вопрос. Следовало спрашивать, насколько все плохо.

– Миссис Джонс слышала, как она кричит, носится по дому, бросает вещи на пол. Устраивает одну из своих больших «И».

Одну из ее больших истерик. Понятно.

– Сначала она позвонила Канти, но Канти и Рич в Бостоне. Когда миссис Джонс слышала твой голос на автоответчике, она позвонила мне.

То есть миссис Джонс руководствовалась здравым смыслом. Канти и Рич жили в миле к северу от дома Аманды на шоссе 19; Дарла жила в двух милях к югу. В определенном смысле получилось как в присказке отца: «Один удрал на север, другой на юг умчал, а тот назойливого рта на миг не закрывал». Сама Лизи жила в пяти милях. Дом миссис Джонс располагался по ту сторону дороги от маленького кейп-кода Аманды, и миссис Джонс знала, что первой нужно звонить Канти, причем не только по той причине, что из трех сестер она жила ближе всех.

Она кричит, носится по дому, бросает вещи на пол.

– Насколько все плохо на этот раз? – услышала Лизи свой собственный ровный, почти что деловой голос. – Мне приехать? – В смысле, *как быстро я должна приехать?*

– Она... я думаю, сейчас она в норме, – ответила Дарла. – Но она снова это делает. На руках, в паре мест высоко на бедрах... ты знаешь.

Лизи знала, понятное дело. Аманда впадала в, как называла это состояние Джейн Уитлоу, ее психоаналитик, «пассивную полукататонию». ППК отличалась от того, что произошло...

(не надо об этом)

(не буду)

от того, что произошло со Скоттом в 1996 году, но все равно сильно пугала. И каждый раз этому состоянию предшествовали приступы возбуждения (тут Лизи поняла, что именно такое возбуждение демонстрировала Анда в рабочих апартаментах Скотта), истерические припадки и членовредительство. Скажем, однажды Анда попыталась вырезать себе пупок. И теперь на животе вокруг него белел отвратительный шрам. Лизи однажды предложила косметическую операцию, не зная, существует ли возможность убрать этот шрам, но стремясь показать Анде, что готова взять на себя все расходы, если та обратится к специалистам. Аманда, расхохотав-

шись, отклонила предложение. «Мне нравится это кольцо, – заявила она. – Если у меня вновь возникнет желание резать себя, я, возможно, посмотрю на него и остановлюсь».

Возможно – но не обязательно.

– Насколько все плохо, Дарл? Только честно.

– Лизи... дорогая...

Лизи в тревоге осознала (и под ложечкой заныло сильнее), что ее старшая сестра борется со слезами.

– *Дарла!* Глубоко вдохни и скажи мне.

– Я в порядке. Просто... день выдался долгий.

– Когда Мэтт возвращается из Монреаля?

– Через две недели. Даже не проси о том, чтобы я позвонила ему. Он зарабатывает на нашу поездку в Сент-Барт следующей зимой, и беспокоить его нельзя. Мы все сможем сделать сами.

– А мы сможем?

– Определенно.

– Тогда скажи мне, что нужно сделать.

– Ладно. Хорошо. – Лизи услышала, как Дарла глубоко вдохнула. – Порезы на руках неглубокие. Хватит и пластыря. А вот на бедрах глубже, останутся шрамы, но кровь уже свернулась, слава Богу. Артерии не задеты. Лизи?

– Что? Давай оч... рассказывай до конца.

Она чуть не предложила Дарле очиститься до конца, а на такие слова старшая сестра могла и обидеться. Но, что бы ни сказала ей Дарла, она понимала, что новость будет отвратительная. Об этом говорил голос Дарлы с того самого момента, как Лизи услышала его в трубке. Она попыталась подготовиться к удару, прислонилась к столу, взгляд ее сместился и... святая Матерь Божья, она стояла в углу, небрежно прислоненная к еще одной горке картонных коробок из винного магазина (с надписями черным маркером: «**СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!**»). Да, да, в углу, где северная стена встречалась с восточной, стояла та самая серебряная лопата из Нашвилла, во всей своей красе. Она не заметила это синеглазое чудо, когда вошла, но наверняка бы заметила, если бы не спешила снять трубку с рычага до того, как включится автоответчик. С того места, где стояла Лизи, она могла даже прочитать слова, выгравированные на серебряном штыке: «НАЧАЛО, БИБЛИОТЕКА ШИПМАНА». Она буквально услышала, как южанин-трусовость говорит ее мужу, что Тонех запишет все для годового обзора событий и ему пришлют «эхсмпляр». И Скотт отвечает...

– Лизи? – В голосе Дарлы впервые зазвучала паника, и Лизи торопливо вернулась в настоящее. Разумеется, Дарле было с чего запаниковать. Канти – в Бостоне, на неделю или около того, ходит по магазинам, пока ее муж занимается своими автомобильными делами: программы привлечения клиентов, аукционные продажи, передача в лизинг, в таких местах, как Молден и Линн, Линн – город греха. Муж Дарлы, Мэтт, в Канаде, зарабатывает на их следующий отпуск, читая лекции об особенностях миграции различных североамериканских индейских племен. Дарла как-то сказала Лизи, что это на удивление прибыльное дело. Но деньги тут помочь не могли. Теперь все ложилось на их плечи. Сестринская помощь. – Лиз, ты меня слышишь? Ты еще з...

– Я здесь, – ответила Лизи. – Потеряла тебя на несколько секунд, извини. Может, что-то с телефоном... этот аппарат давно уже не использовался. Он – на первом этаже амбара. Там, где я собиралась оборудовать себе кабинет, до смерти Скотта.

– Да, конечно. – По голосу Дарлы чувствовалось, что она в полном замешательстве. *Не имеет долбаного понятия, о чем я говорю*, подумала Лизи. – Сейчас ты меня слышишь?

– Ясно, как колокол. – Отвечая, она смотрела на серебряную лопату. Думала о Герде Аллене Коуле. В голове звучало: *Я должен положить конец всему этому динг-донгу ради фрезий.*

Дарла вновь глубоко вдохнула. Лизи этот вдох услышала, почувствовала, как ветерок задул в телефонной линии.

– Она никогда в этом не признается, но я думаю, что она... ну... на этот раз пила свою кровь, Лиз... ее губы и подбородок были в крови, когда я приехала, но никаких порезов во рту нет. Она выглядела совсем как мы в детстве, когда добрый мамик давала нам поиграть своей помадой.

Но перед мысленным взором Лизи возникли не далекие дни, когда они надевали одежду матери, красились ее косметикой, ходили в ее туфлях на высоких каблуках, а жаркий день, точнее, вторая его половина, в Нашвилле, дрожащий всем телом Скотт, который лежал на раскаленном асфальте, а его губы покрывала алая кровь. Никто не любит полуночного клоуна.

Слушай, маленькая Лизи. Я издам тот звук, который издает она, когда оглядывается.

Но в углу блестел серебряный штык... чуть погнутый? Она полагала, что да. Если бы она засомневалась, что успевает вовремя... если бы проснулась в темноте, в поту, в уверенности, что опоздала на какую-то долю мгновения и оставшиеся годы их совместной жизни ушли безвозвратно...

– Лизи, ты приедешь? Когда в голове у нее проясняется, она спрашивает о тебе.

В мозгу Лизи зазвенели колокольчики тревоги.

– Что значит «когда в голове у нее проясняется»? Вроде бы ты сказала, что она в норме.

– Так и есть... то есть я так думаю. – Пауза. – Она спросила о тебе. Потом попросила чая. Я принесла ей чашку, и она выпила. Это хорошо?

– Да, – ответила Лизи. – Дарл, ты знаешь, в чем причина?

– Будь уверена. В городе, похоже, только об этом и говорят, но я не знала, пока миссис Джонс не сказала мне по телефону.

– Что? – Но Лизи уже догадывалась, что услышит в ответ.

– Чарли Корриво вернулся в город, – ответила Дарла. Тут же понизила голос: – Добрый старый Балабол. Всеобщий любимец банкир. Привез с собой девушку. Маленькую красотку француженку из Сент-Джон-Вэлли. – Последнее она произнесла с мэнским прононсом, получилось что-то напоминающее «Сенджуан».

Лизи стояла, глядя на серебряную лопатку, ожидая продолжения. В том, что оно последует, сомнений у нее не было.

– Они поженились, Лизи. – После этих слов Дарлы из трубки донеслись какие-то сдавленные звуки, которые поначалу Лизи приняла за сдерживаемые рыдания. Но через мгновение до нее дошло, что Дарла сдерживает смех, дабы ее не услышала Аманда, которая находилась где-то в доме.

– Я приеду как смогу быстро. И... Дарл?

Нет ответа, только все те же сдавленные звуки, вроде бы они даже становились громче.

– Если она услышит, что ты смеешься, то вновь возьмется за нож, только на этот раз порежет тебя.

Смех тут же прекратился. Лизи услышала, как Дарла набирает полную грудь воздуха.

– Ее мозгоправа здесь больше нет, знаешь ли. – Наконец к Дарле вернулась способность говорить. – Этой Уитлоу. Которая всегда ходила, обвешанная бусами. Уехала. Насколько мне известно, на Аляску.

Лизи слышала про Монтану, но едва ли это имело хоть какое-то значение.

– Ладно. Посмотрим, насколько она плоха. Есть одно местечко, которым интересовался Скотт... «Гринлаун», по пути к Двойному городу³⁰...

– Ох, Лизи! – Голос доброго мамика, но из уст Дарлы.

– Что «Лизи»? – резко ответила она. – Что «Лизи»? Или ты собираешься переселиться к ней и следить, чтобы она не вырезала инициалы Чарли Корриво на своих грудях, когда у нее в следующий раз поедет крыша? Или ты думаешь, что к ней переселится Канти?

– Лизи, я не хотела...

– А может, Билли сможет вернуться домой из университета и позаботиться о ней? Одним студентом в академическом отпуске больше, одним – меньше, какая разница?

– Лизи...

– А что *ты* предлагаешь? – Она слышала грозные нотки в своем голосе и ненавидела их. Это еще одна привычка, которая появляется у человека, если в течение десяти или двадцати лет он не испытывает проблем с деньгами: ты думаешь, что у тебя есть право пинками пробивать себе путь из угла, в котором оказался. Она вспомнила, как Скотт говорил, что людям нельзя разрешать строить дома с более чем двумя туалетами. Если их больше, люди начинают мнить себя великими. Она вновь посмотрела на лопату. Та блеснула в ответ. Успокоила. *Ты его спасла*, сказала лопата. *Не по твоим часам*. Это правда? Лизи не могла вспомнить. Еще момент из тех, которые она сознательно забывала? Этого она тоже не могла вспомнить. Тьфу ты! Черт знает что!

– Лизи, извини... Просто...

– Я знаю, – оборвала ее Лизи. Она чувствовала, что устала, мысли путаются и ей стыдно за свой срыв. – Мы что-нибудь придумаем. Я сейчас приеду. Хорошо?

– Да. – Голос Дарлы переполняло облегчение. – Хорошо.

– Этот француз, – добавила Лизи. – Каков подонок! Таким оказался дерьмом.

– Подъезжай как можно скорее.

– Приеду. До встречи.

Лизи положила трубку. Направилась в северо-восточный угол комнаты и взялась за черенок серебряной лопаты. Ей показалось, что она делает это впервые, но стоило ли удивляться? Когда Скотт передал ей лопату, ее интересовал только блестящий серебряный штык с выгравированной надписью, а к тому времени, когда пришла пора замахнуться лопатой, ее руки действовали как бы сами по себе... или так казалось; она предполагала, что какая-то примитивная, ориентированная на выживание часть ее мозга командовала ими, заменив собой Совершенно Современную Лизи.

Она провела ладонью по гладкому дереву, наслаждаясь этими приятными ощущениями, и ее взгляд вновь упал на три поставленные друг на друга коробки с черной надписью на каждой: **«СКОТТ! РАННИЕ ГОДЫ!»** В коробке наверху когда-то стояли бутылки джина «Джил-бис», а после того как содержимое изменилось, клапана не заклеили лентой, а лишь зацепили друг за друга. Лизи смахнула пыль, удивляясь, как ее много, удивляясь тому, что руки, которые касались этой коробки последними (наполняли ее, зацепляли клапана, ставили на самый верх), теперь сами, сложенные, лежали под землей.

Коробку заполняла бумага. Рукописи, предположила Лизи. На чуть пожелтевшей титульной странице красовалось название, написанное большими буквами и подчеркнутое. А ниже – аккуратно напечатанные имя и фамилия автора. Все это Лизи узнала, как узнала улыбку, которая не изменялась с тех пор, как она встретила на презентации молодого Скотта. Что Лизи не узнала, так это название романа:

³⁰ Двойной город – название, объединяющее города СентПол и Миннеаполис, расположенные по обоим берегам реки Миссисипи.

АЙК ПРИХОДИТ ДОМОЙ

Скотт Лэндон

Это роман? Рассказ? Одного взгляда на содержимое коробки определенно не хватало, чтобы ответить на этот вопрос. Но в коробке, похоже, тысяча страниц, а то и больше, основная часть в стопке под титульным листом, а остальные поставлены вертикально, заполняя два больших зазора. Если всю эту коробку занимает один роман, то объемом он будет больше «Унесенных ветром». Возможно ли такое? Лизи полагала, что да. Скотт всегда показывал ей свою работу после того, как ставилась последняя точка, и в процессе, с радостью, если она просила (этой привилегией не обладал больше никто, даже его постоянный редактор Карсон Форей), но если она не просила, то ничего и не показывал. И его отличала удивительная плодовитость, до самого последнего дня. Скотт Лэндон писал и дома, и в дороге.

Но роман в тысячу страниц? Конечно, Скотт упомянул бы про него. Готова спорить, это всего лишь рассказ, который ему не понравился. А что касается остальной бумаги в этой коробке, листов, которые лежат ниже и заткнуты сбоку? Вторые и третьи экземпляры ранних романов. Или гранки. То, что он называл «черновыми материалами».

Но разве он не отправлял все черновые материалы в Питтсбургский университет после того, как заканчивал с ними работу, для Коллекции Скотта Лэндона в их библиотеке? Другими словами, для того, чтобы инкунки могли пускать над ними слюни. И если в этих коробках лежали экземпляры его ранних рукописей, откуда взялись другие экземпляры (отпечатанные еще под копирку) в чуланах наверху, помеченных табличкой «КЛАДОВАЯ» на дверях? И теперь, раз уж она об этом подумала, что лежало в двух клетушках по обе стороны побеленного курятника? Что хранилось там?

Она посмотрела наверх, словно была Суперледи и могла увидеть ответ благодаря своему рентгеновскому зрению, и в этот самый момент вновь зазвонил телефон.

4

Она подошла к столу, сорвала трубку с рычага, переполненная предчувствием дурного и раздражением... но раздражение преобладало. Существовала вероятность (маленькая), что Аманда отрезала себе ухо а-ля Ван Гог или полоснула ножом по шее вместо руки или ноги, но Лизи в этом сомневалась. Зато Дарла всю жизнь славилась тем, что перезванивала через три минуты после окончания разговора, чтобы выпалить в трубку: «Я только что вспомнила...» или «Я забыла сказать тебе...»

– Что еще, Дарл?

Последовала пауза, а потом в трубке раздался мужской голос (Лизи решила, что знакомый голос): «Миссис Лэндон?»

Теперь паузу взяла Лизи, чтобы пробежаться по списку мужчин. Более чем короткому. Просто удивительно, как после смерти мужа сокращается круг твоих знакомств. Она поддерживала контакты с Джейкобом Монтано, адвокатом Скотта в Портленде, Артуром Уильямсом, нью-йоркским бухгалтером, который выпускал из своих рук доллар, если только орел на банкноте молил о пощаде (или умирал от асфиксии), Деком Уильямсом (не родственником Артура), строителем из Брайтона, который превратил сеновал в рабочие апартаменты Скотта и переделал второй этаж их дома, после чего темные комнаты стали царством света, Смайли Фландерсом, сантехником из Моттона, неиссякаемым кладезем анекдотов, приличных и не

очень, Чарли Хэддонфилдом, агентом Скотта, который время от времени обращался к ней по делам (главным образом насчет продажи авторских прав на зарубежные публикации и рассказов для антологий), плюс на связи оставалась горстка друзей Скотта. Но никто из них никогда не звонил по этому номеру, даже если он и был в справочнике. А был ли? Она не могла этого вспомнить. В любом случае голос принадлежал человеку, который не входил в вышеуказанный список, так что оставалось непонятным, откуда она могла знать раздавшийся в трубке мужской голос (или подумать, что знает его). Тогда, черт побери...

– Миссис Лэндон?

– Кто вы? – спросила она.

– Мое имя не имеет значения, миссас, – ответил голос, и перед мысленным взором Лизи возник как живой Герд Аллен Коул, губы которого двигались, словно он беззвучно молился. Да только длиннопалая рука поэта держала револьвер. *Святой Боже, нет... неужели еще один*, подумала она. *Неужели еще один Блонди?* Она вновь увидела в руке серебряную лопату (инстинктивно ухватила за деревянный черенок, когда срывала с рычага трубку), и лопата эта твердила: «еще один, еще один».

– Для меня имеет, – ответила она, поразившись деловитости собственного голоса. Как могла такая резкая, не терпящая возражений фраза выскочить из ее внезапно пересохшего рта? И тут же до нее дошло, где и когда она слышала этот мужской голос: сегодня, несколькими часами раньше, с автоответчика, установленного на этом телефонном аппарате. И неудивительно, что она не сумела сразу его вычислить – голос произнес только два слова: «Я перезвоню». – Если не желаете представиться, я кладу трубку.

На другом конце провода вздохнули. Устало и добродушно.

– Не создавайте мне трудностей, миссас. Я же пытаюсь вам помочь. Действительно пытаюсь.

Лизи подумала о голосах в любимом фильме Скотта «Последний киносенс»³¹, о песне Хэнка Уильямса «Джамбалайя». «Одетый модно, шагающий грозно...»

– Я кладу трубку, прощайте. Удачи вам в жизни. – Но даже не оторвала трубку от уха, полагая, что время еще не пришло.

– Можете называть меня Зак, миссас. Это имя ничуть не хуже других. Согласны?

– А дальше?

– Зак Маккул.

– Тогда я – Элизабет Тейлор.

– Вы хотели имя, вы его получили.

Тут он ее уел.

– И где вы взяли этот номер, Зак?

– В телефонном справочнике. – *Значит, номер в справочнике есть.* Это что-то да объясняю. Возможно. – А теперь вы меня слушаете?

– Я слушаю. – *Слушаю... и сжимаю в руке серебряную лопату... и жду ветра перемен. Прежде всего этого ветра.* Потому что перемены надвигались. Каждый нерв ее тела говорил об этом.

– Миссас, недавно к вам приезжал мужчина, который хотел заглянуть в бумаги вашего мужа, и позвольте мне выразить соболезнования в связи с вашей утратой.

Последнее Лизи проигнорировала.

– Многие люди просили у меня разрешения заглянуть в бумаги Скотта после его смерти. – Она надеялась, что мужчина на другом конце провода не сможет догадаться или

³¹ «Последний киносенс» – фильм (1971) режиссера Питера Богдановича по роману Ларри Макмартри о жизни маленького техасского городка в середине 1950-х гг.

прочувствовать, как сильно билось ее сердце. – Всем им я говорила одно и то же: со временем я доберусь до этих бумаг и разделю...

– Этот парень работает в том колледже, где учился ваш покойный муж, миссас. Говорит, что он – логичный выбор, поскольку бумаги все равно попадут туда.

Какое-то время Лизи молчала. Думала о том, как мужчина называл ее миссас. То есть он не из Мэна, не янки, скорее всего без образования, во всяком случае – по меркам Скотта. Она догадалась, что этот «Зак Маккул» никогда не посещал колледж. Она также отметила, что ветер действительно переменился. Она больше не боялась. Она в этот конкретный момент злилась. Больше чем злилась. Яростью не уступала поднятому из берлоги медведю.

Низким, сдавленным голосом, который сама едва узнала, Лизи выплюнула:

– Вудбоди. Вот о ком вы говорите, не так ли? Джозеф Вудбоди. Этот сучий инкунк.

Последовала пауза на другом конце провода, потом ее новый друг выдавил из себя:

– Я не понимаю вас, миссас.

Лизи почувствовала, как ярость достигла точки кипения, и лишь порадовалась этому.

– Я думаю, что вы прекрасно меня понимаете. Профессор Джозеф Вудбоди, король инкунков, нанял вас, велел позвонить мне и попытаться запугать, чтобы я... что? Отдала ключи от кабинета моего мужа, позволив ему покопаться в рукописях Скотта и взять все, что хочется? Если это так... если он действительно думает... – Она взяла себя в руки. Далось ей это с трудом. Злость – она скорее горькая, чем сладкая, но Лизи не хотелось с ней расставаться. – Просто ответьте мне, Зак, «да» или «нет». Вы работаете на профессора Джозефа Вудбоди?

– Это не ваше дело, миссас.

Лизи не нашлась что сказать. Такая наглость на мгновение даже лишила ее дара речи. Скотт сказал бы, что это чудовищная

(это не ваше дело)

нелепица.

– И никто не нанимал меня что-то пытаться и ничего не делать. – Пауза. – Во всяком случае, я настроен серьезно. А теперь, миссас, вам пора закрыть рот и послушать. Вы меня слушаете?

Она стояла, приложив телефонную трубку к уху, обдумывая вопрос: «Вы меня слушаете?» – и молчала.

– Я слышу ваше дыхание, поэтому знаю, что слушаете. Когда меня нанимают, миссас, этот сын матери ничего *не пытается, он делает*. Я понимаю, вы меня не знаете, но это минус для вас, не для меня. Это... это не простая бравада. *Я не пытаюсь, я делаю*. Вы отдадите этому человеку все, что он просит, хорошо? Он позвонит мне по телефону или пришлет письмо по мейлу и известными только нам словами скажет: «Все в порядке, я получил все, что хотел». Если этого не произойдет... если этого не произойдет в определенный период времени, тогда я собираюсь прийти к вам и причинить вам боль. *Я собираюсь причинить вам боль в тех местах, которые вы не давали щупать парням на танцах в средней школе*.

В какой-то момент этой долгой речи, которая напоминала заранее заученный текст, Лизи закрыла глаза. Она чувствовала, как по щекам текут горячие слезы, только не знала, что это за слезы, ярости или...

Стыда? Могли это быть слезы стыда? Да, было что-то постыдное в выслушивании таких слов от полнейшего незнакомца. Словно ты пришла в новую школу и в первый же день учитель устроил тебе разнос.

Врежь ему, любимая, сказал Скотт. *Ты знаешь, что делать*.

Конечно, она знала. В такой ситуации ты или бьешь наотмашь, или не бьешь. Только она в такую ситуацию еще ни разу не попадала, двух мнений тут быть не могло.

– Миссас? Вы понимаете, что я вам сейчас сказал?

Она знала, что хотела ему сказать, да только боялась, что как раз он ее не поймет. Поэтому Лизи решила обойтись более простыми и доходчивыми словами.

– Зак? – сказала она тихо и вкрадчиво.

– Да, миссас. – И он тут же понизил голос, возможно, подумал, что его приглашают в некий заговор для двоих.

– Вы меня слышите?

– Вы говорите очень уж тихо, но... да, миссас.

Она набрала полную грудь воздуха, задержала дыхание, представляя себе мужчину, которой говорил «миссас» вместо «миссис». Представляя себе, как он плотно прижимает трубку к уху, чтобы разобрать все ее слова. И как только эта «картинка» возникла перед ее мысленным взором, Лизи проорала в это ухо что было сил:

– ТОГДА ПОШЕЛ НА ХЕР!

И бросила трубку на рычаг с такой яростью, что с телефонного аппарата поднялась пыль.

5

Почти сразу же телефон вновь начал звонить, но разговор с «Заком Маккулом» Лизи больше не интересовал. Она подозревала, что не осталось ни единого шанса продолжить, как это называли «говорящие головы в телевизоре», *диалог*. Да и не хотела она с ним разговаривать. Не хотела и выслушивать его тирады на автоответчике и выяснять, что добродушие напрочь ушло из его голоса и теперь она у него исключительно манда, сука и проститутка. Взявшись за провод, Лизи нашла розетку – она находилась рядом с картонными коробками – и вытащила штекер. Так что телефон смолк на третьем звонке. Ее общение с «Заком Маккулом» закончилось, во всяком случае – на сегодня. Она полагала, что последняя точка не поставлена, что-то насчет него (или с ним) придется делать, но сейчас на первом месте стояла Анда. Не говоря уже про Дарлу, которая ждала, рассчитывала на ее помощь. Ей требовалось лишь вернуться на кухню, сдернуть с гвоздика автомобильные ключи... еще две минуты ушло бы на то, чтобы запереть дом, чего она никогда не делала днем.

Дом, и амбар, и рабочие апартаменты.

Да, особенно рабочие апартаменты, хотя она сомневалась, что там есть какие-то ценности, к примеру, что-то очень дорогостоящее. Но если уж речь зашла о дорогостоящем...

И оказалось, что она вновь смотрит на верхнюю коробку. Клапана она не закрыла, так что все было на виду.

АЙК ПРИХОДИТ ДОМОЙ

Скотт Лэндон

Из любопытства (почему нет, на это требовалась лишь секунда) Лизи прислонила серебряную лопату к стене, подняла титульную страницу, посмотрела на следующую. Там было написано:

Айк пришел домой после бума, и все было прекрасно.

БУЛ! КОНЕЦ!

Ничего больше.

На эту страницу Лизи смотрела не меньше минуты, хотя, видит Бог, ей хватало дел и ее ждали в другом месте. По коже опять побежали мурашки, но теперь ощущение это было скорее приятным... черт, да чего там, просто приятным. Легкая, мечтательная улыбка заиграла на губах. С того момента, как она принялась за расчистку рабочих апартаментов Скотта (если хотите, взялась за его архивы), она чувствовала присутствие мужа... но никогда присутствие это не было столь близким. Столь *реальным*. Она сунула руку в коробку и просмотрела листы бумаги, лежащие стопкой, уже зная, что там найдет. И нашла. Белизну чистой бумаги. Она залезла и в те листы, что стояли по бокам. Результат не изменился. В детском словаре Скотта «бум» означал короткую прогулку, а «бул»... ну, что-то более сложное, но в данном контексте слово это наверняка означало шутку или безобидную шалость. Этот гигантский поддельный роман был ха-ха Скотта Лэндона после смерти?

Неужто и две другие коробки, что стояли под верхней, тоже были булами? А те, что находились в двух клетушках напротив ее кабинета? Шутка была такая тонкая? И если все так, кого разыгрывал Скотт? Ее? Инкунков вроде Вудбоди? Объяснение логичное, Скотту нравилось подшучивать над людьми, которых он называл «завернутыми на рукописях», но отсюда перебрасывался мостик к жуткому предположению: он, возможно, предчувствовал свою

(Умер молодым)

грядущую смерть

(Безвременно)

и ничего ей не сказал. Это предположение вело к вопросу: поверила бы она ему, если бы и сказал? Инстинктивно она ответила: «Нет», – чтобы сказать, пусть только и самой себе: *Я же была человеком практичным, всегда проверяла его багаж, чтобы убедиться, что у него достаточно нижнего белья, и звонила в аэропорт, узнавала, вылетают ли самолеты по расписанию*. Но она помнила, как кровь на его губах превращала улыбку в клоунскую ухмылку; помнила, как он однажды объяснил ей (с присущей ему доходчивостью), что есть свежие фрукты после захода солнца небезопасно, а в промежуток между полуночью и шестью утра лучше вообще обходиться без пищи. Согласно Скотту, «ночная еда» частенько бывала отравленной, и когда он это говорил, слова звучали логично. Потому что

(прекрати)

– Я бы ему поверила, и давайте на этом закончим, – прошептала Лизи, опустила голову и закрыла глаза, чтобы сдержать слезы, которые, впрочем, так и не пришли. Глаза – а ведь они плакали во время заранее подготовленной речи «Зака Маккула»! – теперь были сухими, как камень. Дурацкие долбанные глаза!

Рукописи в ящиках столов и в большом шкафу наверху определенно не были булами; Лизи это знала наверняка. Там лежали экземпляры уже опубликованных рассказов, альтернативные варианты некоторых из них. В столе, который Скотт называл «Большой Джумбо Думбо», хранились рукописи как минимум трех незаконченных романов, которые при этом являлись более чем законченными повестями... понятное дело, у Вудбоди текли слюни. Лежало там и полдюжину готовых рассказов, которые Скотт так и не удосужился отослать в редакцию какого-нибудь периодического издания для публикации, и большинство, судя по шрифтам, лежало многие годы. Она не могла сказать, что – пустышка, а что – сокровище,

хотя понимала, что все они вызовут интерес исследователей творчества Лэндона. Этот роман, однако... *бул*, по терминологии Скотта...

Она сжала черенок серебряной лопаты, и сильно. Потому что держала в руке реальную вещь, внезапно оказавшись в эфемерном мире. Открыла глаза и сказала:

– Скотт, это всего лишь шутка или ты чего-то от меня хочешь?

Нет ответа. Естественно. А у нее еще пара сестер, к которым нужно ехать. Конечно же, Скотт понял бы ее, если бы она на время отодвинула историю с булом на второй план.

В любом случае она решила взять лопату с собой.

Ей нравились ощущения, которые она испытывала, держа черенок в руке.

6

Лизи вставила штекер в розетку, а потом торопливо ушла, до того, как этот чертов телефон мог опять зазвонить. На дворе садилось солнце, и дул сильный западный ветер, что объясняло, откуда взялось движение воздуха в тот момент, когда она открывала дверь кабинета, чтобы снять трубку и поговорить с Дарлой: никаких призраков, любимая. День, казалось, растянулся на месяц, но ветер, такой же, как и в ее сне, успокаивал и освежал. Она направилась от амбара к кухне, не боясь, что где-то поблизости рыщет «Зак Маккул». Она знала, как звучат здесь голоса при звонках с мобильных: потрескивающие и далекие. Скотт говорил, что причина – в линиях высокого напряжения (их он любил называть «заправочными станциями НЛО»). А вот дружка «Зака» она слышала отлично. Этот ковбой глубокого космоса говорил с ней по проводной линии, и она чертовски сомневалась, что кто-нибудь из ближайших соседей пригласил незнакомца в свой дом и предоставил телефон для высказывания угроз.

Она взяла автомобильные ключи и сунула их в боковой карман джинсов (не подозревая, что в заднем по-прежнему лежит блокнот Аманды с числами, хотя со временем вспомнит об этом). Она также взяла и более внушительную связку ключей, от всех дверей королевства Лэндонов, каждый с аккуратной наклейкой и надписью почерком Скотта. Заперла дом, заперла раздвижные двери первого этажа амбара, заперла дверь в рабочие апартаменты Скотта, к которой поднялась по наружной лестнице. Покончив с этим, с лопатой на плече направилась к автомобилю, и ее тень далеко протянулась по двору в последних, красных лучах заходящего июньского солнца.

Глава 4

Лизи и кровь-бул (Дурная кровь)

1

Поездка к Аманде по недавно расширенному и вновь заасфальтированному шоссе 17 занимала каких-то пятнадцать минут, даже с остановкой на светофоре, который регулировал движение на пересечении шоссе 17 с Дип-Кат-роуд. Большую часть этого времени, пусть ей того и не хотелось, Лизи провела в раздумьях о булах вообще и одном буле в частности: первом. Который не был шуткой.

– Но маленькая идиотка из Лисбон-Фоллс не дала задний ход и вышла за Скотта замуж, – рассмеялась она, потом сняла ногу с педали газа.

Слева сверкали витрины «Пательс маркет», заправочные колонки «Тексако» торчали из черного асфальта под ослепительно белыми огнями, и она почувствовала невероятно сильное желание остановиться и купить пачку сигарет. Старых добрых «Салем лайтс». И заодно можно прихватить пончиков «Ниссен», которые любила Анда, таких расплюснутых, а себе взять «Хохо»³².

– Ты – чокнутая крошка номер раз, – улыбнулась Лизи и вновь придавила педаль газа. «Пательс» растаял позади. Она ехала с включенными фарами, хотя сумеречного света еще хватало. Посмотрев в зеркало заднего вида, обнаружила, что дурацкая серебряная лопата лежит на заднем сиденье, и повторила, уже смеясь: – Ты – чокнутая крошка номер раз, да-да!

И что с того, если она и была чокнутой? *Что с того?*

2

Лизи припарковалась в затылок «приусу» Дарлы и уже прошла половину пути до маленького коттеджа Аманды, когда из двери выскочила (чуть ли не выбежала) Дарла, с трудом подавляя рвущиеся из груди крики.

– Слава Богу, ты здесь, – воскликнула она, а Лизи, увидев кровь на руках Дарлы, вновь подумала о булах, подумала о Скотте, выходящем к ней из темноты и протягивающем руку, только рука эта уже не выглядела как рука.

– Дарла, что...

– Она опять это сделала! Эта психованная снова себя поранила! Я пошла в туалет на минутку... оставила ее на кухне пить чай... «Анда, ты в порядке, Анда?» – спрашиваю ее я... и...

– Успокойся. – Лизи усилием воли изгнала из голоса всю тревогу. Она всегда была самой спокойной из всех, во всяком случае, старалась выглядеть самой спокойной, именно она всегда говорила: «Успокойся» или «Может, не все так плохо?» – хотя вроде бы такое принято говорить кому-нибудь из старших сестер. А может, и нет, если у самой старшей давно и сильно съехала долбаная крыша.

³² «Хохо» – китайское блюдо.

– Она не умрет, там такая грязь. – Дарла начала плакать. *Понятное дело, подумала Лизи, раз я здесь, можно дать волю эмоциям. Вам никогда не приходило в голову, что у маленькой Лизи могут быть свои проблемы?*

Дарла высморкала сначала одну ноздрю, потом вторую на темнеющую лужайку Аманды, чего никогда не позволила бы себе настоящая леди.

– Жуткая грязь, и, возможно, ты права, возможно, «Гринлаун» очень даже ей подойдет... это частная клиника... лишнего там не скажут... я просто не знаю... может, ты все-таки сможешь ее уговорить, наверное, сумеешь, она тебя слушается, всегда слушалась, я просто ума не приложу, что...

– Пойдем, Дарла. – Голос Лизи звучал успокаивающе, и ей вдруг открылось: сигареты ну совершенно не нужны. Сигареты – это дурная привычка ушедших дней. Сигареты мертвы, как и ее муж, потерявший сознание во время выступления и вскорости умерший в больнице в Кентукки, бул, конец. И она хотела держать в руке не «Салем лайтс», а черенок этой серебряной лопаты.

Вот что ее успокаивало, и при этом не требовалась зажигалка.

3

Это бул, Лизи.

Она снова услышала эту фразу, когда включила свет на кухне Аманды. И опять увидела его, направляющегося к ней по укрытому тенью лугу за домом в Кливс-Миллс, где находилась ее квартира. Скотта, который мог быть безумным, Скотта, который мог быть храбрым, Скотта, который мог быть и тем, и другим одновременно при определенных обстоятельствах.

И это не просто бул, это кровь-бул!

Квартира, где она научила его трахаться, где он научил ее говорить «долбаный» вместо «гребаный», где они учили друг друга ждать, ждать, ждать ветра перемен. Скотт шагал сквозь густую смесь цветочных ароматов, потому что с той стороны стояли теплицы, окна которых вечером раскрывали для проветривания. Скотт шагал, окутанный всеми этими ароматами, вечером, в конце весны, к фонарю, который горел над дверью черного хода ее квартиры. Она дожидалась его на пороге. Злилась, но не так чтобы очень. Пожалуй, была даже готова помириться. В конце концов, ее динамили и раньше (но не он), и у нее были бойфренды, которые на проверку оказывались любителями выпить (в том числе и он). Но когда она увидела его...

Своего первого кровь-була.

А теперь она видела второго. Кухня Аманды была замазана, забрызгана, залита, как сказал бы Скотт (обычно плохо имитируя Говарда Косела³³), кларетом. Красные капли на веселеньком желтом пластике столика у стены. Красное пятно на стеклянном окошке микроволновки, много красного на линолеуме. Кухонное полотенце на раковине, пропитанное красным.

Лизи посмотрела на все это и почувствовала, как учащенно забилося сердце. Это естественно, сказала она себе, обычная реакция нормального человека на кровь. Плюс подходил к концу длинный, полный переживаний день. *Ты должна помнить, что все выглядит гораздо хуже, чем есть на самом деле. Ты можешь поспорить на что угодно, что она сознательно разбрызгивала кровь... Аманда всегда стремилась драматизировать ситуацию. А ты видела кое-что похуже, Лизи. К примеру, рану на животе вокруг пупка. Или Скотта в Кливсе. Согласна?*

– Что? – переспросила Дарла.

– Я ничего не говорила, – ответила Лизи. Они стояли в дверях, глядя на свою несчастную старшую сестру, которая сидела за кухонным столом (также с поверхностью из желтого пластика), наклонив голову, с упавшими на лицо волосами.

³³ Коселл Говард (1918–1995) – настоящее имя Говард Уильям Коуэн, известный спортивный тележурналист.

– Ты сказала. Ты сказала «согласна».

– Хорошо, я сказала «согласна», – резко ответила Лизи. – Добрый мамик учила нас, что у тех людей, которые говорят сами с собой, есть деньги в банке. – И деньги у нее были. Благодаря Скотту она «стоила» порядка двадцати миллионов долларов, чуть больше или чуть меньше, в зависимости от текущих биржевых котировок государственных облигаций и некоторых акций.

Но деньги не так много значат, когда ты стоишь на залитой кровью кухне. Лизи задалась вопросом: а может, Анди никогда не использовала говно только потому, что просто не додумалась до этого? Если так, то это истинный подарок Господа, не правда ли?

– Ты убрала ножи? – строго спросила она Дарлу.

– Разумеется, убрала, – с негодованием ответила та... но все так же тихо. – Она сделала это осколками гребаной чайной чашки. Пока я писала.

Лизи уже решила, что при первой возможности закажет в «Уол-Марте» новые чайные чашки. Желтые, чтобы подходили к остальной кухне, но только пластиковые и с наклейкой на дне «НЕБЫЮЩАЯСЯ ПОСУДА».

Она опустила на колени рядом с Амандой, попыталась взять ее за руку.

– Руки она и порезала, – предупредила Дарла. – Обе ладони.

Очень осторожно Лизи сдвинула кисти Аманды с ее коленей. Перевернула их, и ее перевернуло. Кровь в порезах начала сворачиваться, и тем не менее у нее заныло в желудке. И, конечно же, порезы заставили ее опять вспомнить о Скотте, выходящем из теплой темноты и протягивающем руку, с которой капала кровь, словно предложение любви, словно искупление страшных грехов: напившись, он забыл про их свидание. И после этого они называли Коула безумцем?

Аманда рассекла ладони по диагонали, от основания большого пальца до основания мизинца, разрезав линию жизни, линию любви и все остальные линии. Лизи понимала, как она разрезала первую ладонь, но вторую? Это было ой как непросто. Но ей это удалось, а потом она побродила по кухне, оставляя свои следы: «Эй, посмотрите на меня! Посмотрите на меня! Ты не чокнутая крошка номер раз, номер раз – это я! Анда – чокнутая крошка номер раз, будь уверена». И успеть это за те короткие мгновения, которые Дарла провела в туалете, сливая немного лимонада и вытирая старую мочалку? Да, Аманда, ты еще и дьявольски быстрая крошка номер один.

– Дарла... тут пластырем и перекисью водорода не обойдешься. Ее нужно отвезти в больницу.

– О черт! – воскликнула Дарла и снова заплакала.

Лизи взглянула в лицо Аманды, едва просматривающееся сквозь локоны.

– Аманда.

Ничего. Никакой реакции.

– Анда.

Тот же результат. Голова Аманды висела, как у куклы. *Чертов Чарли Корриво*, подумала Лизи. *Чертов долбаный Чарли Корриво!* Но если бы не Балабол, его роль сыграл бы кто-то другой или что-то другое. Потому что так уж созданы Аманды этого мира. Мы постоянно ожидаем, что они выкинут очередной фортель, думаем: это просто чудо, что не выкидывают, – но ведь чудо не может длиться вечно, а потому и случается то, что должно случиться.

– Анди-Банни³⁴.

Детское прозвище сработало. Аманда медленно подняла голову. И Лизи увидела отнюдь не кровавую, одуряющую пустоту, как ожидала (хотя губы Аманды были красными, и помада «Макс фактор» определенно не имела к этому никакого отношения), а сверкающие глаза и

³⁴ Банни – мультяшный кролик.

хитрое, довольное лицо, выражение которого однозначно указывало: Аманде удалась какая-то гадость, и плакать придется не ей.

– Бул, – прошептала Аманда, и внутренняя температура Лизи Лэндон разом понизилась на добрый десяток градусов.

4

Они повели Аманду в гостиную. Она покорно шла между ними и послушно уселась на диван. Потом Лизи и Дарла вернулись к двери на кухню, откуда могли наблюдать за сестрой и при этом разговаривать шепотом, не опасаясь, что Аманда их услышит.

– Что она тебе сказала Лизи? Ты стала белой, как какой-нибудь чертов призрак.

Лучше бы Дарла сказала, «как полотно», подумала Лизи. Не нравилось ей, когда слово «призрак» произносили вслух. Особенно с наступлением темноты. Глупо, конечно, но так уж сложилось.

– Ничего, – ответила она. – Ну... фу. Фу, мол, Лизи, я вся в крови, как тебе это нравится? Знаешь, Дарл, не только у тебя сегодня был трудный день.

– Если мы отвезем ее в отделение неотложной помощи, что они с ней сделают? Будут держать под наблюдением двадцать четыре часа в сутки с подозрением на самоубийство?

– Могут, – кивнула Лизи. В голове у нее начало проясняться. Это слово, этот *бул*, сработало как пощечина, как нюхательная соль. Разумеется, это слово и до смерти испугало ее, но... если Аманда могла ей что-то сказать, Лизи, само собой, хотела выслушать сестру. У нее уже появилось ощущение, что события последнего времени, может, даже телефонный звонок «Зака Маккула», как-то связаны между собой... чем? Призраком Скотта? Нелепо. Тогда кровью Скотта? Как насчет этого?

Или его длинным мальчиком? Тварью с бесконечным пегим боком?

Она не существует, Лизи, и никогда не существовала вне его воображения... которому иногда хватало мощи воздействовать на близких ему людей. Хватало для того, чтобы тебе не хотелось есть фрукты с наступлением темноты, пусть ты и знала, что это детское суеверие, которое он так и не смог перерасти. И длинный мальчик – из той же категории. Ты это знаешь, так ведь?

Она знала? Тогда почему, когда пыталась обдумать эту идею, в голову закрадывался какой-то туман, путавший мысли? И почему внутренний голос предлагал ей бросить это дело?

Дарла как-то странно смотрела на нее. Лизи взяла себя в руки и вернулась к текущему моменту, окружающим ее людям, стоящей перед ней проблеме. И впервые заметила, какой уставшей выглядела Дарл: глубокие морщины возле уголков рта, темные мешки под глазами. Она взяла старшую сестру за плечи (ей не понравилось, какие они худые, не понравился промежуток, который нащупали ее большие пальцы, между бретельками бюстгальтера и впадинами над ключицами). Лизи помнила, с какой завистью смотрела на старших сестер, уезжающих в Лисбон-Хай, родину «Грейхаундов». Теперь Аманда стояла на пороге шестидесятилетия, да и Дарл не слишком от нее отставала. Действительно, обе они стали старухами.

– Но послушай, милая, – сказала она Дарле, – про самоубийство они не станут говорить, это жестоко. Однако наблюдать будут. – Лизи не знала, откуда ей это известно, но практически не сомневалась в своей правоте. – Думаю, таких они держат у себя сутки. Может, двое.

– Могут они это сделать без разрешения?

– Думаю, что нет, если только человек не совершил преступление и не доставлен полицией.

– Может, тебе лучше позвонить своему адвокату и все выяснить? Этому, из Монтаны?

– Его фамилия – Монтано, и сейчас он, вероятно, уже не на работе. Его домашнего номера в справочнике нет. У меня он есть в записной книжке, но она дома. Слушай, Дарл, я

думаю, если мы отвезем ее в Стивенскую мемориальную больницу в Но-Сап, то проблем у нас не возникнет.

Так местные называли соседние городки Норуэй и Саут-Пэриш в примыкающем округе Оксфорд, и эти городки находились в дне пути от таких экзотических мест, как Мехико, Мадрид, Гилеад, Чайна и Коринф. В отличие от городских больниц, скажем, в Портленде или Люистоне Стивенская мемориальная была маленьким сонным местом.

– Я думаю, ей перевяжут руки и позволят нам увезти ее домой без лишних вопросов. – Лизи помолчала. – Если...

– Если?

– Если мы *хотим* увезти ее домой. И если она захочет поехать домой. Я хочу сказать, мы не будем лгать и что-то выдумывать, хорошо? Если они спросят, а я уверена, что спросят, мы скажем правду. Да, она это делала раньше, когда впадала в депрессию, но довольно-таки давно.

– Пять лет – не так уж и давно.

– Все относительно, – возразила Лизи. – И она может объяснить, что ее постоянный бойфренд появился в городе с новой женой. Естественно, она сильно огорчилась.

– А если она не будет говорить?

– Если она не будет говорить, Дарл, они скорее всего продержат ее двадцать четыре часа, получив разрешение от нас. Я имею в виду, хочешь ли ты привезти ее туда, если она по-прежнему путешествует по другим планетам?

Дарла задумалась, вздохнула, покачала головой.

– Я думаю, многое зависит от Аманды, – продолжила Лизи. – Шаг первый: ее нужно помыть и переодеть. Если потребуется, я пойду с ней в душ.

– Да. – Дарла провела рукой по коротко стриженным волосам. – Полагаю, так и поступим. – Она внезапно зевнула. На удивление широко. Любопытный смог бы даже увидеть миндалины, если бы их не удалили еще в детстве. Лизи вновь взглянула на темные мешки под глазами сестры и подумала, что могла бы кое-что уяснить гораздо раньше, если бы не звонок «Зака».

Потом взяла сестру за руки.

– Миссис Джонс звонила тебе не сегодня, так?

Дарла с удивлением вытаращилась на нее.

– Да, – неохотно призналась Дарла. – Позвонила *вчера*. Ближе к вечеру. Я приехала, перевязала ее, как могла, посидела с ней до поздней ночи. Я тебе этого не говорила?

– Нет. Я думала, все произошло сегодня.

– Глупая Лизи, – и Дарла грустно улыбнулась.

– Почему ты не позвонила мне раньше?

– Не хотела тебя беспокоить. Ты и так для нас столько делаешь.

– Это неправда. – Лизи всегда корбило, когда Дарла или Канти (или Джодота по телефону) начинали нести такую чушь. Она знала, это глупость, но, глупость или нет, так уж оно было. – Это всего лишь деньги Скотта.

– Нет, Лизи. Это ты. Всегда ты. – Дарла на секунду замолчала. – И не возражай. Просто я думала, что мы справимся, мы вдвоем. Но ошиблась.

Лизи поцеловала сестру в щеку, обняла, а потом пошла к Аманде и села рядом с ней на диван.

5

– Аманда.

Никакой реакции.

– Анди-Банни? – Почему нет, если один раз сработало?

И да, Аманда подняла голову.

– Что. Ты хочешь.

– Нам нужно отвезти тебя в больницу, Анди-Банни.

– Я. Не. Хочу. Туда ехать.

Лизи кивала первую половину этой короткой, но дающей с таким трудом речи, потом начала расстегивать замаранную кровью блузку Аманды.

– Я знаю, но твои бедные старенькие ручки требуют ухода, который мы с Дарл обеспечить не можем. Вопрос только в том, хочешь ли ты вернуться сюда или проведешь ночь в больнице в Но-Сап. Если ты захочешь вернуться, я переночую у тебя. – *И, возможно, мы поговорим о булах вообще и кровь-булах в частности.* – Что скажешь, Анда? Ты хочешь вернуться сюда или ты думаешь, что тебе лучше какое-то время побыть в Сент-Стиве?

– Хочу. Вернуться. Сюда.

Когда Лизи попросила Аманду встать, чтобы она смогла снять с нее брюки, Аманда подчинилась, но при этом вроде бы внимательно изучала люстру. Если ее состояние еще и не называлось «полукататония», по терминологии прежнего мозгоправа Аманды, то, по мнению Лизи, совсем близко подошло к опасной черте, поэтому Лизи обрадовалась, когда следующие слова Аманда произнесла скорее как человек, а не робот:

– Если мы едем... куда-то... почему ты меня раздеваешь?

– Потому что тебе необходимо принять душ, – ответила Лизи, направляя Аманду в сторону ванной. – И надеть чистое. На тебе все... грязное. – Она обернулась и увидела, как Дарла поднимает с пола брошенные блузку и брюки. Аманда тем временем достаточно покорно шла к ванной, но от взгляда на нее у Лизи сжалось сердце. Причиной стали не раны и шрамы на теле Аманды, а простые хлопчатобумажные белые «боксеры». С давних пор Аманда носила мужские трусы. Они подходили ее угловатому телу, в них она выглядела даже сексуально. Но сегодня по правой штанине сзади расплылось грязное пятно, изнутри к материи что-то прилипло.

Ох, Анда, подумала Лизи. Ох, дорогая ты моя.

А потом Аманда переступила порог ванной, асоциальная дамочка в бюстгальтере, трусах и высоких белых носках. Лизи повернулась к Дарле. Та уже стояла рядом. На мгновение у двери собрались все годы прошлого и звонкие голоса Дебушеров. Потом Лизи повернулась и прошла в ванную следом за женщиной, которую когда-то звала большая сисса Анди-Банни. Женщина эта стояла на коврик, опустив голову, с болтающимися, как плети, руками, и ждала, что ее будут раздевать дальше.

Когда Лизи занялась застежками бюстгальтера Аманды, та внезапно повернулась к ней, схватила за руку. Пальцы ее были холодны как лед. На мгновение Лизи подумала, что сейчас большая сисса Анди-Банни расскажет ей все, о кровь-булах и остальном. Но сказала Аманда другое, глядя на нее ясными глазами психически здорового человека:

– Мой Чарльз женился на другой, – потом прижалась восково-холодным лбом к плечу Лизи и заплакала.

6

Остаток вечера напомнил Лизи о том, что Скотт называл Законом плохой погоды Лэндона: когда ты ложишься спать, ожидая, что ураган уйдет в океан, он вдруг меняет курс, движется в глубь материка и сносит крышу твоего дома. А когда ты поднимаешься рано, чтобы подготовиться к надвигающемуся бурану, с неба падают лишь отдельные снежинки.

«А в чем смысл?» – спросила тогда Лизи. Они вместе лежали в кровати (какой-то кровати, одной из их первых кроватей), умиротворенные, расслабленные после любви, он – с «Гер-

берт Тейритон» в руке и пепельницей на груди, а за стенами завывал сильный ветер. Какая кровать, какой ветер, какая буря или какой год, она уже не помнила.

«Смысл – СОВИСА», – ответил он, это она как раз помнила, хотя поначалу ей показалось, что она ослышалась или не поняла.

«Совиса? Какая еще совиса?»

Он затушил сигарету, поставил пепельницу на прикроватный столик. Взял ее лицо в свои руки, закрыв уши и отсекая ладонями мир на добрую минуту. Поцеловал в губы. Потом убрал руки, чтобы она могла его слышать. Скотт Лэндон всегда хотел, чтобы его слушали.

«СОВИСА, любимая, – это «энергично поработать, когда сочтешь уместным»³⁵.

Она все это обдумала – голова у нее работала не так быстро, как у него, – и поняла, что СОВИСА – это, как он говорил, аббревиатура. Ей понравилось. Довольно-таки глупо, отчего фраза эта понравилась ей еще больше. Она начала смеяться. Скотт рассмеялся вместе с ней, и скоро он был в ней, как они были в доме, тогда как сильный ветер ревел и тряс его снаружи.

Со Скоттом она всегда много смеялась.

7

Высказывание Скотта о буране, который не добрался до тебя, хотя казалось, что встречи с ним не избежать, несколько раз приходило ей в голову до того, как закончилась их экспедиция в больницу и они вновь вернулись в защищающий от любых капризов погоды кейп-код Аманды, расположенный между Касл-Вью и Харлоу-Дип-Кат. Во-первых, Аманда в немалой степени способствовала этому возвращению, потому что в голове у нее заметно прояснилось. Но у Лизи, ужасно это или нет, почему-то возникла ассоциация с тусклой лампочкой, которая вдруг ярко светит час или два перед тем, как перегореть навсегда. Изменения к лучшему начались еще в душе. Лизи разделась и встала под душ вместе с сестрой, которая стояла, ссутулив плечи и с апатично повисшими руками. Потом Лизи удалось осторожно направить струю теплой воды на разрезанную левую ладонь Анди.

– Ой! Ой! – закричала Анди, отдергивая руку. – Больно же, Лизи! Смотри, куда льешь воду, ладно?

Лизи ответила тем же тоном (Аманда не ожидала ничего другого, пусть они обе и стояли голыми), довольная тем, что услышала злость в голосе сестры, которая определенно пришла в себя:

– Ты уж меня, конечно, извини, но ведь не я полосовала тебе руку осколком чашки, которую сама же и разбила!

– Ну, я же не могла располосовать *его*, правда? – спросила Аманда, а потом разразилась потоком ругательств в адрес Чарли Корриво и его новой жены. И сочетание взрослых ругательств с детскими вызвало у Лизи удивление, смех, восхищение.

Когда она прервалась, чтобы набрать в грудь воздуха, Лизи ввернула:

– Говноротый сукин сын, а? Вау.

Аманда надулась:

– Да пошла ты на хер, Лизи.

– Если ты хочешь вернуться домой, я бы не советовала обращаться такими словами к врачу, который будет заниматься твоими руками.

– Ты думаешь, что я – дура?

– Нет, не думаю. Просто... скажем так, ты жутко на него разозлилась.

– Мои руки опять кровоточат.

³⁵ SOWISA – Strap On Whenever It Seems Appropriate – энергично поработай, когда сочтешь уместным (ЭПКСУ); смотри по обстоятельствам, впрягайся, если считаешь нужным (СПОВЕСН) – (англ.). Английская аббревиатура звучит куда как лучше.

– Сильно?

– Немного. Я думаю, их лучше смазать вазелином.

– Правда? А больно не будет?

– Больно от любви, – очень серьезно ответила Аманда... а потом хохотнула, отчего на сердце у Лизи сразу полегчало.

К тому времени, когда они с Дарлой загрузили старшую сестру в «BMW» Лизи и поехали в Норуэй, Аманда уже спрашивала, какие у Лизи успехи с разборкой завалов в рабочих апартаментах Скотта, как будто это был самый обычный день. Лизи не упомянула звонок «Зака Маккула», но рассказала о романе «Айк приходит домой» и процитировала единственную строчку: «Айк пришел домой после бума, и все было прекрасно. БУЛ! КОНЕЦ!» Она хотела упомянуть это слово в присутствии Анди. Хотела увидеть, как отреагирует сестра.

Дарла отреагировала первой:

– Ты вышла замуж за очень странного человека, Лиза.

– Скажи мне что-нибудь такое, *чего я не знаю*, дорогая. – Лизи посмотрела в зеркало на Аманду, которая сидела одна на заднем сиденье. «В уединенном великолепии», – как сказала бы добрый мамик. – Что думаешь, Анда?

Аманда пожала плечами, и поначалу Лизи решила, что это будет ее единственная реакция. И тут же слова полились потоком.

– Просто он такой человек, вот и все. Как-то я поехала с ним в город. Ему требовались какие-то материалы для работы, а мне – новые туристские ботинки, ты знаешь, хорошие туристские ботинки для пеших походов по лесам. Мы проезжали мимо «Обурн новелти». Он никогда не видел такого магазина, поэтому остановился и вошел в него. Вел себя как десятилетний! Мне требовались ботинки «Эдди Бауэр», чтобы ходить по лесам, не боясь обжечься ядовитым плющом, а он хотел купить весь этот идиотский магазин. И порошок, вызывающий зуд, и гуделки, и перечную жевательную резинку, и пластиковые пердучие подушки, и рентгеновские очки, короче, все, что там продавалось, и он вывалил свои покупки на прилавок рядом с леденцами, внутри которых находилась пластиковая голая женщина. Он накупил этого сделанного на Тайване *берьма* на добрую сотню долларов. Ты помнишь?

Она помнила. Лучше всего ей запомнилось, как он вернулся домой в тот день с целой охапкой пакетов с нарисованными на них смеющимися лицами и словами «ПРАЗДНИК СМЕХА». И с раскрасневшимися щеками. И свои покупки он назвал берьмом, не *дерьмом*, а *берьмом*, единственным словом, которому научился от нее, можете вы в это поверить? Что ж, обмен – это честная игра, как любила говорить добрый мамик, хотя слово «берьмо» придумал папаня Дэнди, который иногда говорил людям, что та или иная вещь нехороша, «вот я чуть и изменял эти слова». Как же Скотту понравилось это слово, он восхищался, как легко оно сходит с языка, не то что «я это выбросил» или «я это вышвырнул».

Скотт со всем его уловом из пруда слов, пруда историй, пруда мифов.

Скотт долбанный Лэндон.

Иногда она могла прожить целый день, не думая о нем, не вспоминая его. Почему нет? У нее и так хватало забот, а с ним иной раз было трудно иметь дело, было трудно жить. «Проект»³⁶, – как любили говорить старики-янки, тот же ее отец. А потом приходил день, серый день (или солнечный), когда ей так не доставало его, что казалось, внутри ничего нет, что она не женщина вовсе, а старое, трухлявое дерево. Именно это чувство испытывала она и сейчас, ей хотелось выкрикивать его имя, звать его домой, и сердце сжималось от мысли о том, что впереди годы без него, и она задавалась вопросом, а зачем нужна сильная любовь, если потом человека ждут хотя бы десять секунд таких страданий.

³⁶ В данном контексте – чудаковатый муж, на построение и поддержание отношений с которым уходит много времени и сил.

8

Просветление Аманды стало первым плюсом этого вечера. Мансингер, дежурный врач, далеко еще не ветеран, – вторым. Он выглядел не таким молодым, как Джантзен, врач, которого Лизи встретила во время последней болезни Скотта, но Лизи удивилась бы, если бы оказалось, что ему перевалило за тридцать. А третьим плюсом (хотя она никогда бы в это не поверила, если б ей сказали заранее) стало прибытие группы пострадавших в дорожно-транспортном происшествии в Суэдене.

Их еще не было, когда Лизи и Дарла привели Аманду в отделение неотложной помощи Стивенской мемориальной больницы. В приемной они увидели только мальчика лет десяти и его мать. У мальчика появилась сыпь, и мать постоянно одергивала его, требуя, чтобы он не расчесывал эти места. Она все еще покрикивала на него, когда их пригласили в одну из двух смотровых. Через пять минут мальчик появился с повязками на руках и мрачным лицом. Мать несла несколько тюбиков мази и продолжала покрикивать на сына.

Медсестра вызвала Аманду.

– Доктор Мансингер сейчас примет вас, дорогая. – Слово «дорогая» она произнесла с мэнским прононсом, так что получилось что-то вроде *огогая*.

Аманда, с раскрасневшимися щеками, одарила сначала Лизи, потом Дарлу гордым взглядом королевы Елизаветы.

– Я желаю встретиться с ним одна.

– Разумеется, ваша загадочность, – ответила Лизи и показала Аманде язык. В этот момент ее не волновало, оставят ли в больнице эту наглуую, доставляющую столько хлопот сучку на ночь, сутки или на год и один день. Какая разница, что там прошептала Аманда за кухонным столом, когда Лизи опустилась рядом с ней на колени. Может, действительно «фу», как она и сказала Дарле. Даже если это было другое слово, хотела ли она вернуться в дом Аманды, спать с ней в одной комнате, дышать безумным воздухом, который выходил из ее легких, если дома ждала собственная удобная кровать? «Дело закрыто, любимая», – сказал бы Скотт.

– Только помни, о чем мы договорились, – сказала Дарла. – Ты обезумела и порезала себе руки, потому что его не было с тобой. Сейчас тебе лучше. Ты это пережила.

Аманда бросила на Дарлу взгляд, который Лизи истолковать не смогла.

– Совершенно верно, – кивнула она. – Я это пережила.

9

Пострадавшие в дорожно-транспортном происшествии из маленького городка Суэден прибыли вскоре после того, как Аманда скрылась за дверью смотровой. Лизи никогда не отнесла бы их появление к положительным событиям, если бы кто-то серьезно пострадал, но это был не тот случай. Все они кружили по приемной, двое мужчин над чем-то смеялись. Только одна из пострадавших, девушка лет семнадцати, плакала. В волосах у нее виднелась кровь, над верхней губой – сопля. Всего пациентов было шестеро, почти наверняка из двух автомобилей, от тех молодых людей, что постоянно смеялись, сильно разило пивом, один из них, похоже, растянул руку. Секстет сопровождали двое санитаров в униформе Службы спасения Ист-Стоунэма и два копа, один – из дорожной полиции, второй – из округа Маунти. С их появлением маленькая приемная оказалась забитой до отказа. Медсестра, которая выходила за Амандой, лишь на мгновение высунула голову из-за двери, ее глаза широко раскрылись, голова исчезла. Тут же в приемную выглянул и молодой доктор Мансингер. А вскоре после этого семнадцатилетняя девушка устроила истерику, объявляя всем, что мачеха теперь ее убьет. Через несколько секунд медсестра забрала ее (этой истеричке говорить «дорогая» она не стала), а

потом из «смотровой-2» вышла Аманда, тоже с тубиками. Из левого кармана ее мешковатых джинсов выглядывали несколько сложенных рецептов.

– Я думаю, мы можем идти. – Аманда продолжала изображать надменную гранд-даму.

Лизи подумала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, даже с учетом того, что доктор относительно молод и у него много других пациентов, и оказалась права. Медсестра высунулась из «смотровой-1», как машинист из кабины паровоза, посмотрела на нее и Дарлу и спросила:

– Вы – сестры мисс Дебушер?

Лизи и Дарла кивнули. Виновны, ваша честь.

– Доктор хотел бы переговорить с одной из вас, – и она исчезла в смотровой, где продолжала рыдать девушка.

В другой части приемной оба молодых человека, от которых разило пивом, расхохотались, и Лизи подумала: *Что уж там с ними не так, виновники аварии – не они.* И действительно основное внимание копы уделяли бледному как мел юноше примерно того же возраста, что и девушка с кровью в волосах. Еще один молодой человек говорил по телефону-автомату. По мнению Лизи, рваная рана на щеке говорившего требовала швов. Третий ждал своей очереди, чтобы позвонить. Вроде бы целый и невредимый.

Ладони Аманды смазали беловатой мазью.

– Он сказал, что швы разойдутся, – объяснила она им почти что с гордостью. – И, как я понимаю, повязки не удержатся. Я должна постоянно накладывать эту мазь (бр-р-р, как воняет) на раны и делать ванночки трижды в день три дня подряд. Один рецепт на мазь, второй – на жидкость для ванночки. Он говорит, мне нужно как можно реже сжимать руки. Вещи брать только между пальцев, вот так. – Она показала на доисторическом номере еженедельника «Пипл», подхватила большим и указательным пальцами правой руки, приподняла, тут же бросила.

Появилась медсестра.

– Доктор Мансингер может вас принять. Одну или обеих. – Тон однозначно говорил о том, что времени у доктора мало. Лизи сидела с одной стороны Аманды, Дарла – с другой. Они переглянулись, чего Аманда и не заметила. Она с искренним интересом изучала других людей, набившихся в приемную.

– Иди, Лизи, – сказала Дарла. – Я останусь с ней.

10

Медсестра провела Лизи в «смотровую-2», а затем вернулась к плачущей девушке, так плотно сжав губы, что они практически исчезли. Лизи села на единственный стул, посмотрела на единственную в комнате картину: пушистый кокер-спаниель на поле нарциссов. Через несколько секунд (она знала, что ей пришлось бы ждать больше, если бы от нее не требовалось срочно избавиться) в смотровую торопливо вошел доктор Мансингер. Закрыл за собой дверь, отсекая всхлипывания малолетки, и пристроил костлявый зад на столе для осмотра пациентов.

– Я – Хол Мансингер, – представился он.

– Лиза Лэндон. – Она протянула руку, и доктор Мансингер быстро ее пожал.

– Я бы хотел получить гораздо больше информации о состоянии вашей сестры для истории болезни, вы понимаете, но, сами видите, у нас цейтнот. Я вызвал второго врача, но пока придется трудиться и за него.

– Я очень признательна вам, что вы сумели уделить мне несколько минут. – А сама по достоинству оценила спокойствие, которое слышалось в ее голосе. Этот голос однозначно заявлял: *Все под контролем.* – Я готова вас заверить, что в настоящий момент моя сестра Аманда не представляет для себя угрозы, если вас это тревожит.

– Ну, вы понимаете, конечно, меня это тревожит, но я поверю вам на слово. И ей тоже. Она уже совершеннолетняя, да и ее поступок определенно не попытка самоубийства. – Он смотрел на листок, который лежал на столе, а тут вскинул глаза на Лизи. – Это так?

– Да.

– Да. С другой стороны, не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы увидеть, что для вашей сестры это не первый случай членовредительства.

Лизи вздохнула.

– Она говорила мне, что ходит к психоаналитику, но ее врач отбыл в Айдахо.

Айдахо? Аляска? Марс? Какая разница, эта обвешанная бусами сука отбыла.

– Насколько мне известно, это правда.

– Вашей сестре нужно вновь заняться собой, миссис Лэндон, понимаете? И поскорее. Членовредительство так же далеко от самоубийства, как анорексия, но и первое, и второе говорят о суицидальных тенденциях. – Он достал из кармана белого халата блокнот, начал писать. – Я хочу порекомендовать вам и вашей сестре одну книгу. Она называется «Кто режет себя?», и ее автор...

– Питер Марк Стайн, – закончила Лизи.

Доктор Мансингер в удивлении поднял голову.

– Мой муж нашел эту книгу после того, как Анда... после того, что мистер Стайн называет...

(после ее була ее последнего кровь-була)

Молодой доктор Мансингер смотрел на нее, ожидая завершения фразы.

(продолжай Лизи скажи это называется бул называется кровь-бул)

Она придавила эти мысли.

– После последнего с Андой случая того, что Стайн называет *разрядкой*. Он ведь использует именно этот термин, так? – Голос Лизи звучал спокойно, но в ложбинках висков выступили капельки пота. Потому что внутренний голос был прав. Назови это разрядкой или кровь-булом, смысл от этого не менялся. Совершенно не менялся.

– Думаю, да, – ответил Мансингер, – но книгу я прочитал несколько лет назад.

– Как я и сказала, мой муж нашел книгу, прочитал ее, дал прочитать мне. Я ее найду и отдам Дарле. Рядом с нами живет еще одна наша сестра. Сейчас она в Бостоне, но, как только вернется, я прослежу, чтобы эту книгу прочитала и она. И мы будем приглядывать за Амандой. С ней бывает трудно, но мы ее любим.

– Ладно, с этим понятно. – Он соскользнул со стола. Бумажная простыня скрипнула. – Лэндон. Ваш муж был писателем?

– Да.

– Примите мои соболезнования.

Как она выяснила на собственном опыте, то было одним из самых странных последствий брака со знаменитым человеком: даже через два года после его смерти люди продолжали выражать ей соболезнования. Она догадывалась, что ничего не изменится и еще через два года. А то и через десять. Это навевало тоску.

– Благодарю вас, доктор Мансингер.

Он кивнул, а потом вернулся к предмету их разговора, что не могло не радовать.

– Такие случаи среди зрелых женщин довольно редки. В значительно большей степени членовредительство характерно для...

Лизи уже представила себе концовку фразы: ...подростков вроде той паршивки, что плачет в соседней комнате, когда в приемной что-то сильно грохнуло, и послышались возбужденные крики. Дверь из приемной в «смотровую-2» распахнулась, на пороге возникла медсестра. Она вроде бы даже увеличилась в размерах, будто проблемы раздували ее.

– Доктор, вы можете подойти?

Мансингер не стал извиняться, просто сорвался с места. Лизи за это его только зауважала: СОВИСА. Она подошла к двери в тот самый момент, когда добрый доктор буквально сшиб с ног девушку, которая выскочила из «смотровой-1», чтобы посмотреть, что происходит в приемной, а потом толкнул таращащуюся Аманду в объятия сестры так сильно, что они обе едва не повалились на пол. Дорожный коп и полицейский округа Маунти стояли над молодым человеком без видимых травм, который раньше дожидался своей очереди позвонить по телефону. Теперь он лежал на полу, лишившись чувств. Парень с разорванной щекой продолжал говорить, как будто ничего не произошло. Все это заставило Лизи вспомнить стихотворение, которое когда-то прочитал ей Скотт, – удивительное, жуткое стихотворение о том, как мир вдруг начал вращаться, наплевав на то

(берьмо)

сколько это приносит нам боли. Кто его написал? Элиот? Оден? Человек, который написал стихотворение на смерть борт-стрелка? Скотт мог бы сказать. И в этот момент она отдала бы последний цент, чтобы получить возможность повернуться к нему и спросить, кто из них написал то стихотворение о страдании.

11

– Ты точно в порядке? – спросила Дарла. Она стояла у двери маленького дома Аманды (после посещения больницы прошел час или чуть больше), и легкий ночной июньский ветерок обдувал их лодыжки и шелестел страницами журнала на столике в холле.

Лизи скорчила гримасу.

– Если спросишь еще раз, я блевану прямо на тебя. Все у нас будет хорошо. Мы выпьем какао... мне придется ее поить, потому что в нынешнем состоянии она не сможет держать чашку в руке.

– И хорошо, – кивнула Дарла. – Если вспомнить, что она сделала с последней, которую держала.

– Потом ляжем спать. Две старые девы Дебушер, не взяв в постель даже один дилдо³⁷.

– Очень забавно.

– Завтра поднимемся с восходом солнца! Кофе! Овсянка! Потом в аптеку с рецептами! Назад, чтобы сделать ванночку для рук. А потом, Дарла, дорогая, ты заступаешь на вахту!

– Если ты так считаешь...

– Считаю. Поезжай домой и накорми своего кота.

Дарла бросила на нее еще один, полный сомнения, взгляд, потом чмокнула в щечку, как всегда при расставании, обняла за плечи. Пошла по дорожке к своему маленькому автомобилю. Лизи закрыла дверь, заперла на замок, посмотрела на Аманду, которая сидела на диване в ночной рубашке из хлопчатобумажной ткани, спокойная и умиротворенная. В голове промелькнуло название старинного готического романа... она читала его в юном возрасте. «Мадам, вы говорите?»

– Анди? – мягко позвала она.

Аманда посмотрела на нее, ее синие дебушеровские глаза были такими большими и доверчивыми, что Лизи подумала: нет, не сможет она подвести Аманду к интересующим ее темам, Скотт и булы, Скотт и кровь-булы. Если Аманда сама заговорит об этом, скажем, в темноте, когда они лягут в постель, это одно. Но подводить ее к этому... После такого трудного для нее дня?

У тебя тоже был тот еще день, маленькая Лизи.

³⁷ Дилдо – фаллоимитатор, искусственный член.

Что правда, то правда, но она не считала это поводом ставить под угрозу умиротворенность, которую видела сейчас в глазах Аманды.

– Что скажешь, Лизи? – нарушила тишину Аманда.

– Как насчет чашки какао перед тем, как лечь спать?

Аманда улыбнулась. Сразу помолодела на многие годы.

– Какао перед сном – это прекрасно.

Они выпили какао, а поскольку Аманда не могла брать чашку руками, она разыскала безумно изогнутую пластмассовую трубочку (возможно, эта трубочка отлично смотрелась бы на полке магазина «Обурн новелти») в одном из кухонных ящиков. Прежде чем окунуть один конец в какао, Аманда показала трубочку Лизи (зажав двумя пальцами, как и показывал ей доктор): «Смотри, Лизи, это мой *мозг*».

С мгновение Лизи только таращилась на Аманду, не в силах поверить, что действительно услышала, как сестра шутит. Потом рассмеялась. Рассмеялись они обе.

12

Они выпили какао, по очереди почистили зубы, как давным-давно делали в фермерском доме, где выросли, а потом легли спать. Но как только погасла прикроватная лампа и комната погрузилась в темноту, Аманда произнесла имя сестры.

Господи, вот оно, тревожно подумала Лизи. *Опять на бедного Чарли выльют ведро помоев. Или... речь пойдет о буле? В этом все-таки что-то есть? А если есть, хочу ли я об этом слышать?*

– Что, Анда?

– Спасибо, что помогаешь мне. От этой мази, которую дал мне доктор, рукам гораздо лучше, – и она перекатилась на бок.

Лизи вновь изумилась: неужели это все? Вроде бы да, потому что через минуту или две дыхание Аманды изменилось, стало медленнее и ровнее, как во сне. Она, конечно, еще могла проснуться и потребовать таблетку тайленола, но пока точно заснула.

Лизи не рассчитывала на такое счастье. Она ни с кем рядом не спала с ночи перед отъездом мужа в его последнее путешествие и уже отвыкла от этого. Опять же, ее не отпускали мысли о «Заке Маккуле», не говоря уже про работодателя, инкунка, сукиного сына Вудбоди. Она должна поговорить с Вудбоди в самое ближайшее время. Собственно, завтра. А пока она должна подготовиться к тому, что, возможно, придется провести несколько часов без сна, может, всю ночь, скажем, в кресле-качалке Аманды, которое стояло внизу... если так, она, возможно, найдет на книжных полках что-нибудь достойное для чтения.

«Мадам, вы говорите?», подумала Лизи. *Может, ту книгу написала Элен Макиннес? И стихотворение о башенном стрелке точно написал не мужчина...*

С этой мыслью Лизи и провалилась в глубокий сон. Ей не снилось полотнище-самолет «ПИЛЬСБЕРИ – ЛУЧШАЯ МУКА». Ей вообще ничего не снилось.

13

Она проснулась глубокой ночью, когда луна зашла, а время, казалось, остановилось. Лизи не понимала, то ли проснулась, то ли по-прежнему спит, прижавшись к теплой спине Аманды, как когда-то прижималась к теплой спине Скотта, или пристроив коленные чашечки в подколенные углубления Аманды, как когда-то пристраивалась к Скотту... в их кровати, в сотнях кроватей в номерах мотелей. Черт, в пятистах кроватях, может, в семистах, я слышу тысячу, кто-нибудь скажет «тысяча», ставка поднимается до тысячи? Она думала о булах и кровяных булах. О СОВИСЕ и о том, как иногда ты можешь только склонить голову и ждать, когда

переменится ветер. Она думала, если темнота любила Скотта, что ж, тогда это была истинная любовь, не так ли, потому что и он любил темноту; танцевал с ней по бальному залу годов, пока наконец темнота не унесла его с собой.

Она подумала: *Я снова иду туда.*

И Скотт, образ которого жил в ее голове (по крайней мере она думала, что это Скотт, но кто мог знать наверняка), спросил: *Куда ты идешь, Лизи? Куда теперь, любимая?*

Она подумала: *Назад в настоящее.*

И Скотт сказал: *Тот фильм назывался «Назад в будущее». Мы смотрели его вместе.*

Она подумала: *Это был не фильм, это – наша жизнь.*

И Скотт спросил: *Крошка, чем ты занята?*

Она подумала: *Ну почему я влюблена в такого...*

14

Он – такой дурак, думает она. Он – дурак, а я – дура, потому что связалась с ним.

Она все еще стоит, глядя на лужайку за домом, не хочет звать его, но начинает нервничать, потому что он вышел из кухни на траву в ночные тени (уже одиннадцать часов) десять минут назад, и что он может там делать? Там же нет ничего, кроме зеленой изгороди и...

Откуда-то, но не издалека, доносятся визг шин по асфальту, звон разбивающегося стекла, лай собаки, пьяный вопль. Другими словами, обычные звуки пятничного вечера в небольшом городке, основной достопримечательностью которого является колледж. Ей хочется позвать его, но, если она это сделает, даже если выкрикнет только его имя, он узнает, что она больше на него не злится. Во всяком случае, не так уж и злится.

Собственно, совсем не злится. Но дело в том, что он выбрал вечер действительно плохой пятницы, чтобы появиться в шестой или седьмой раз, и впервые опоздал. Они собирались посмотреть фильм модного шведского режиссера, и она надеялась, что фильм будет дублирован, а не пойдет с субтитрами. Придя с работы, она быстренько съела салат, надеясь, что после кино Скотт поведет ее в «Медвежью берлогу» и угостит гамбургером (если бы не повел, она сама привела бы его туда). Потом зазвонил телефон, и она решила, что это он, в надежде, что он передумал и поведет ее на фильм Редфорда, который показывали в одном из кинозалов торгового комплекса в Бангоре (пожалуйста, только не на танцы в «Анкоридж», только не после восьмичасовой смены на ногах). Но в трубке раздался голос Дарлы, которая вроде бы позвонила, «чтобы поболтать», но тут же перешла к делу, обвинив сестру в том (вновь), что она убежала в Облачную страну (термин Дарлы), оставив ее, Аманду и Кантату разгребать все проблемы (под этим подразумевалась добрый мамик, которая к 1979 году стала толстым мамиком, слепым мамиком и, что хуже всего, свихнувшимся мамиком), тогда как она, Лизи, «развлекалась с мальчиками из колледжа». Как будто она отдыхала, восемь часов в день разнося пиццу. Для Лизи Облачная страна представляла собой маленькую пиццерию в трех милях от кампуса университета Мэна да парней-неудачников, обычно из студенческого общества «Дельта-Тау»³⁸, которые только и норовили, что залезть к ней под юбку. Не слишком определенные мечты (ходить на лекции по нескольким дисциплинам, может, по вечерам) очень быстро испарились как дым. И дело тут было в отсутствии времени и сил, а не ума. Она слушала жалобы Дарлы, пытаясь не заводить, но в конце концов сорвалась, и все закончилось тем, что они принялись кричать друг на друга через сто сорок миль телефонных проводов, изливая наболевшее. Это был, как сказал бы ее бойфренд, полный долбец, и последнюю точку поставила Дарла, сказав свое коронное: «Делай что хочешь... ты всегда будешь делать, всегда делаешь».

³⁸ Студенческие общества называются по буквам греческого алфавита. Если сливки собираются в альфа-бета-гаммах, то изгой-неудачники где-то в дельтах и тау.

После этого ей расхотелось есть на десерт кусок творожного пудинга, который она принесла из ресторана, и она совершенно точно не хотела идти на любой фильм Ингмара Бергмана... но хотела Скотта. Да. Потому что за последние два месяца, особенно за последние четыре или пять недель, у нее развилась такая забавная зависимость от Скотта. Может, это покажется странным (*скорее всего*), но она чувствует себя в полной безопасности, когда он обнимает ее, чего не было ни с кем из других ее парней. С остальными она испытывала раздражение или усталость (иногда и мимолетную похоть). Но в Скотте есть доброта, и с первого момента она ощутила в нем интерес (интерес к ней), во что никак не могла поверить, потому что он был настолько умнее и такой талантливый. (Для Лизи доброта значила гораздо больше, чем ум и талант.) Но теперь она в это верит. И он говорит на языке, за который она с жадностью ухватилась с самого начала. Это не язык Дебушеров, но язык, который она тем не менее знает очень хорошо: словно всегда говорила на нем в своих грезах.

Но что хорошего в разговоре и в особом языке, если говорить не с кем? Даже некому поплакаться. Вот что ей необходимо этим вечером. Она ничего не рассказывала ему о своей безумной гребаной семейке (ой, простите, о своей безумной долбаной семейке), но собиралась рассказать этим вечером. Понимала, что должна рассказать, а не то взорвется от жалости к себе. Вот, разумеется, он и выбрал этот вечер для того, чтобы не появиться. И, дожидаясь, она пыталась убедить себя, что Скотт, конечно же, не мог знать о ее яростной ссоре со старшей сестрой, но по мере того как шесть часов сменились семью, а семь – восемью, я слышу девять, приходи, девять, дайте мне девять, она взялась за кусок творожного пудинга, а потом выбросила его, потому что в ней накопилось слишком много долбаной... слишком много гребаной злости, чтобы есть пудинг, а у нас уже есть девять, кто-нибудь даст мне десять, да, уже десять часов, но «форд» выпуска 1973 года с одной мигающей фарой все не подъезжает к дому на Норт-Мэн-стрит, в котором находилась ее квартира, вот она и стала еще злее, если не сказать разъярилась.

Она сидела перед телевизором, рядом стоял едва пригубленный стакан с вином, по телевизору показывали какую-то программу о природе, которую ее глаза просто не видели, а ее злость полностью и окончательно переросла в ярость. Но именно тогда она пришла к выводу, что Скотт не порвал с ней окончательно. Он *устроил бы сцену*, как говорила народная мудрость. В надежде *смочить свой конец*. Еще одна добыча Скотта из пруда слов, куда мы все забрасываем свои сети, и какая она очаровательная! Какими очаровательными были они все!

Потому что из того же пруда он добыл «тряхнуть своим пеплом», «зажечь свой фитиль», «создать зверя о двух спинах», «перепихнуться» и очень элегантно «урвать кус». Как здорово соотносились они с Облачной страной, и сейчас, сидя перед телевизором и прислушиваясь, в надежде уловить характерный шум приближающегося «форда ферлейна» выпуска 1973 года (спутать с другим автомобилем невозможно из-за дыры в глушителе), Лизи думала о словах Дарлы: «Делай что хочешь, ты всегда так делаешь». Да, и вот она, маленькая Лизи, королева мира, делает то, что она хочет, – сидит в жалкой маленькой квартирке, ждет, когда появится ее бойфренд, мало того что припозднившийся, так еще и пьяный... но она все равно хотела кусок, потому что все этого хотели, была даже шутка: «Эй, официантка, принесите мне «Пастушечью особую», ромашковый чай и кусок счастья». И вот она сидела на стуле с бугристым сиденьем, с одного конца – гудящие после восьмичасовой смены ноги, с другого – раскалывающаяся голова, и смотрела, как в телевизоре (на изображение накладываются помехи, потому что комнатная антенна, купленная в «Кей-Марте», обеспечивает долбаный прием) гиена пожирает дохлого суслика, а может, и крысу. Лизи Дебушер, королева мира, ведущая роскошную жизнь.

И однако, когда часовая стрелка переползла через число 10, разве она не почувствовала, что в нее начинает медленно, но верно заползать счастье? И теперь, глядя на укрытый тенью луг, Лизи думает, что ответ – «да». *Знает*, что ответ – «да». Потому что, сидя с головной болью и стаканом терпкого красного вина, наблюдая за гиеной, обедающей сусликом под коммента-

рий: «Хищник знает, что так хорошо поесть ему, возможно, удастся лишь через много дней», – Лизи не сомневалась, что она любила его и знала много такого, что могло нанести ему урон.

А он тоже любил ее? Был одним из них?

Все так, но в данном вопросе его любовь к ней имела второстепенное значение. Главное было в другом – в жажде смерти, которую она в нем видела. Другие друзья Скотта видели его талант, который их ослеплял. Она же замечала, с каким трудом ему иногда удается встретиться с незнакомцем взглядом. Она это понимала и знала, что могла больно ударить его, если бы захотела, несмотря на два опубликованных романа и умные, иногда блестящие мысли, которыми он делился с собеседниками. Он, по словам ее отца, просто *нарывался на неприятности*. И занимался этим всю свою обаятельную долбаную... нет, поправка, всю свою обаятельную гребаную жизнь. Сегодня обаянию Скотта предстояло дать трещину. И кто его разобьет? Она.

Маленькая Лизи.

Она выключила телевизор, пошла на кухню со стаканом вина, вылила его в раковину. Больше пить не хотелось. На вкус оно стало не столько терпким, как кислым. *Оно скисло из-за тебя*, подумала Лизи. *Вот как твое отсутствие подействовало на вино*. И в этом она несколько не сомневалась. Старый радиоприемник стоял на подоконнике над раковиной, старый «филко» с треснувшим пластмассовым корпусом. Приемник принадлежал папане; он брал его с собой в амбар и слушал, пока работал. Это была единственная его вещь, которая осталась у Лизи, а на окне она держала его потому, что лишь там он брал местные станции. Джодота подарила ему этот приемник на Рождество, купила на распродаже, но когда он развернул бумагу и увидел подарок, губы его растянулись в такой широкой улыбке, что казалось, разорвутся, и как он ее благодарил! Снова и снова! Ту самую Джоди, которая всегда была его любимцей, и эта самая Джоди как-то в воскресенье, за обеденным столом, объявила родителям (черт, объявила им всем), что беременна, а мальчик, который ее обрюхатил, сбежал, завербовался на флот. Она хотела знать, может, тетя Синтия из Уолфеборо, штат Нью-Гэмпшир, позволит пожить у нее до того, как ребенка можно будет *отдать на усыновление*. Именно так и выразилась Джоди, словно речь шла о домашней живности. Новость ее встретили непривычной для воскресного обеда тишиной. Это был один из тех редких случаев на памяти Лизи (может, единственный), когда непрерывный разговор ножей и вилок с тарелками (семеро голодных Дебушеров споро расправлялись с жареным мясом) прекратился. Наконец добрый мамик спросила: «Ты говорила об этом с Богом, Джодота?» А Джоди (вот тебе, добрый мамик) ответила: «Ребеночка мне сделал Дон Клотьер, не Бог». Именно тогда отец вышел из-за стола, не сказав любимой дочери ни слова, даже не посмотрев на нее. А несколько минут спустя они услышали, что в амбаре работает радиоприемник, очень тихо. Через три недели отца свалил первый из трех инсультов. К тому времени Джоди уехала (не в Майами, туда она отправилась через много лет), и теперь Лизи становится объектом нападков Дарлы, а почему? Потому что Канти на стороне Дарлы, а обзывать Джоди всякими словами не приносит им никакого удовольствия. Джоди отличается от остальных сестер Дебушер. Дарла называет ее холодной, Канти – эгоистичной, обе называют ее безответственной, но Лизи думает, что дело в другом, отличие у нее как раз хорошее. Джоди – единственная из всех сестер, кто нацелен на выживание и совершенно невосприимчив к парам вины, наполнявшим семейный вигвам. Сначала эти пары исходила бабушка Ди, потом добрый мамик, но Дарла и Канти уже готовы подхватить эстафету, уже понимают, если ты называешь этот ядовитый, вызывающий привыкание дым *долгом*, никто не велит тебе затушить костер. Что же касается Лизи, она только хочет, чтобы таких, как Джоди, было больше. Тогда на обзывания Дарлы она смогла бы ответить: «Засунь это себе в зад, дорогая Дарла» или «Что себе постелила, на том и спи».

15

Она стоит у двери на кухню. Смотрит на большой, чуть уходящий вниз двор. Хочет увидеть Скотта возвращающимся из темноты. Хочет позвать его (да, больше, чем что-либо еще), но упрямство удерживает его имя за губами. Она еще немного подождет.

Но лишь немного.

Потому что ее уже начал охватывать страх.

16

Отцовский приемник берет только средние волны. Радиостанция «WGUY» давно уже канула в Лету и ушла из эфира, но «WDER» транслировала старые песни, и когда она мыла стакан, из которого вылила вино, какой-то герой пятидесятых пел о юной любви. Потом она вернулась в гостиную и... бинго! Он стоял на пороге с банкой пива в одной руке и привычной улыбкой на лице. Возможно, она не услышала шума подъезжающего автомобиля из-за музыки. Или из-за головной боли. Может, из-за первого и второго на пару.

– Эй, Лизи. Я сожалею, что опоздал. Действительно сожалею. После семинара Хонорса мы заспорили о Томасе Харди, и...

Она молча отворачивается от него и возвращается на кухню, к музыке, льющейся из «филко». Теперь это какая-то группа, поют «Ш-Бум». Он последовал за ней. Она знала, что последует, по-другому просто быть не могло. Она чувствовала, как все то, что ей хотелось высказать ему, копошится в горле, едкие фразы, ядовитые, но какой-то одинокий, полный ужаса голос сказал ей, что ничего этого говорить нельзя, во всяком случае, не этому человеку, но она совет проигнорировала. Переполненная злостью, не могла поступить иначе.

Он ткнул большим пальцем в сторону радиоприемника, гордясь никому не нужными знаниями.

– Это «Кордс»³⁹. Первоначальная черная версия⁴⁰.

Лизи повернулась к нему.

– Ты думаешь, меня интересует, кто и что поет по радио, после того как я отработала восемь часов и продала тебя еще пять? А потом ты заявляешься в четверть одиннадцатого, с улыбкой на лице, банкой пива в руке и историей о том, что какой-то давно умерший поэт для тебя важнее, чем я!

Улыбка с его лица не исчезла, но начала уменьшаться, пока не скукожилась до ямочки на щеке. А к глазам прилила вода. Потерянный, испуганный голос вновь попытался остановить ее, но она его проигнорировала. Потому что хотела рвать и метать. И по увядшей улыбке, и по растущей боли в глазах она видела, как он ее любит, и знала, что любовь эта лишь увеличивает разящую силу ее слов. Однако ей хотелось наносить удар за ударом. Почему? Да потому, что она могла их нанести.

Стоя у двери на кухню, дожидаясь возвращения Скотта, она не могла вспомнить всего, что наговорила ему, только каждая последующая фраза была жестче предыдущей, преследовала цель причинить большую боль. В какой-то момент она ужаснулась, осознав, что ничем не отличается от совершенно распоясавшейся Дарлы (еще одна задиристая Дебушер), и к тому моменту его улыбка давно уже сошла на нет. Он так серьезно смотрел на нее, такими невероятно большими глазами. Влага только увеличивала их размеры, и казалось, они вот-вот «сье-

³⁹ «Кордс» – рокнролльная группа, созданная в 1954 г.

⁴⁰ В данном контексте – исполненная первым составом группы, где выступали только афроамериканцы.

дят» все лицо. Она остановилась в какой-то момент, не закончив тирады о том, что ногти у него грязные, а он грызет их, как крыса, когда читает. Она остановилась, и паузу не заполнил ни шум двигателя проезжающего автомобиля, ни скрип шин, ни даже музыка, которая обычно доносилась из ночного клуба «Рок». Тишина накрыла ее с головой, и она поняла, что хочет дать задний ход, да только понятия не имела, как это сделать. Самое простейшее («Я все равно люблю тебя, Скотт, ляжем в постель») сразу в голову не пришло. Только после була.

– Скотт... Я...

Она не знала, куда двинуться дальше, но, похоже, и необходимости в этом не было. Скотт поднял указательный палец левой руки, как учитель, который собрался сказать что-то очень важное, и улыбка вернулась. Во всяком случае, некое подобие улыбки.

– Подожди.

– Подождать?

На его лице отразилась радость, словно она постигла какой-то сложный замысел.

– Подожди.

И прежде чем она успела сказать что-то еще, он вышел в темноту, расправив плечи, уверенной походкой (весь алкоголь выветрился), джинсы обтягивали узкие бедра. Ей удалось лишь один раз произнести его имя: «Скотт?» – на что он опять поднял указательный палец: *подожди*. А потом тени поглотили его.

17

И теперь она стоит, в тревоге глядя на лужайку. Она выключила свет на кухне в надежде, что так ей будет легче разглядеть его, но, пусть во дворе соседнего дома горит фонарь, тени захватили большую часть склона. В соседнем дворе залаяла собака. Звать собаку Плутон, она это знает, потому что соседи время от времени выкрикивают эту кличку, подзывая собаку к себе, но какой от этого прок? Она думает о звоне разбившегося стекла, который слышала минуту назад: как и лай, звенело где-то неподалеку. Другие звуки этой несчастливой ночи доносились издалека.

Почему, ну почему она так набросилась на него? Она же с самого начала не хотела идти на этот дурацкий шведский фильм! И почему она находила в этом такую радость? Такую злобную и мерзкую радость?

И на этот вопрос ответа у нее не было. Конец весны, ночной воздух наполнен ароматами, и как долго он там, в темноте? Только две минуты? Может, пять? Кажется, дольше. И этот звук разбивающегося стекла, он как-то связан со Скоттом?

Внизу, под холмом, расположены теплицы.

Нет причины для того, чтобы ее сердце ускорило бег, но оно ускоряет. И едва это почувствовав, Лизи видит движение за пределами зоны видимости, где ее глаза уже ничего увидеть не могут. Секундой позже что-то движущееся принимает очертания мужской фигуры. Она испытывает облегчение, но страх не уходит. Она продолжает думать о звуке разбивающегося стекла. И идет он как-то странно. Прежняя уверенная походка куда-то подевалась.

Теперь она зовет его по имени, но имя это слетает с губ шепотком: «Скотт?» И одновременно ее рука шарит по стене в поисках выключателя, чувствуя необходимость включить фонарь над дверью на кухню, осветить ведущие к ней ступени.

Имя она произносит тихо, но человек-тень, который бредет через лужайку (да, именно бредет, все так, не идет, а бредет), поднимает голову в тот самый момент, когда странным образом онемевшие пальцы Лизи находят выключатель и щелкают им.

– Это бул, Лизи! – кричит он, едва вспыхивает свет, и разве могло бы получиться лучше, если б этот эпизод играли на сцене? Она думает, что нет. В его голосе она слышит восторженное облегчение, как будто ему удалось все поправить. – И это не просто бул, это кровь-бул!

Она никогда не слышала этого слова раньше, но не путает его ни с фу, ни с буром, ни с чем-то еще. Это бул, еще одно словечко Скотта, и это не просто бул, а кровь-бул. Свет фонаря над дверью спускается со ступенек навстречу Скотту, а он протягивает к ней левую руку как подарок, она уверена, что протягивает именно как подарок, и она также уверена, что где-то под этим есть рука, и молится Иисус Марии и Иосифу, Вечному Плотнику, чтобы под этим была рука, иначе ему придется заканчивать книгу, над которой он сейчас работает, и все прочие книги, за которые может взяться позже, печатая одной рукой. Потому что на месте левой руки теперь красная и кровоточащая масса. Кровь струится между отростками, которые вроде бы были пальцами, и, даже сбега по ступенькам ему навстречу, едва не сломав ногу, она считает эти отростки: один, два, три, четыре и, слава Богу, большой палец, пять. Пока все на месте, но его джинсы в красных пятнах, и он все протягивает к ней иссеченную левую руку, ту самую, которой он пробил одну из толстых стеклянных панелей теплицы, проломившись через зеленую изгородь у подножия холма, чтобы добраться до нее. И теперь протягивает ей свой подарок, акт искупления за опоздание, кровь-бул.

– Это для тебя, – говорит он, когда она срывает с себя блузку и оборачивает ею красную и кровоточащую массу. Лизи чувствует, как материя напитывается кровью, чувствует безумный жар этой крови и понимает (разумеется!), почему этот одинокий голос был в таком ужасе от всего того, что она говорила Скотту. Этот голос все знал с самого начала: и про то, что мужчина, которого она честила, был влюблен в нее, и про то, что он был наполовину влюблен в смерть, всегда с готовностью соглашался с любыми упреками и претензиями, которые кем угодно и в любой, даже самой грубой форме высказывались ему.

Кем угодно?

Нет, не совсем. Он не столь уязвим. Только теми, кого он любит. И Лизи внезапно осознает, что она – не единственная, кто ничего не рассказывал о своем прошлом.

– Это для тебя. Чтобы сказать, я сожалею, что забыл, и такого больше не повторится. Это бул. Мы...

– Скотт, помолчи. Все хорошо. Я не...

– Мы называем это кровь-бул. Он особенный. Отец говорил мне и Полу...

– Я не злюсь на тебя. Никогда не злилась.

Он останавливается у первой из скрипящих деревянных ступенек, ведущих к двери на кухню, таращится на нее. Ее блузка неумело завернута вокруг его левой руки, как рыцарская матерчатая перчатка; когда-то желтая, теперь она практически вся красная. Лизи стоит на лужайке в бюстгальтере «мейденформ», чувствует, как трава щекочет голые лодыжки. В тусклом желтом свете фонаря, который льется на них от кухонной двери, ложбинка между грудей прячется в глубокой тени.

– Ты его берешь?

Он смотрит на нее с такой детской мольбой. Мужчины в нем более не осталось. Она видит боль в его неотрывном, жаждающем взгляде, и ей понятно, что боль эта вызвана не порезанной рукой, но она не знает, что ей сказать. Просто представить себе не может. Наверное, она может предложить ему перевязать руку, и с этим она бы справилась, но в данный момент словно окаменела. Именно это она должна сказать? А может, именно этого говорить и нельзя? Может, от этих слов он вновь побежит к теплице, чтобы порезать вторую руку?

Он помогает ей.

– Если ты берешь бул, особенно кровь-бул, тогда извинение принимается. Отец так говоил. Отец говоил это мне и Полу снова и снова.

Не *говори*л, а *говои*л. Детское произношение. О Господи.

– Полагаю, возьму, – говорит Лизи, – потому что я с самого начала не хотела смотреть этот чертов шведский фильм с субтитрами. У меня болят ноги. Я просто хотела лечь с тобой в постель. А теперь смотри, вместо этого мы должны ехать в отделение неотложной помощи.

Он качает головой, медленно, но решительно.

– *Скотт...*

– Если ты не злилась на меня, почему ты обзывала всеми этими дурными словами?

Всеми этими дурными словами. Конечно же, еще одна почтовая открытка из детства. Она это отмечает, дает себе зарок подумать об этом позже.

– Потому что я больше не могла кричать на мою сестру, – говорит она. Объяснение кажется ей забавным, и она начинает смеяться. Смеется, не в силах остановиться, и собственный смех так шокирует ее, что она начинает плакать. Потом чувствует, что голова идет кругом. Опускается на ступеньки, думая, что сейчас лишится чувств.

Скотт садится рядом. Ему двадцать четыре года, волосы отросли почти до плеч, на щеках двухдневная щетина, и он стройный, как линейка. Его левая кисть одета в ее блузку, один рукав развернулся и висит. Скотт целует ее в пульсирующую впадину виска, потом смотрит с обожанием, все понимая. Когда начинает говорить, становится практически прежним Скоттом.

– Я понимаю. Семьи засасывают.

– Это точно, – шепчет она.

Он обнимает ее левой рукой, которую она уже воспринимает кровь-бульной рукой, его подарком ей, его безумным долбаным подарком в пятничную ночь.

– Они не должны иметь значения в жизни человека, – говорит он. Голос на удивление спокоен. Словно он только что не превратил левую руку в кровоточащую рану. – Послушай, Лизи: люди могут забыть все.

Она с сомнением смотрит на него.

– Могут?

– Да. Теперь пришло наше время. Ты и я. Вот что имеет значение.

«Ты и я». Но она действительно этого хочет? Теперь, когда она видит, на какой тонкой проволоке он балансирует. Теперь, когда она получила наглядное представление, какой может быть совместная с ним жизнь. Потом она думает об ощущениях, которые вызывают прикосновения его губ к височной впадине, прикосновения к этому особому тайному местечку, и думает: «Может, и хочу. Разве не у каждого тайфуна есть глаз?»

– Правда? – спрашивает она.

Несколько секунд он молчит. Только обнимает ее. Из паршивенького центра Кликса доносится рев двигателей, крики, дикий, истерический смех. Пятница, вечер, вот неудачники-изгой и веселятся. Но здесь все по-другому. Здесь только напоенный ароматами цветов длинный, пологий склон холма, лай Плутона под фонарем в соседнем дворе, ощущение обнимающей руки Скотта. Даже теплая, влажная тяжесть раненой руки успокаивает, пусть капли крови клеймят ее тело.

– Крошка, – говорит он.

Пауза.

– Любимая, – продолжает он.

Для Лизи Дебушер, которой надоела ее семья, но которая в не меньшей степени устала жить одна, этого достаточно. Наконец-то достаточно. Он позвал ее домой, и в темноте она сдается Скотту, которого видит в нем. И с этого момента до самого конца ни разу не оглянется.

18

Когда они вновь на кухне, она разматывает блузку и осматривает раненую руку. Глядя на нее, вновь чувствует, что готова плюхнуться в обморок. Свет над головой становится очень ярким, с тем чтобы погрузить ее во тьму. Но она борется, пытается не потерять сознание, и ей это удается, потому что она говорит себе: «Я ему нужна. Я ему нужна, чтобы отвезти его в отделение неотложной помощи в Дерри-Хоум».

Каким-то образом ему удалось не порезать вены, которые находятся у самой кожи на запястье, но глубокие раны рассекают ладонь в четырех местах, кое-где кожа висит, как отклеившиеся обои, а кроме того, порезаны, как говорил ее отец, «три толстых пальца». Еще одна рана – жуткий порез на предплечье, из которого, как акулий плавник, торчит треугольник толстого зеленого стекла. Она слышит, как с ее губ слетает беспомощное: «О-ох», – когда он выдергивает осколок (небрежно так, словно мимоходом) и бросает в мусорное ведро. При этом пропитанную кровью блузку он держит под кистью и предплечьем, определенно стараясь не запачкать кровью пол кухни. Несколько капель все-таки падают на линолеум, это такая малость в сравнении с количеством вытекшей из ран крови. На кухне у нее есть высокий стул, на котором она сидит, когда чистит овощи или моет посуду (когда человек на ногах по восемь часов в день, он использует каждую возможность присесть), и Скотт подвигает его к себе одной ногой и садится так, чтобы кровь с руки капала в раковину. Он говорит, что объяснит ей, как и что нужно сделать.

– Ты должен пойти в отделение неотложной помощи, – говорит она ему. – Скотт, прояви благоразумие. В руке полно сухожилий и еще много чего. Ты хочешь потерять возможность пользоваться рукой? Потому что такое может случиться! Ты останешься без руки! Если ты беспокоишься из-за того, что они скажут, придумай какую-нибудь историю, в этом ты мастер, а я тебя поддержу.

– Если завтра ты захочешь, чтобы я пошел в больницу, я пойду, – говорит он ей. Теперь он уже совершенно нормальный Скотт, и его обаяние действует гипнотически. – От этого я сегодня не умру, кровотечение уже практически прекратилось, а кроме того, ты знаешь, что такое отделение неотложной помощи в ночь с пятницы на субботу? Пьяницы на параде! Прийти туда в субботу утром куда как лучше. – Теперь он уже улыбается, его улыбка однозначно говорит: «Родная моя, у меня все хорошо», – почти что требует ответной улыбки, она пытается не поддаваться, но проигрывает эту битву. – А кроме того, все Лэндоны поправляются очень быстро. По-другому нам нельзя. Сейчас я расскажу тебе, что нужно делать.

– Ты ведешь себя так, словно вышибал стекла в десятке теплиц.

– Нет. – Его улыбка немного вянет. – До этой ночи никогда не вышибал стекла в теплице. Но я многое знал о ранах и травмах. Мы оба знали, Пол и я.

– Он был твоим братом?

– Да. Он умер. Набери таз теплой воды, Лизи, хорошо? Теплой, но не горячей.

Она хочет задать ему всякие и разные вопросы о его брате,

(Отец говорил Полу и мне снова и снова)

раньше она и не подозревала, что у Скотта был брат, но сейчас не время. Не собирается она и уговаривать его ехать в отделение неотложной помощи, во всяком случае, немедленно. Во-первых, если он согласится, за руль придется садиться ей, а она не уверена, что справится, потому что внутри все дрожит. И он прав насчет кровотечения, оно уже далеко не такое сильное. Возблагодарим Бога за маленькие радости.

Лизи достает белый пластмассовый таз (купленный в гипермаркете «Маммот-Март» за семьдесят девять центов) из-под раковины и наполняет его теплой водой. Он опускает в воду порезанную руку. Поначалу все в порядке: щупальца крови, которые тянутся к поверхности, ее не смущают. Но когда он начинает второй рукой потирать раненую, вода становится розовой, и Лизи отворачивается, спрашивая его, почему, во имя Господа, он вновь вызывает кровотечение.

– Я хочу точно знать, что раны чистые, – отвечает он. – Они должны быть чистыми, когда мы... – Пауза, потом он заканчивает предложение: – Ляжем в постель. Я могу остаться у тебя, могу? Пожалуйста!

– Да, – кивает она, – конечно, ты можешь. – И думает: «Ты собирался сказать совсем другое».

Когда он приходит к выводу, что рука в достаточной степени отмокла, то сам выливает кровавую воду, освобождая Лизи от этой обязанности, потом показывает ей свою руку. Влажные и блестящие порезы выглядят уже не такими опасными, и одновременно они ужасны, чем-то напоминают рыбьи жабры, розовые сверху, в глубине переходящие в красноту.

– Могу я воспользоваться твоей коробочкой с пакетиками чая, Лизи? Я куплю тебе новую, обещаю. Я вот-вот должен получить чек за потиражные. Более чем на пять тысяч долларов. Мой агент поклялся честью своей матери. Тот факт, что у него была мать, сказал я ему, для меня новость. Это, между прочим, шутка.

– Я знаю, что это шутка, я не такая тупая...

– Ты совсем не тупая.

– Скотт, зачем тебе целая коробочка чайных пакетиков?

– Принеси, и ты все узнаешь.

Она приносит заварку. Все так же сидя на ее высоком стуле и работая одной рукой, Скотт вновь наполняет таз теплой, но не горячей водой. Потом открывает коробочку чайных пакетиков «Липтон».

– Это придумал Пол, – взволнованно говорит он. *Детское волнение*, думает Лизи. *Посмотри на эту модель самолета, которую я собрал сам, посмотри на невидимые чернила, которые я изготовил с помощью компонентов набора «Юный химик»*. Он опускает в воду пакетики, все восемнадцать или около того. Они немедленно начинают окрашивать воду в янтарный цвет, опускаясь на дно таза. – Немного пощиплет, но помогает действительно очень хорошо. Смотри!

Действительно, очень хорошо, думает Лизи.

Он опускает руку в слабый чай, который сам и заварил, и на мгновение губы его задираются, обнажая кривые и далеко не белые зубы.

– Больно, конечно, но помогает. Действительно очень хорошо помогает, Лизи.

– Да, – говорит она. Странно, конечно, но она знает, что чай то ли дезинфицирует, то ли способствует заживлению, может, и то, и другое вместе. Чаки Гендрон, повар блюд быстрого приготовления в ресторане, большой поклонник «Инсайдера»⁴¹, и иногда она заглядывает в этот журнальчик. Так вот буквально пару недель назад она прочитала где-то на последних страницах статью о том, что чай помогает от всего. Но с ней, само собой, соседствовала другая статья, о костях снежного человека, найденных в Миннесоте. – Да, думаю, ты прав.

– Не я, Пол. – Он взволнован, на щеки вернулся румянец. *Может сложиться впечатление, что эти порезы – первые в его жизни*, думает она.

Скотт указывает подбородком на нагрудный карман.

– Дай мне сигарету, любимая.

– А стоит ли тебе курить, когда твоя рука...

– Ничего, ничего.

Она достает пачку из нагрудного кармана, дает ему сигарету, подносит к ней огонек зажигалки. Ароматный дым (она всегда будет любить этот запах) синей струйкой поднимается к грязному, в разводах протечек потолку. Лизи хочет спросить Скотта о булах, особенно о кровяных булах. Она уже начинает представлять себе общую картину.

– Скотт, тебя и брата растили отец и мать?

– Нет. – Сигарету он сдвинул в уголок рта и шурит от дыма один глаз. – Мама умерла, когда рожала меня. Отец всегда говорил, что я убил ее, будучи лежебокой и очень большим. – Он смеется, словно это самая забавная шутка в мире, но это и нервный смех, смех ребенка над похабным анекдотом, смысл которого он до конца не понимает.

Она молчит. Боится что-либо сказать.

⁴¹ «Инсайдер» – один из популярных таблоидов.

Он смотрит вниз, на то место, где кисть и нижняя часть предплечья исчезают в тазу, который теперь наполнен подкрашенным кровью чаем. Часто затягивается, и на конце «Герберт Тейритон» растет столбик пепла. Глаз по-прежнему прищурен, отчего Скотт выглядит другим. Не то чтобы незнакомцем, не совсем, но *другим*. Как...

Ну, скажем, старшим братом. Который умер.

– Но отец говорил, не моя вина, что я продолжал спать, когда пришла пора вылезать. Он говорил, что матери следовало разбудить меня оплеухой, а она этого не сделала, поэтому я вырос таким большим, за что она и понесла наказание, бул, конец. – Он смеется. Пепел с сигареты падает на разделочный столик у раковины. Он, похоже, этого не замечает. Смотрит на руку, кисть которой скрыта под поверхностью мутного чая, но больше ничего не говорит.

Тем самым ставит Лизи перед деликатной дилеммой. Следует ей задавать очередной вопрос или нет? Она боится, что он не ответит, что он рявкнет на нее (он может *рявкать*, она это знает, она иногда бывала на его семинаре «Модернисты»). Она также боится, что он ответит. Думает, что ответит.

– Скотт? – Имя это она произносит очень мягко.

– М-м-м-м? – Сигарета выкурена уже на три четверти, а то, что кажется фильтром, в «Герберт Тейритон» является мундштуком.

– Твой отец делал булы?

– Кровь-булы, конечно. Когда мы трусили или чтобы выпустить дурную кровь. Пол делал *хорошие* булы. Забавные булы. Как при охоте за сокровищами. Ищи ключи к разгадке. «Бул! Конец!» – и получи приз. Как конфетку или «Ар-си»⁴². – Пепел снова падает с сигареты. Скотт не отрывает глаз от кровавого чая в тазу. – Но папа целует. – Он смотрит на нее, и она внезапно понимает: он знает все, о чем она не решается спросить, и готов ответить на все ее вопросы, как только сможет. Насколько хватит смелости. – Это приз отца. Поцелуй, когда прекращается боль.

19

В аптечке нет подходящего бинта, чтобы перевязать руку Скотта, вот Лизи и отрывает длинные полосы от простыни. Простыня старая, но ее потеря печалит Лизи: на зарплату официантки (плюс жалкие чаевые неудачников-изгоев и, чуть побольше, преподавателей, которые заглядывают на ленч в пиццерию «У Пэт») она не может позволить себе часто покупать льняные простыни. Но она думает о порезах на ладони и глубокой ране на предплечье и не колеблется.

Скотт засыпает, прежде чем его голова касается подушки на своей половине ее до нелепости узкой кровати; Лизи думает, что сон сразу не придет – его отгонят раздумья о том, что он ей рассказал, но куда там – мгновение, и она уже спит.

За ночь она просыпается дважды. Первый раз – по малой нужде. Кровать пуста. Не открывая глаз, она идет к ванной, на ходу задирая к бедрам большущую футболку с надписью «УНИВЕРСИТЕТ МЭНА» на груди, в которой спит, говоря: «Скотт, поторопись, ладно, очень хочется...» – но, войдя в ванную, в свете ночника, который она всегда оставляет включенным, видит, что комнатка пуста. Скотта там нет. И сиденье не поднято, а он всегда оставляет его поднятым после того, как отливает.

И Лизи уже совершенно не хочется облегчиться. Мгновенно ее охватывает ужас: он проснулся от боли, вспомнил все, что она ему наговорила, и его раздавили (как там это называется в «Инсайдере» Чаки?) вернувшиеся воспоминания.

⁴² «Арси» – (по начальным буквам RC) «Ройял кроун кола», напиток, изобретенный в 1905 г. в г. Колумбусе, штат Джорджия, аптека рем Клодом А. Хэтчером.

Причиной ухода стали эти воспоминания или все то, что он носил в себе? Точно она не знает, но уверена, что эта детская манера разговора... от нее точно мурашки бегут по коже... а вдруг он вернулся к теплицам, чтобы закончить начатое? На этот раз разрезать не руку, а горло?

Она спешит на кухню (в квартире только кухня и спальня) и краем глаза видит его, свернувшегося на кровати. Спит он в обычной для него позе зародыша, колени чуть ли не касаются груди, лоб упирается в стену (осенью, когда они съедут с этой квартиры, на стене останется слабое, но все-таки различимое пятно – метка Скотта). Она не раз говорила, что ему было бы больше места, если б он спал с края кровати, но он всегда ложится к стене. Сейчас чуть меняет позу, пружины скрипят, и в свете уличного фонаря Лизи видит черную прядь волос на его щеке.

Его не было в кровати.

Но он здесь, в доме. Если она сомневается, то может подсунуть руку под прядь волос, на которую смотрит, приподнять ее, почувствовать вес.

Может, мне только приснилось, что его нет?

Это логично (вроде бы), но, вернувшись в ванную и сев на унитаз, она думает: *Его не было. Когда я встала, эта долбаная кровать была пуста.*

Она поднимает сиденье после того, как заканчивает свои дела, потому что он, если встанет ночью, будет слишком сонным, чтобы вспомнить об этом. Потом возвращается в кровать. К тому времени уже спит на ходу. Он рядом с ней, и это имеет значение. Конечно же, только это и имеет.

20

Второй раз она просыпается не сама.

– Лизи.

Скотт трясет ее.

– Лизи, маленькая Лизи.

Она не хочет просыпаться, у нее был тяжелый день (черт, тяжелая *неделя*), но Скотт не отстает.

– Лизи, проснись.

Она ожидает, что утренний свет ударит в глаза, но еще темно.

– Скотт. В чем дело?

Она хочет спросить, не началось ли кровотечение, не сползла ли повязка, но это очень сложные вопросы для ее затянутого туманом сна мозга. Поэтому сойдет и «В чем дело?».

Его лицо нависает над ее, сна нет ни в одном глазу. Он взволнован, но его не гложет страх, и у него ничего не болит. Он говорит:

– Мы не можем и дальше так жить.

Эта фраза разгоняет сон, потому что пугает ее. Что он такое говорит? Хочет порвать с ней?

– Скотт? – Она шарит рукой по полу, находит свой «таймекс», щурясь, всматривается в циферблат. – Еще только четверть пятого! – Голос недовольный, раздраженный, и она недовольна и раздражена, но при этом и испугана.

– Лизи, мы должны жить в настоящем доме. Купить его. – Он мотает головой. – Нет, это потом. Я думаю, мы должны пожениться.

Облегчение охватывает ее, и она откидывается на подушку. Часы выскальзывают из ослабившихся пальцев и падают на пол. Это нормально. «Таймексы» выдерживают все, продолжая тикать. За облегчением следует изумление; ей только что сделали предложение, как леди в романе. За возом облегчения последовала маленькая красная тележка ужаса. Предложение

ей сделал (в четверть пятого утра, обратите внимание) тот самый парень, который продинамил ее вчера вечером и превратил руку в кровавое месиво после того, как она отругала его за это (и наговорила кое-что еще, что правда, то правда), а потом вернулся, протягивая ей раненую руку, как какой-то долбанный рождественский подарок. У этого парня умер брат, о чем она узнала этой ночью, и мать погибла вроде бы только потому, что он (как там выразился этот модный писатель?) вырос слишком большим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.